

Огонь, вода и медные трубы

В. И. Беляев

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Вы держите в руках воспоминания старого солдата. Автору буквально пришлось пройти через пылающее пшеничное поле, тонуть в реке при переправе и участвовать в параде Победы на Красной площади в Москве. Когда происходило то, что здесь описывается, все воспринималось, как само собой разумеющееся. Прошли годы, появилось много публикаций о прошедшей войне и автору стало ясно, что эти воспоминания тоже будут интересны многим читателям.

- [В.И.Беляев](#)

- [ОТ АВТОРА](#)
- [ГЛАВА ПЕРВАЯ. НА МАРШЕ](#)
- [ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ](#)
- [ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЕЙБ ГВАРДИИ РЯДОВОЙ](#)
- [ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. МЫ БЫЛИ ЧЁРНЫМИ](#)
- [ГЛАВА ПЯТАЯ. КОНТРАТАКА](#)
- [ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕУДАЧНАЯ РАЗВЕДКА](#)
- [ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КРЫСИНАЯ АТАКА](#)
- [ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПЕРЕПРАВА](#)
- [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО...](#)
- [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. В ОСОБОМ ОТДЕЛЕ](#)
- [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. БОЙ ЗА ГОРОД К.](#)
- [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ШЕСТЬ СЕКУНД](#)
- [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ](#)
- [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. СНОВА ОСОБЫЙ ОТДЕЛ](#)
- [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. В ЛАПАХ ЭСКУЛАПОВ](#)
- [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ](#)
- [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. РАССКАЗ ПОШИВАЛОВА](#)
- [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ](#)
- [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

В.И.Беляев

Огонь, вода и медные трубы

Москва, 2007 год

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*светлой памяти незабвенной,
горячо любимой супруги*

Шаманиной

Валентины Митрофановны

Дорогой читатель.

Вы держите в руках воспоминания старого солдата. Желание записать события, участником, которых был автор этих строк, появилось еще в студенческие годы, но далее отдельных набросков дело не пошло. Повседневные заботы не давали возможности выполнить эту работу.

В начале несколько слов о названии воспоминаний. Автору буквально пришлось пройти через пылающее пшеничное поле, тонуть в реке при переправе и участвовать в параде Победы на Красной площади в Москве.

Когда происходило то, что здесь описывается, все воспринималось, как само собой разумеющееся. Прошли годы, появилось много публикаций о прошедшей войне и, мне стало ясно, что эти воспоминания тоже будут интересны многим читателям. К тому же, при выступлении перед молодежью, меня радовал их неподдельный интерес к тем далеким событиям.

Для меня пребывание на фронте — это бои, вылазки к передовой противника, разведки чаще всего неудачные. Все воспоминания связаны с окопами, крысами, вшами с гибелью моих товарищей на минах или повисших на немецком проволочном заграждении. Вот это и заставило меня сесть за компьютер.

Все, описываемое в воспоминаниях, излагается с максимальной точностью. Успехи на войне даются нелегко. Были неудачи, просчеты. Никакого бахвальства здесь нет.

Названия рек, городов и деревень приводятся только в тех случаях, когда есть полная уверенность в том, что эти названия совершенно точные. Если такой уверенности нет, то автор, сам того не желая, может допустить неточность при их упоминании, что обязательно вызвало бы недовольство читателей.

Имена и фамилии, которые упоминаются, не всегда являются подлинными, несмотря на то, что они мне точно известны, так как некоторые факты будут неприятны для участников событий или их родственникам.

В ряде случаев, когда нужно изложить свое понимание каких либо событий или проблем, применяется диалоговая форма повествования. Часто, мое толкование может существенно отличаться от общепринятого, мне это известно, но приводится моя точка зрения.

Молодому читателю будут непонятны отдельные термины, сокращения, которые были общепринятыми в то время. Это

обстоятельство учтено и приводится их расшифровка. Ну, а такие понятия, как «дефицит» может просто не уложиться в сознании читателя, привыкшего к изобилию продуктов питания, товаров и услуг. Появление дефицитных товаров вызывало огромные очереди. В моем родном городе Уфе при продаже галош в давке были насмерть задавлены два человека..

Автор является очень впечатлительным человеком и все, что здесь изложено, прочно врезались в память. К тому же, во многих случаях, существовала реальная угроза гибели. Поэтому забыть эти события невозможно.

При работе над текстом, закрываю глаза и, перед моим мысленным взором, проплывают события тех времен так явственно, что создается впечатление, как будто все происходит в данный момент.

В воспоминаниях встречаются подробности, которые не всем интересны. Мне это точно известно, тем не менее, они имеются. Эти воспоминания обо мне и для меня, а поэтому мне дорого все. Кроме того, предвижу, что большая часть читателей, по всей вероятности, не знает многого из того, что надо знать для лучшего понимания происходивших событий.

Не надо удивляться тому, что на опасные дела меня посылали чаще, чем других. Ларчик просто открывается. Дело в том, что мой отец был арестован в 1937 году, как «враг народа» В этом качестве он пребывал до 1958 года, когда соответствующими судебными органами, было вынесено решение о прекращении производства дела за отсутствием состава преступления. Ниже соответствующий документ воспроизведен дословно.

Несправедливые обвинения отца очень отрицательно сказались на моей судьбе.

В отношении меня была не то, чтобы враждебность, но какая — то настороженность и, если такой человек погибнет, ничего не поделаешь — война!

Объект моих воспоминаний, за редким исключением, очень узок. Все события происходят в роте..

В тексте встречаются ссылки на Боевой устав пехоты (БУП), а в ряде случаев приводятся цитаты из него. Автор расстался с военной службой в апреле 1948 года и с тех пор устав никогда не брал в руки. Естественно, у читателя возникнет вопрос, точны ли эти цитаты. Они являются совершенно точными.

Перед службой в армии, мною было прочитано много литературы о великом русском полководце А. В. Суворове. В его сочинении «Наука побеждать» содержится такое поучение потомкам: «О, воин, службою живущий, читай устав на сон

грядущий, а паки ото сна восстав, читай усиленно устав!» Слово «паки» вышло из употребления. Иногда в литературе встречается словосочетание «паче чаяния», но это бывает крайне редко. Компьютер, который и использую для набора текста, слово «паки» подчеркнул зеленой линией, что означает стилистическую ошибку. Ну, а, что мне делать? Не исправлять же текст великого полководца!

Мною беспрекословно выполнялось это наставление великого полководца, кроме того при обучении в военном училище от нас требовали заучивать отдельные положения Боевого Устава наизусть.

В БУПе крупным шрифтом выделено такое положение:

«БОЙ — САМОЕ БОЛЬШОЕ ИСПЫТАНИЕ
МОРАЛЬНЫХ, ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ И ВЫДЕРЖКИ
БОЙЦА. ЧАСТО В БОЙ ПРИХОДИТСЯ ВСТУПАТЬ ПОСЛЕ
ДЛИТЕЛЬНОГО И УТОМИТЕЛЬНОГО МАРША И ВЕСТИ
ЕГО В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ СУТОК ДНЁМ И НОЧЬЮ.
ПОЭТОМУ, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ СВОЮ ЗАДАЧУ В БОЮ,
БОЕЦ КРАСНОЙ АРМИИ ДОЛЖЕН БЫТЬ...»

Читатель убедится в правоте этого положения.

В тексте много отступлений. от основного изложения. В ряде случаев приводятся песни тех лет или отрывки из них. Убежден, что все они давно забыты! Делается это для того, чтобы читатель проникся духом того времени.

С детства у меня сложилась любовь к поэзии. Чтение стихов доставляло мне огромное удовольствие. Некоторые из них мною заучивались наизусть. Этому помогала моя замечательная память. Отрывки этих стихотворений приводятся в тексте. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. На третий год работы над воспоминаниями начал листать произведения поэтов — классиков и то, что по моим понятиям, подходило по смыслу, включалось в текст или использовалось в качестве эпиграфов.

Повествование ведется от первого лица. Так проще излагать события.

Итак, читатель, перед тобой исповедь старого солдата.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НА МАРШЕ

Идут они. Кругом земля родная,
Сентябрьский отблеск
Солнца на штыках
Идут они и, может быть, не знают
Что каждый шаг останется в веках.
Отчизна вокруг. Ее поля и скаты
Поля, поля, небес поблекший шелк.
Идут они, и, словно бы с плаката
Правофланговый на землю сошел.

Поэт Александр Прокофьев

Долго думал с чего начать повествование о своем пребывании на фронте и ничего другого не нашел, как изложить все в той последовательности, в которой происходили описываемые события.

Началось все с марша на фронт. С этого и начну свое повествование

Обычно войска, направляющиеся на фронт, формируются в подразделения, которые называются маршевыми ротами. Численность их довольно большая до 250 человек. Командует ротой офицер в звании лейтенант или старший лейтенант.

Наша маршевая рота насчитывала 225 человек, пять двухосных товарных вагонов. В каждом вагоне 45 бойцов.

Наш воинский эшелон двигался 5 суток от небольшого уральского городка Бузулук, в котором находилось наше 2ое Астраханское военно — пехотное училища сокращенно 2 АВПУ, до того пункта, куда еще можно доехать поездом.

Мы высадились в поле недалеко от города Козельска. Раздалась команда подходить и получать сухой поек на весь марш. Поек выдавал старшина, который позже стал генералом, но также по вопросам обеспечения войск всем необходимым. Мы встретились с ним, по прошествии десятилетий и, мне стало понятно, что вопросы снабжения были у него в крови. Он, видимо, при появлении на свет был на это запрограммирован.

.Нам сообщили, что продолжительность марша 5 дней и за это время мы должны пройти 120 километров. Двигаться мы будем по ночам, чтобы вражеская авиаразведка нас не засекла. Днем мы будем отдыхать скрытно в лесу, если будет возможность, то на берегу реки. Это не тяжелый марш, а курорт!

Но в действительности все было не так, а как в песне: Марка Бернеса: «Шли мы дни и ночи, тяжело было очень...»

На 5 дней каждому было выдано: три с половиной копченой селедки довольно крупных размеров (в то время селедку не только солили, но и коптили), 7 ржаных сухарей и 25 кусочков сахара.

Чтобы читатель уяснил насколько это ничтожно, сразу укажу размеры этих продуктов. Если поперек буханки ржаного хлеба отрезать ломоть толщиной 1 см и высушить его — это и будет один сухарь. Сахар на фронте шел кубиками, размером 1 куб см. Это был американский сахар, так как наш рафинад был большего размера.

На земле была насыпана горка соли и, было объявлено, что, каждый может брать ее. Мне еще со слов моей мамы было известно, что без соли жить невозможно. Насыпал соль в банку из под консервов, завязал ее тряпочкой и, убрал в вещмешок. Кроме меня, соль никто не взял. Впоследствии снабжать солью роту пришлось мне..

Имея отличные оценки по арифметике в школе, мне было нетрудно сообразить, что в день можно съедать не более 0, 7 селедки, чуть больше одного сухаря и 5 кусочков сахара. Не так жирно для молодого парня, совершающего 120 километровый марш по тяжелым дорогам войны.

Было ясно, что идти придется впроголодь. Это меня не особенно беспокоило. В то время дефицит продуктов питания, был привычным явлением. Сталин приучил народ к полуголодной жизни, но чувство голода не покидало меня в течение всего марша.

После получения пайков, рота построилась в колонну по три и двинулась вперед навстречу боям, смертям, увечьям. Идет по дороге 225 молодых безусых парней. День клонится к вечеру и начинает казаться, что не будет конца этой дороге.

Видимо, здесь, в свое время, шли ожесточенные бои. Невдалеке от железной дороги, там, где мы высадились, белел ДОТ (долговременная огневая точка). Он был железобетонным и имел форму цилиндра с плоской крышей. Ударяясь о цилиндрическую поверхность, снаряды отлетали рикошетом. Чтобы просветить читателя в этом вопросе сообщу, что были ДОТы и в форме полушария.

Здесь нужно пояснить, что кроме ДОТов, были еще ДЗОТы — дерево — земляная огневая точка. Совсем недавно, в статье о столице Албании Тиране сообщалось, что там много железобетонных ДЗОТов. Этот ляпсус автор статьи допустил из — за незнания того, что изложено выше.

В начале марша по дороге деревень не было. Торчали жерди, к которым были прибиты фанерки с названиями населенных пунктов. Было ясно, что бои здесь шли давно и, время стерло все разрушения. Пытаться увидеть деревню или, хотя бы печные трубы, было бесполезно — ровное поле, поросшее бурьяном. Такой унылый пейзаж угнетающе действовал на психику.

На фронте никогда не говорил себе, что после войны сделаю вот то или это. Всегда, мысленно, делал оговорку, «если останусь живой!» В этот раз, впервые подумал про себя, если останусь живой, то потом не сумею даже рассказать по какой дороге мы шли. Надо запомнить названия некоторых деревень. Читаю «Ожигово», «Волосово» Два названия запомнил и это хорошо!

Двигались всю ночь, а под утро была подана команда: можно отдохнуть лежа. В армии это означает, что можно поспать. Однако, долго спать нам не дали.. Шла Курская битва. Наши войска вели наступательные боевые действия, а в наступлении всегда большие потери. Требовалось пополнение живой силы, а мы, как раз таким пополнением были

В нашей маршевой роте были курсанты многих пехотных училищ. Вспоминаю, что наш эшелон имел длительную остановку на станции Узловая, около Тулы. Железнодорожных путей там видимо — невидимо и все они были забиты воинскими эшелонами. Вблизи железнодорожных путей зияла огромная воронка от авиационной бомбы, но пути разрушены не были. Фрицы промахнулись.

Мы бегали от одного эшелона к другому, знакомились. Здесь была представлена вся страна. Слышны были наименования военных училищ: 2ое Астраханское наше, Новосибирское, Томское и других.

Один из бойцов сказал, что в сторонке стоит вагон с пленным немцем. Мы все стайкой бросились туда. В двухосном товарном вагоне дверь была отодвинута в сторону. У дверного проема стоял боец с винтовкой и примкнутым штыком. В вагоне мы увидели высокого, худощавого офицера в очень добротном обмундировании из тонкой шерстяной ткани цвета хаки. Он нервно ходил по вагону и, было видно, что наше любопытство ему неприятно. Повернувшись к нам спиной, он ушел в дальний угол вагона. Это был первый плененный враг, увиденный мною. Почему использовано слово «враг», а не немец? Потому что у немцев такого обмундирования не было. Смотрю на него и думаю: «Вот какой наш враг». Раздалась команда: «По вагонам!» и мы побежали к своим эшелонам.

Надо отметить, что во время войны в стране действовали очень строгие правила гигиены. Думаю, этим объясняется то, что

не было такой болезни как тиф. В гражданскую войну много людей умирало от него.

В воинских частях, расположенных в тылу, систематически производились осмотры на вшивость. Чтобы не произносить этот неблагозвучный термин использовалось название «Осмотр по форме 20». Для этого рота, без гимнастеров, выстраивалась в две шеренги. Старшина командовал: — «Приготовитесь к осмотру по форме 20!» Стоящие в строю, снимали нижние рубашки до рукавов и выворачивали их наизнанку. Старшина проходил вдоль строя и, бойцов, у которых обнаруживалась на рубашке живность, отправляли в санпропускник.

Надо сказать, что у меня живность находили крайне редко не потому, что чистюля, Вши любят жирную кожу, а у меня она не просто сухая, а сверхсухая до сих пор. Это была одна из причин раннего облысения.

Наш эшелон шел через Пензу.

Все военнослужащие, независимо от того, были они сформированы в команды или ехали одиночками, обязательно должны были пройти санитарную обработку в пензенском санпропускнике, расположенном возле вокзала. Он представлял собой баню, при которой была, так называемая, «жарилка», то есть камера для «прожаривания» (интенсивного прогрева) носильных вещей военных. Пока военные мылись в бане, все их носильные вещи прогревались при очень высокой температуре в этой «жарилке». Когда мы получили, обмундирование и белье, то они были настолько горячими, что пришлось подождать, пока они остынут

Жарилки, вроде пензенской, были во всех гарнизонах и даже при воинских частях. Даже на фронте, в боевых условиях, устраивали такие жарилки. Обычно это была кабина квадратного сечения. Материалом для жарилки служили жерди. Кабину обертывали брезентом.. В верхней части на жердях развешивалось обмундирование и белье. Внизу горел костер.

Комендант пензенского санпропускника лично проверял всех поименно (по списку) и двигаться дальше, без этой гигиенической обработки, было невозможно Войска шли сплошным потоком и, санпропускник работал круглые сутки.

Через Пензу ехала команда женщин, медичек, 6 человек. Им не выдавали билеты на дальнейший проезд без справки из санпропускника. Освободить баню для их санобработки было невозможно. Это вызвало бы пробку на железной дороге. Положение усугублялось тем, что опоздание в свою часть более, чем на 24 часа, , рассматривалось, как дезертирство. За это в военное время полагался расстрел. Чтобы не подводить этих

женщин под трибунал, комендант разрешил им помыться в бане вместе с мужчинами в трусиках и лифчиках.

Мылись эти девушки вместе с нашей ротой, Они заняли две скамейки в уголке и большую часть времени мыли головы. Потом бойцы между собой говорили, что нельзя тратить столько времени на мытье головы. Все пришли к выводу, что лучше ходить стриженными под машинку.

В раздевалке девушки также расположились в углу. Чтобы сменить мокрое белье, в котором они мылись, на сухое, две из них устроили из каких —то тряпок занавеску. Оттуда, они выходили полностью обмундированными с расчесанными волосами. Любо-дорого смотреть!

Чтобы пройти из своего угла к выходу из предбанника, девушки шли мимо нас, как сквозь строй. Видно было, что им неприятно идти мимо молодых парней, которых они только что видели в голом виде. Ну, а что делать? Они шли, виновато опустив головы. Мы же, как истинные джентльмены, делали вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло.

Мытье в бане с женщинами вызвало много пересудов в наших рядах. Мы невольно сравнивали наши тела с их телами. Это сравнение было явно не в нашу пользу. Мы были высокими, костлявыми, угловатыми. Острые локти и колени, выступающие ребра, мышцы угадывались под кожей. Иное дело женщины. Они были гладенькими до такой степени, что один боец, Витька Ордынцев, назвал их «обтекаемыми, как крыло самолета». Большинство с ним не согласилось. Крыло самолета ровное на всем протяжении, а у них имеются неровности и спереди и сзади. Нам было удивительно и обидно, что женщины не обращали ни малейшего внимания на нас

Нашей маршевой роте поспать дали только три часа..

После подъема и завтрака команда: «Выходи стойться! В колонну по три, становись!» При каждом перекусе съедаю одну треть от дневной нормы, о которой сообщал ранее. Этого так мало, что, кажется, совсем не ел, но чувство дисциплины берет верх.

Позднее оказалось, что таким дисциплинированным был только автор этих строк. Все остальные съели поек за два, три приема. И вот наступил момент, когда ротный скомандовал строиться. Стою на дороге один одинешенек. Все остальные бойцы, как сидели на обочине дороги, так и остались сидеть. Ни один не шевельнулся.

Это была сидячая забастовка. Совсем не исключительное явление в армии. Мне после ранения приходилось участвовать в подобных акциях.

— Команда была: строится! Немедленно всем на дорогу и встать в строй! — заорал страшным голосом ротный.

— .Голодные мы! — раздались нестройные голоса

Вдруг меня осенило, штрейкбрехер! Немедленно уселся рядом с другими бойцами. Когда же все договорились и почему мне ничего не известно об этой своеобразной забастовке? Такая моя не информированность возникала довольно часто и позже. У меня сложилось такое впечатление, что моя жизнь протекает в каком — то другом мире или в другом измерении. Почему, не знаю?

Было видно, что ротный нервничает. Не знает, что делать. Не отдать же под трибунал всех бойцов — 225 человек! Прошелся по дороге вправо, влево. Остановился перед сидящими бойцами и объявил.

— В 15 километрах отсюда пункт, где все получают продовольствие. Каждый может добираться сам, кто как сможет. Недалеко от этого места дорога раздваивается. Нужно двигаться по правой дороге. Проедите деревню Шваново, затем деревню Сапово, а дальше пешком. Слева от дороги, в лесу, пункт питания. Все!

Ротный выкрутился из положения, но правильны ли его действия? Для ответа на это вопрос приведу отрывок из воспоминаний сослуживца по дивизии Горбатова П.В.(комсорт батальона).

"Так однажды, поздно вечером, когда мы пришли в какую — то незанятую никакими подразделениями деревню и остановились на кратковременный привал для отдыха, рота устроила сидячую забастовку, категорически отказываясь следовать дальше, требуя ночлега.

Но график и маршрут движения, утвержденный командованием, это приказ и его никто не волен изменить.

Несколько раз командир роты подавал команду:—"Рота в колонну повзводно, становись!", а командиры взводов дублировали эти команды, ни один из наших подопечных даже не пошевелился.

Командир роты имел определенный опыт обращения с подобной публикой, на разговоры и убеждения времени тратить не стал.

Он хорошо знал бесполезность обращения сразу ко всем, знал он и повадки истинных заговорщиков и заводил, которые всегда стремились быть в глазах начальства безупречными и исполнительными в силу своей подлой натуры и хитрости и, в то же время, держали в страхе и в повиновении наиболее слабых.

Командир приказал подать команду мне, а сам стоял вблизи

тех, кто, по его мнению, был зачинщиком неповиновения. После очередной команды, он, обращаясь только, к одному спрашивал: — «Команду слышал? Почему не выполняешь?» Каждый понимал, что такая постановка вопроса очень опасна, Это уже неповиновение, отказ выполнять приказ в условиях фронта. И лучше всех понимал тот, к кому непосредственно были обращены подобные вопросы., тем более, что эти вопросы сопровождались резким и сильным ударом кулаком в лицо. После повторения подобной процедуры еще несколько раз над другими, рота дисциплинированно построилась и мы продолжали путь."

Читатель видит, что действия ротного во втором случае были более эффективными.

Но вернемся к нашему повествованию.

Надо сказать, что фронтовая дорога это сплошной поток грузовиков, особенно в период наступления наших войск. Дистанция между машинами, примерно, метров. 50.или 100. Они везут на фронт боеприпасы, продовольствие, обмундирование и многое другое. В обратном направлении тоже бесконечная лента машин. Они идут либо порожняком, либо везут раненных лошадей. Перевозка раненных лошадей в кузовах грузовиков было довольно распространенным явлением.

Мне, молодому парню, вскочить в кузов грузовика не представляло никакого труда. В кузове оказались ящики со снарядами. Все бы хорошо, но на развилке дорог, грузовик поехал по левому ответвлению. Пришлось выпрыгнуть из кузова на землю и возвращаться назад к развилке. В те годы это не представляло никакого труда. Сейчас вспоминаю и, даже не верится, что такое возможно! Запрыгнуть в кузов на ходу автомашины!

На следующем грузовике проехал деревню Шваново, затем Сапово. Надо бы выпрыгнуть, как указал ротный, да уж очень приятно ехать, а не идти! От Сапово проехал совсем немного, как увидел слева, из леса, выскочили бойцы и стали подавать мне знаки. Выпрыгиваю из машины и оказываюсь в придорожном лесу.

Там давали поистине царские угощения: хлеб, сало и еще чего, уж и не помню! После того, как мы поели и, получили продукты на дальнейший марш, идти стало сразу веселее. Даже новые силы появились и усталость, как рукой, сняло.

Потом снова построение и марш.

Двигались мы, по выжженной земле, днем и ночью Ландшафт изменился. Было очевидно, что здесь недавно шли бои. Появились печные трубы и горы обугленных бревен. Это означало, что мы приближаемся к передовой. Время еще не

успело стереть следы боев.

Порой, становилось тяжело на душе от непрерывного созерцания печных труб и обгорелых бревен. Жителей мы тоже не встречали. Безжизненная пустыня расстилалась перед нами. Иногда казалось, что еще немного и сойдешь с ума от этого зрелища!

Когда мы совершали марш, то произошло много интересного. Вот одна из этих историй.

На обочине шоссе, по которому двигалась наша маршевая рота, сидел одинокий гармонист. Он играл для проходивших колонн, какие — то нехитрые мелодии. Одним нравилось идти под музыку. Один боец, из нашей маршевой роты, даже сказал: — «Братцы, какая нам выпала честь! На фронт идем под музыку!» Другие не обращали на гармониста никакого внимания.

Так и сидел бы гармонист, наигрывая свои мелодии, если бы в колонне не оказался профессиональный музыкант. Он обратил внимание на неестественные звуки, издаваемые гармонью. Вышел из строя, взял у гармониста музыкальный инструмент и поразился его тяжести. Оказалось, что этот гармонист — немецкий разведчик, а внутри гармонии спрятан радиопередатчик. По радиии передавалась полная информация о войсках, которые двигались по дороге. Были вызваны контрразведчики из Особого отдела и «гармониста» отвезли куда надо.

Другой случай, который нам стал известен, по рассказам очевидцев.

В поле, в стороне от разрушенной деревушки, виднелся небольшой холмик, в то время развороченный нашей артиллерией. А произошло здесь вот что.

В свое время, недалеко от этого места, находился наблюдательный пункт (НП) артиллерийского полка Резерва Главного Командования (РГК). Как правило, такие полки вооружены мощными 152 миллиметровыми орудиями.

Остановлюсь поподробнее. Такое орудие весит 7, 5 тонн. Ствол с амортизатором — 3, 5 тонны, Лафет, к которому крепятся ствол и щит весит 4 тонны. Для того, чтобы привести орудие в боевое состояние, артиллеристы разводят станины в стороны. Каждая весит, чуть меньше двух тонн. По штатному расписанию на обслуживание орудия полагалось 11 человек, но фактически было 7 или 8

Мне довелось познакомиться с артиллеристом уже в мирное время. Он так надорвался на обслуживании таких орудий, что уже после войны ему пришлось сделать 12 операций грыжи.

НП всегда находятся в ближнем тылу за нашим переднем краем, занятым пехотой. Местность от нашего переднего края до

переднего края противника называется нейтральной полосой. Немцы всегда старались свой передний край располагать на возвышенностях, которые военные называют высотками.

Наблюдательный пункт — это глубоко врытый в землю блиндаж, с мощным в несколько накатов перекрытием. На поверхности земли этот НП выглядит, как невысокий холм с узкой щелью. Даже с близкого расстояния трудно определить, что это наблюдательный пункт. Так оборудовались НП, и у нас, и у противника. Уничтожить НП означало лишить артиллерию глаз, лишить ее способности вести эффективный огонь.

Наблюдатели имели стереотрубы, артиллерийские бинокли, часы и секундомер. Им строго предписывалось записывать в журнал наблюдений все изменения, которые происходят на стороне противника.

. Однажды наблюдатели увидели кота, который сидел на бугорке и, умывался. В журнал наблюдений записали это, указав место, на котором сидел кот, часы и минуты его умывания. Сменившие их наблюдатели сделали точно такую же запись, так как кот в это время снова умывался на том же месте

Офицер, который просматривал журнал, обратил на это внимание. Дальнейшие рассуждения офицера были такими. Кошки живут там, где есть люди. Значит, там есть люди. Кошки умываются после еды. Значит, там люди питаются в одно и тоже время. Поскольку людей там не видно, у противника есть причины маскировать этот объект.

По бугру был нанесен массированный артиллерийский налет, в результате которого был уничтожен НП противника.

После этого рассказа один из бойцов сказал: — «Вот так-то, братцы и, коты нам помогают бить фрицев!»

Велась также информационная война. На дороге валялось большое количество немецких листовок на русском языке. Качество печати этих листовок было очень плохим. В одних листовках призывали сдаваться в плен. Там были такие слова: — Чтобь сдатьсь в плен надо идти к нашим позициям, подняв руки вверх. При этом надо выкрикивать «Штыки в землю!» или «Сталин капут!» Сообщалось, также, что листовка является пропуском для сдачи в плен.

На других листовках, на одной стороне была фотография наших пленных бойцов, сидящих за обеденным столом. С другой стороны листовки был длинный перечень продуктов, которые, якобы, выдаются ежедневно нашим пленным. Там перечислялись не только хлеб, но и сахар, яйца, мясо, масло и масса других вкусных продуктов. В другой главе будет показано фактическое положение наших пленных со слов бойца, испытывавшего на себе

все «прелести» немецкого плена

Были листовки, в которых сообщалось о советском генерале Власове, которого немцы именовали «русским генералом». Он перешел на сторону немцев. Говорилось, что этот генерал формирует Российскую освободительную армию, сокращенно РОА. Знамена в этой армии были трехцветными, как в царской России.. Предлагалось переходить на сторону немцев и вступать в эту армию.. "В настоящее время в армии Власова 200 тысяч человек" — сообщалось в листовках. Уже после войны мне стало известно, что это была ложь.. Только в 1944 году он сформировал дивизию. Численность дивизий составляет 10 — 12 тысяч человек..

Один великий человек написал: — «Нигде так не врут, как на войне!» Впоследствии мне много раз приходилось убеждаться в правдивости приведенного высказывания.

Подбирать эти листовки, а тем более читать их категорически запрещалось

Уже после войны, один офицер рассказал мне, как его пытали в Особом отделе за то, что нашли у него обрывок немецкой листовки в полевой сумке. В этой сумке имеются гнезда для карандашей. Эти гнезда расширились от частого употребления и карандаши из них выпадали. Он подобрал на земле первую попавшую бумажку и завернул в нее карандаш. Потом, вставляя в гнездо карандаш, смял этот обрывок. Этот бумажный комочек у него нашли и для него начались «хождения по мукам.»

Что такое Особый отдел и, как там пытаются, к сожалению мне пришлось испытать на себе.

В один из дней марша, мы остановились в одной ничем не примечательной деревушке, совершенно не разрушенной. Это вызвало у всех удивление. Ни одного жителя не было видно. Но бросилось в глаза большое количество проводов. Они тянулись от одного дома к другому и создавали самую настоящую паутину между домами. Сразу же стало ясно, что здесь находится штаб или управление какого — то соединения.. Порядок в этом управлении был жесткий — в дневное время ни один человек не мог даже нос высунуть из дома. Ночью другое дело.

Соединением назывались дивизии, бригады, корпуса. Армии, в которые входили эти соединения обычно назывались объединением. Управление более широкое понятие, чем штаб. В управление входила служба тыла и некоторые другие службы.

Чувство облегчения наступило, когда мы прибыли в нашу 217ую стрелковую дивизию, располагавшуюся в лесу. Эта дивизия стала нашей средой обитания вплоть до гибели в бою всей нашей роты и моего ранения.

По прибытии в дивизию нас построили на лесной поляне в две шеренги квадратом, вернее каре, лицом внутрь каре. В каре входили так называемые «покупатели». «Покупателями» назывались офицеры, которые набирали для своих подразделений пополнение.

Вот в каре входит высокий худой и, видимо, нервный офицер в звании старший лейтенант. Он оказался командиром отдельной роты разведки дивизии. Забегая вперед, сообщая, что после войны, когда мы разыскивали однополчан, он обнаружился и даже участвовал в наших встречах.

— Кто желает идти в отдельную роту разведки дивизии! Это не то, что полковая разведка, которая каждую ночь ползает на передовую противника! Выходите, что же вы стоите? Быть разведчиком почетно! О нас слагают песни и легенды. Итак — вперед!!

Вышло очень мало бойцов — человека 2 или 3. Все понимали, что быть разведчиком очень опасно. Бойцов офицеру требовалось намного больше и, он пошел вдоль шеренг, приказывая отдельным бойцам выходить из строя. Это были, в основном стройные высокие парни. В их число я не попал. Уж очень был худым и невидным.

Офицер увел пополнение своей роты.

Внутри каре вошел другой офицер. Этот стал набирать в пулеметную роту

— Кто желает бить врага из пулемета? Быть пулеметчиком почетно!

Потом набирали в саперный батальон, в санинструкторы, которые должны быть в каждой роте и, еще куда — то, уж и не помню. Оставшихся, в числе которых был и автор этих строк, распределили по полкам, батальонам, а потом по ротам. На этом и закончилось переформирование дивизии. За время войны это происходило несколько раз.

Мы бывшие курсанты 2го АВПУ оказались в 740 стрелковом полку. Здесь всех нас переписали в особые книги. Делали эту работу писари, которые имелись в каждой роте, батальоне, полку. Писари всегда были рядовыми, но имели особый статус и некоторые привилегии.

Писарей набирали так. Всем прибывшим бойцам давали по листу бумаги и карандаш. Затем диктовался небольшой текст. Бумажки отбирались и, бойца, у которого был наилучший почерк, делали писарем.

На передовой писарь, как правило, находился в ячейке командира роты, вместе со старшиной. Институт писарей ввел император Петр Великий. Обычно его называют. Первым, но для

меня он Великий. История всегда была моим самым любимым предметом. Мне было известно об огромном вкладе Петра в реформирование нашей страны.

В обязанности писаря входило составление строевой записки в конце каждого дня. В этой записке указывалась общая численность роты, в том числе офицеров, младших командиров, рядовых. Из них больных столько — то и т.д. Записка подписывалась командиром роты и отправлялась командованию батальона. Там в свою очередь составлялась строевая записка батальона, которая отправлялась в полк. Так учитывался личный состав частей и подразделений.

После войны некоторые командиры рот включали в строевую записку, так называемые «мертвые души», чтобы получать на них все причитающееся довольствие. Мне после войны довелось служить под началом такого ротного.

К концу формирования в нашей роте насчитывалось 96 человек. Командир роты молодой лейтенант — был в красивом новом обмундировании из шерстяной ткани, которая именовалась «диагональ» потому что рубчики у этой ткани идут не сверху вниз, а наискосок. Брюки были насыщенного синего цвета. Покрой их назывался «галифе». Эта роскошь его и погубила. Позже, когда мы оказались в непосредственной близости от противника, он высунулся из окопа по пояс. И тот час же был убит вражеским снайпером. Очень он выделялся своей красивой формой!

Сразу же нам прислали другого ротного, старшего лейтенанта Сергеева, который и будет действовать до конца этого повествования. Кроме него в роте было еще два офицера. Один из них — Колюшенко — будет упомянут позже, а второй Попандин пробыл в роте неделю и в одном из боев был убит.

Вот так закончилось формирование нашей дивизии. Она была полностью подготовлена к предстоящим боям, но о боях в других главах.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ

Таких друзей опять найдешь едва ли,
Хоть велика и необъятна жизнь
Мы обещаний крепких не давали
И в верности друг другу не клялись,
Не это дружбы настоящей мера,
Пусть это так. Но между нами есть
Какая-то неписанная вера
И на крови замешанная честь.

Поэт Михаил Дудин «Дорога гвардии»

Шла Курская битва. Наши войска наступали.

Однако, этому наступлению предшествовали мощные удары немецких войск по нашим позициям в районе Курского выступа.

Не все читатели, наверное, знают, что к лету 1943 года на центральном фронте наши позиции вклинивались глубоко в немецкую оборону. Образовался, так называемый «Курский выступ» или, как его еще называли «Курский носик», «Курская дуга».. В центре этого выступа находился г. Курск, на севере г. Орел (у военных — северный фас) а на юге г. Белгород (южный фас). В этом выступе было сосредоточено огромное количество наших войск, исчисляемое миллионами человек.

Вполне естественно, что противник ударами с севера и юга в основание этого выступа, пытался окружить наши войска. Этот замысел не удался. Немцы не смогли прорвать нашу глубоко — эшелонированную оборону. Продвинуться им удалось всего на 10 — 15 км

11 Гвардейская армия действовала на северном фасе Курского выступа и должна была прорвать немецкую оборону севернее Орла. Командовал этой армией генерал лейтенант Баграмян, который позже стал маршалом Советского Союза.

. Наша дивизия входила в состав этой армии и перед нами была поставлена задача прорвать немецкую оборону и перерезать железнодорожную магистраль и шоссейную дорогу, соединяющую города Орел и Брянск. Поэтому далее все цитаты будут связаны с городом Орлом и орловским направлением военных действий.

Вот, что писала наша дивизионная газета «Вперед на врага» в номере от 8 июля 1943 года

От Советского Информбюро.

В течение 7 июля наши войска на Орловско-Курском

направлении вели упорные бои с противником, продолжавшим наступление крупными силами танков и пехоты. Наступление немцев поддерживалось большим количеством авиации, дополнительно подброшенной с других фронтов. В течение всего дня велись ожесточенные воздушные бои.

На Орловско-Курском направлении все атаки противника успеха не имели.

Нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено до 520 немецких танков. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 229 самолетов противника.

Из этого сообщения читатель видит, насколько тяжелыми были бои...

После этого наши войска перешли в наступление, что нашло отражение в нашей дивизионной газете от 22 июля 1943 г.

От Советского Информбюро.

В течение 21 июля наши войска на Орловском направлении, преодолевая сопротивление противника, продолжали наступление и продвинулись вперед от 6 до 15 километров. Противник неоднократно контратаками пехоты и танков пытался задержать продвижение наших наступающих частей.

В последующем изложении читатель узнает о наступлении и продвижении вперед наших войск и, в частности, нашей роты, о контратаках противника.

Наступление осуществляется двумя эшелонами. Первый эшелон находится в непосредственном соприкосновении с противником, а второй — движется за первым. И первый эшелон, и второй находятся в зоне боя, то есть не далее 5 — 7 км от переднего края. Войска, которые находятся в зоне боя, в любой момент могут попасть под артиллерийский или пулеметный огонь противника. В этом мы неоднократно убеждались.

Как указывалось выше, дивизии на фронте входят в состав корпуса или армии. Армия это крупное объединение войск. В нее входит несколько воинских соединений: дивизий или корпусов. Основные силы армии (80 — 90%) находятся вне зоны боя. Из оставшихся 10 — 20%, как правило, только одна рота (100 человек) находится в непосредственном соприкосновении с противником. Далее будут описаны случаи, когда таким подразделением была наша рота.

Продвижение на запад не было непрерывным. Продвинувшись на небольшое расстояние, мы останавливались, окапывались. Если было темное время суток, то обязательно выставлялись часовые. Иногда, в течение одного дня, мы несколько раз меняли позиции и, каждый раз выкапывали

окопчики полного профиля

«Профиль» — это военный термин и означает определенные размеры: глубину, ширину по верху и по дну, предписанные Уставом инженерных войск Красной Армии (так называлась в то время наша армия, Потом ее стали называть «Советской»). Были дни, когда мы 9 раз меняли позицию и каждый раз отрывали окопы глубиной полтора метра. Руки наши были покрыты мозолями.

В один из первых дней пребывания в роте, появился молодой офицер — младший лейтенант. Он сразу подошел ко мне и, без обиняков, представился комсоргом батальона, Завьяловым, объявив, что он вводит меня в состав бюро комсомольской организации батальона.

Мне поручается сектор работы с несоюзной молодежью. На войне руководящие органы партийных и комсомольских организаций не избираются на собраниях, как в тылу, а назначаются.

В комсомол меня приняли три или четыре месяца тому назад, во время обучения в пехотном училище.

Никогда никаких поручений по общественной работе мне никто не давал. А тут сразу, неожиданно, нежданно, на меня свалилась такая ответственность. Мне очень понравилось быть комсомольским начальником. До этого времени мне никем не приходилось руководить. С чувством гордости радостно отвечаю: «Есть!»

— В вашей роте два бойца не состоят в комсомоле, Гуляев и Петров. Надо поработать с ними, то есть растолковать значение комсомола, и вовлечь их в наши ряды. Действуй!

— Есть! Постараюсь как можно скорее их вовлечь,

Так началась моя политическая работа в роте. Позже, вспоминая об этой «работе», остается только поражаться примитивности своих действий. Ну, а чего же можно было бы ожидать от семнадцатилетнего паренька? Впрочем, читатель и сам убедится в этом.

С Петровым проблем почти не было. Ходил за ним, по пятам и, все время уговаривал вступить в комсомол. Наконец он не выдержал и, в сердцах, сказал: «Надоел ты мне! Записывай!»

А вот Гуляев оказался орешком крепче. Никак не удавалось его вовлечь. Уж и объяснял ему, что не мне это надо, от меня требуют. Ни в какую! Извелся весь!

На мой вопрос, почему он не хочет вступать в комсомол — Гуляев издавал какие — то нечленораздельные звуки, похожие на мычание, или заявлял, что ему бабушка не разрешает.

Комсорг батальона при каждой встрече задавал один и тот же

вопрос о Гуляеве, а так как мне нечего было ему сказать, то начинался длинный разговор о том, что является большой ошибкой с моей стороны недооценка важности роста комсомольских рядов.

И вот наступил момент, когда Гуляев, в сердцах, дал волю своим эмоциям.

— Ну, что ты пристал ко мне, прихвостень начальников. Ты думаешь, что, пресмыкаясь перед ними, сохранишь себе жизнь? Как бы не так! Как раз наоборот. Я давно заметил, что тебе чаще, чем другим, дают опасные задания.

Когда он произносил эту тираду, то всем своим видом и тоном показывал мне свое глубочайшее презрение. На его лице не трудно было прочитать выражение брезгливости. Ростом он был немного ниже меня, но в это время Гуляев ухитрился смотреть на меня сверху вниз. Мне пришлось проглотить обиду и сказать, как можно более спокойным тоном..

— А, ты не подумал, что это происходит по другой причине?

— Интересно, по какой же? В этот раз в свои слова он вложил весь скепсис, на который был способен.

Тяжко вздохнув, начинаю свое грустное повествование.

— Дело в том, что перед тобой сын «врага народа». Такой ярлык мне приклеили в июле 37 года, когда был арестован и посажен мой отец.

В глазах Гуляева появилось искреннее любопытство. Он даже от нетерпения заерзал на месте и спросил.

— Кем же был твой отец? Поди, большим начальником. Ведь таких сажали тогда!

— Опять неверно! Мой отец был рядовым служащим. В то время, не имело значения, какой пост занимает человек. Надо было выполнять план по борьбе с врагами народа. Вот тебе мой рассказ.

Стараюсь говорить не спеша, взвешивая каждое слово. Мне было ясно, что от того, как будет изложена моя история, будут зависеть наши отношения в будущем. Ни в коем случае не следовало показать себя ущемленным или еще каким-либо способом пытаться вызвать у него жалость. Мой рассказ начался так.

— Они приехали поздней ночью. Один в командирской форме с кубарями на петлицах. Другой рядовой с винтовкой и примкнутым штыком. Разбудили всю семью. Нас согнали в столовую и посадили тесной кучкой у стены.

Моя старшая сестра Надежда, студентка пединститута, довольно решительно потребовала, чтобы мне разрешили спать. Видно было, что обыскивающий колеблется, но сестра сказала, что мне нет и 12 лет и в таком возрасте ребенок должен спать.

Обыскивающий согласился, но мне в это время стало ясно, что наступил трагический момент в жизни всей нашей семьи, поэтому от сна отказался.

Начался обыск. Перевернули все: постели, постельное белье из комода, матрасы, подушки, одеяла. Добрались и до буфета, выгребли всю посуду, перелистали все книги, простучали все стены, слазали в подвал, который мы называли подпол.

— А чего искали? Говорили об этом или нет?

— Ни одного слова! Особый интерес у них вызвали семейные фото, которых у нас было много. Среди них были фото жениха моей старшей сестры. Она попросила не трогать эти фотографии. На это обыскивающий сказал, что эти фото его особенно интересуют. Стало ясно, что он полный профан в своем деле.

— Ну и чего же нашли?

— А ничего!

— А потом, как?

— Отца забрали, то есть увезли, и мы получили его письмо из, так называемого, «Волголага», где он трудился на строительстве канала Москва — Волга. Термин «Волголаг» расшифровывается, как Волжский лагерь.

Через пару лет мы случайно узнали о том, что отец обморозился и умер. После ареста отца и пошла кличка «Сын врага народа», которая и поныне сопровождает меня всюду и, надо сказать, портит мне жизнь.

Глаза Гуляева округлились от расправившего его любопытства.

— Ты, что же можешь привести пример? Расскажи!

— Ах, тебе нужен пример. Если так, пожалуйста. Самый последний.

— После призыва в армию меня направили во 2ое Астраханское военно — пехотное училище (сокращенно 2ое АВПУ). К городу Астрахань оно никакого отношения не имеет, так как находилось в небольшом городке Бузулуке..

В одной роте со мной был соседский мальчишка Юрка Аникин. К нему приехал его отец в командирской форме с желтыми погонами, которые только что ввели. При встрече с ротным, он и рассказал, о моем отце.

— А что было потом?

— Построили роту. Мне была подана команда, выйти из строя. Командир роты, старший лейтенант Голубков, сказал, что вот перед вами стоит сын врага народа. Все стали меня рассматривать. Ведь перед ними стоял не кто иной, а потенциальный враг. Командир роты обратился ко мне

— Расскажи своим товарищам, за что посадили отца?

— Не знаю! Нам ничего не сказали, хотя мама ходила в НКВД

и пыталась, хоть, что-то — разузнать. Бесполезно! (НКВД расшифровывается так Народный комиссариат внутренних дел.) В то время, термина «министерство» еще не было..

— И где же сейчас твой отец?

— Ты бы видел, как командир роты хищно оскалился при этом вопросе. Ему доставляло удовольствие унижать меня.

— Он обморозился на работе и умер в 39 году — при этих словах низко опускаю голову. Если бы ты знал, каким унижительным и тяжелым для меня была эта экзекуция!

— Нет! Он не умер! Он убит при попытке к бегству! Становись в строй и веди себя тише воды и ниже травы! Всегда помни, кто ты есть!

Гуляев задумался и тихо сказал мне на ухо:

— И вот, после всего этого, ты должен идти на немецкие окопы и орать не своим голосом; «Ура!» Вот поэтому я и не хочу вступать в твой комсомол. Не дай Бог попадем в плен. Я чистенький! В комсомоле не состоял. Не то, что ты со своим рвением. Понял, что, тебя ждет?

— Как не понять! Какой же тут может быть выход? Совершенно очевидно, что есть два решения: не идти в бой — пристрелят, как труса, или идти в бой...

— Да, да! — перебил меня Гуляев — и погибнуть от пули немцев!

— В бою можно погибнуть, можно стать инвалидом, но можно и выжить! Помню, как в третьем классе, перед нами выступал участник гражданской войны. Он все рассказывал о походах Антанты. Мы считали, что это имя какой — то вредной женщины и громко возмущались действиями этой бабы. Но дело не в том, что он говорил, а в том, что он остался живым. И таких участников гражданской войны немало. Отвоевались и живут!

— Ха, ха! Не живут, а существуют. Правильно я говорю?

— Может ты и прав, Гуляев. Что касается моего рвения в комсомольской работе, думаю, что выход из положения один — не попасть в плен.

— Тебя обстоятельства боя могут и не спросить — хочешь ты в плен или не хочешь? Ну, например, ранение или контузия! Потерял сознание — очнулся в плену!

— Частенько думаю на эту тему. Моя еще одна старшая сестра Софья, перед моим призывом в армию, побегала в поисках способа, как избежать службы в армии. Что ты думаешь? Нашла!

От такого поворота Гуляев даже подпрыгнул на месте.

— Что же это было, если не секрет?

— Какой секрет — дело прошлое! Было место кочегара на паровозе или чертежника в одном конструкторском бюро

оборонного значения. Там предоставлялась броня от военной службы и, отоваривались все продуктовые карточки. Последнее очень важно! Ведь у других — то все карточки, кроме хлебной, пропадали. Сам знаешь.

— Что же ты не воспользовался этой возможностью?

Теперь мне было ясно, что от моего ответа зависят наши дальнейшие отношения. Мне было нужно позарез, чтобы они были доверительными. Ответ мой был таким.

— Подумал, что последнее дело увиливать от армейской службы. Что, если другие тоже будут увиливать? Ведь это конец для народа, страны!

— Зря волновался! У народа никогда не будет конца. У отдельного человека — да! А народ будет жить вечно. Вот посмотри в Европе. Франция признала свое поражение, а французский народ живет!

— Отвечу тебе твоими же словами — не живет, а существует в нищете. Но то французы, а с нами немцы замыслили поступить совсем по — варварски. Первое — уменьшить численность нашего населения со 170 миллионов до пятидесяти. Второе — переселить остатки нашего народа за Урал.

На лице собеседника появилось выражения недоумения, сомнения и недоверия одновременно. Мне стало понятно, что ему незнаком план Розенберга — идеолога фашистской Германии..

— А кем заселить европейскую часть нашей страны?

— Сюда переселить поляков, чехов, словаков и другие народы, а их земли заселить немцами. Москве фрицы приготовили совсем тяжкую участь. Ее планировалось превратить в море... По их замыслу, из воды будут торчать только купола церквей и колокольни. Теперь тебе понятно, почему мне было неприемлемо предложение сестры и воспользоваться броней?

— На пропаганду ты поддался — вот что! Меня такой пропагандой с толку не сбить. Нашему народу было бы большим благом, если бы немцы одержали победу над Советским Союзом.

— Перво — наперво, рухнул бы этот строй, эта диктатура кровавая и несправедливая. Вспомни, что творилось в нашей стране, начиная с 17-го года Гражданская война — миллионы погибших, разрушенные города и села. А эмиграция? Из страны бежали все выдающиеся люди. А раскулачивание, которое привело к мору народа от голода! Ведь кулаки — то были основными производителями хлеба. А массовые аресты в 37 — 39 —х годах!

— Второе, было бы создано государство, наподобие Франции, а это привело бы к появлению частной собственности. Экономика пошла бы вверх. Вот старики рассказывают, что при царизме все

было в магазинах, не то, что теперь в Советском Союзе.. Хозяевам магазинов приходилось выставлять у дверей специальных зазывал, что бы лучше покупали товары.

— Третье, не было бы в будущем войн, подобных этой. Да, что там говорить преимуществ тьма!

Было видно, что он горячится. Мне было ясно, что надо охладить его пыл и вернуть из заоблачных высот на нашу грешную землю.

— По этому вопросу, Гуляев, наши пути расходятся. Твердо, всем сердцем, желаю разгрома Германии и, думаю, что после победы, правители сделают правильные выводы и те зверства, которые ты перечислил, никогда не повторятся.

— Блажен, кто верует, тепло ему на свете! — процитировал классика Гуляев, — Однако, я остаюсь при своем мнении. Я сгоряча высказал много крамольного. Надеюсь, что такой парень, как ты, никогда не выдаст! Разговор происходит с глазу на глаз, если ты что — то и замыслишь, то не сможешь этого доказать, а в глазах всей роты будешь выглядеть предателем!.Ну, а с предателями, сам знаешь, как поступают!

— Зря высказываешь свои подозрения! Никогда не выдам товарища!

Меня поразили его рассуждения. Мне и в голову не могли прийти такие мысли..

Уже после войны я много раз вспоминал этот разговор, слово в слово, и каждый раз поражался дальновидности покойного Гуляева. Ведь все получилось, так как он говорил!

Однако, вернемся к нашему повествованию

Забегая вперед, скажу, что выполнить комсомольское поручение мне так и не удалось, а почему читатель узнает позже.

На войне четко улавливалось различие между стариками и молодежью. Эта проблема меня очень заинтересовала. Моя мама рассказывала, каким уважением пользовались старики во время ее молодости. Больше всего меня поразило ее рассказ на эту тему.

Сидят они, подростки, на бревне смеются, острят, напевают частушки. Вдруг к ним приближается пожилой человек. Все замолкают и только после того, как он пройдет мимо них, веселье продолжается..

В нашей девятой роте, от старого состава осталось несколько пожилых бойцов. Мы их называли стариками. И это правильно. Нам было, кому 18 лет, а некоторым и того меньше, как, например, мне, а им 40 — 45, а то и все 50.. Отличались молодые бойцы от стариков не только внешностью, но и поведением. Даже можно сказать психология была другой. Мы были экстремистами, а старики более мягкими, человечными.

Послушав наши экстремистские высказывания, один пожилой боец толковывал мне:

— Вот тебя призвали в армию. Привезли на фронт. Вот ты и воюешь. Также и он, немец. Ему, поди, было бы сподручнее жить в семье, дома, а его заставляют воевать. Так в чем же его вина? Сам подумай!

Однажды, оказался около стариков, за их спиной, и, невольно, услышал их разговор. Мимо них прошли два молодых бойца и, один из стариков сказал, кивнув головой на парней, что вот де прибыло пушечное мясо. Не пройдет и двух недель, как из них никого не останется, а они старики как были, так и будут. Меня это очень удивило и, спрашиваю, почему они так думают?

— Воевать, сынок, надо умеючи. К примеру, не надо лезть туда, куда не следует. Если приказа нет, то сиди в траншее, не рыпайся. А вообще — то на войне надо больше головой работать.

Меня поразило то, что в наступлении или под огнем противника, стариков погибало намного меньше, чем нас молодых.

Первое время мне было очень тяжело, Кроме Гуляева, кругом посторонние неизвестные люди. Слушать его непрерывное брюзжание надоедало. Обмолвиться словом, поговорить не с кем.

Иногда на привалах меня охватывала тоска. Размышляя над своей недолгой жизнью, прихожу к выводу, что она сложилась неудачно. В 12 лет остался без отца. А, что значит лишится отца в подростковом возрасте? Закрываю глаза и вижу его усы и добрую улыбку на лице. Он никогда не повышал голос и не наказывал меня. Приходя с работы, он брал меня под мышки и, подняв над собою, говорил: — «Сыны, любимые победы!» Много позже узнал, что это строка из поэмы Пушкина «Полтава».

Здесь подходят слова стихотворения М.Ю. Лермонтова

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть.
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!

У меня сложилось твердое убеждение, что надо подружиться с кем —нибудь.

Начал присматриваться к окружавшим меня бойцам и обратил внимание на сержанта Молчанова. Он был командиром отделения. По штатному расписанию в отделении должно быть 9 бойцов. Так как, рота была не полного состава, у него в подчинении было 5 человек.

Молчанов был рослым парнем, чуть повыше меня. Он

отличался хорошим телосложением, немногословностью и, главное, добросовестным отношением к службе. Ни одного раза никто не слышал, чтобы он проявил слабость или говорил о трудностях, которые выпали на нашу долю. Смотрю на него и думаю, — Вот это парень, так парень, хорошо, если бы все были такими, как он.

Другой боец, на которого нельзя было не обратить внимания, Пигольдин Когда он шел, то голову немного выдвигал вперед, как бы высматривая или вынюхивая что — то.. Непонятно почему, но он вызывал у меня какое — то неприятие. На вид ему было лет 30. Он был в подчинении Молчанова.

С первых дней пребывания в роте, он не на шаг не отходил от Молчанова. Как только объявляли привал или мы останавливались для занятия боевых позиций, он сразу же подбегал к Молчанову. и, начинал с ним о чем — то говорить. Если приезжала кухня, то он хватал котелок своего командира и бежал получать для него еду. Ну, а когда приходилось рыть окопчики, он опять тут, как тут. «Ты сиди, сиди! Я сам все сделаю». — с этими словами он начинал энергично копать землю.

Смотрю на все это и, диву даюсь, к чему это подхалимство? О чем можно непрерывно говорить, не умолкая ни на минуту? Молчанов, как правило, слушал молча и тем самым оправдывал свою фамилию. Было ясно, что мне с ними не по пути. По пути, не по пути, а приятеля завести надо!

Нельзя было не обратить внимания еще на одного бойца Коломицына. Был он не молод. На вид ему было лет 30, а может быть и все 35. Отличался молчаливостью. Все, приказы выполнял основательно. Никогда не хныкал. К слову сказать, хныканья в роте совсем не было. Все понимали — война!. На марше и на привалах всегда старался быть рядом с лейтенантом Колюшенко Да и лейтенант проявлял к нему особое внимание. Оба они были украинцами. Этим и объясняется их тяготение друг к другу. К такому выводу пришел, наблюдая за ними.

После всех этих наблюдений мой выбор пал на молодого бойца, который еще в бане, в Перми, сказал про тех девиц, которые с нами мылись, что они «обтекаемые» Мною было принято твердое решение сблизиться, подружиться с ним.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЕЙБ ГВАРДИИ РЯДОВОЙ

Идем в поход неухватимой лавой
И не сдержать напора, нас не счесть.
Идем в поход, и это — наше право
И боевая воинская честь.

Поэт Александр Прокофьев «В поход»

Итак, мой выбор пал на молодого бойца Виктора Ордынцева. Был он на полголовы ниже меня и отличался подвижностью. Улыбка никогда не сходила с его лица. Больше всего он любил острить по всякому поводу и без всякого повода. Надо сказать это у него хорошо получалось!

Иногда Витька начинал декламировать стихи, а то и петь. При этом он становился так, чтобы быть в центре бойцов, немного откидывал голову назад, чуть — чуть прикрывал глаза и, выбросив вперед правую руку, как вождь мирового пролетариата, начинал декламировать, растягивая слова. В свое исполнительское искусство он вкладывал всю свою неутомимую душу, читал с выражением, делая ударения там, где это требовалось.

Вот и в этот раз он привлек к себе всеобщее внимание художественной декламацией.

Она поет и звуки тают,
Как поцелуи на устах.

Пауза. Все взоры устремляются на него. Кто жевал, так и застыл с куском хлеба во рту. Кто чистил винтовку, так и замер в ожидании интересного продолжения о красавице — девице. Даже Пигольдин, который, как всегда, что — то тараторил Молчанову, примолк. А Витька продолжает

А у ворот собаки лают
И пенье то наводит страх.

Опять пауза, а на лицах слушателей сомнение. Их лица как бы говорят: опять сострит черт эдакий! А неутомимый Витька

продолжает

Она поет лесные звери
Все в норы прячутся скорей,
Соседи закрывают двери
Плюется дворник Федосей.

После этих слов Витька делает паузу, чтобы последним четверостишьем окончательно убедить слушателей в непревзойденности своего таланта.

Мороз по коже продирает
Встают у лысых волоса
И все как — будто умоляют
Не пой ты, дева красота!

— Ну ты и фрукт! Опять шутку отчебучил! — говорит один из присутствующих стариков. А Витька с торжествующей улыбкой озирает всех и видно, как он радуется эффекту, произведенному на слушателей

Много позже, перечитывая стихи М. Ю. Лермонтова, встретил две первые строчки в одном его стихотворении, а все остальное это уже народное творчество...

Когда приезжала кухня, старался сесть поближе к нему. Порой заговаривал с ним. Это дало положительный результат. Вскоре мы с ним подружились и всегда оказывались рядом. Ели из одного котелка

А наступление наше продолжалось..

Отступавшие фрицы уничтожали все, что не успевали вывезти или, что нельзя было вывезти. Деревни сожжены, кирпичные здания, железные дороги, мосты были взорваны. Перед тем, как уходить они расстреливали людей, не успевших спрятаться. Домашний скот, лошадей, коров, которых они не успели съесть, безжалостно уничтожали.

Обычно при освобождении деревень жителей, которые оставались еще живыми, не было видно. Они куда-то прятались. Но в одной деревушке из подземелий, выползло несколько местных жителей. И уж совсем невероятное событие — среди них оказался мужик лет за сорок. Ему тотчас же выдали обмундирование и в строй!

Он стал доказывать, что освобожден от воинской службы и даже предъявил документ, как он говорил, «белый билет». В этом документе значилось, что он является инвалидом в связи с

дефектом слуха, поэтому освобожден от воинской службы. Но его никто не стал слушать. Звали его Зайцев. Он всегда старался быть рядом со мной. Меня он ласково называл — сынком.

В один из первых дней пребывания в роте Зайцев подошел ко мне и, попросил: «Никогда не стрелял! Можно мне пульнуть?» «Конечно можно. — говорю — отойдем в сторонку». Он лег и через некоторое время раздался выстрел.. Возвращается ко мне и, потирая правое плечо, говорит: —"Бъеть! Бъеть" Это надо понимать так, что отдача винтовки при выстреле, была чувствительной.

Мне пришлось растолковать ему, что при выстреле надо приклад плотно прижать к плечу тогда и бить не будет.

Вот так дела — подумалось мне. Никогда не стрелял! Вот и повоюй с такими!

Слух у него был действительно слабоват и, приходилось напрягать голосовые связки, чтобы втолковать ему что — либо. До него доходила и нормальная речь, если говорить в самое ухо.

Он был заядлым курильщиком. С табаком было плохо. В качестве курева выдавали махорку. 50 грамм или, как говорили, «осмушку».на двоих. Это надо понимать, как одна восьмая фунта (фунт это 400 грамм). Небольшая такая пачка в коричневой упаковке. Выдавали не регулярно и курильщики очень страдали. Это и определило особую роль махорки на войне. О ней даже песню сложили. Вот отрывки из нее (все, что удалось запомнить).

Как письмо получишь от любимой
Вспомнишь дальние края
И закуришь, и с колечком дыма
Улетает грусть твоя!

Припев.

Эх, махорочка, махорка
Подружились мы с тобой
Вдаль глядят дозоры зорко
Мы готовы в бой! Мы готовы в бой!

Мне, некурящему парню, эта махорка была не к чему и, это определило мое особое положение в роте.

Курильщики ревниво оберегали меня от пуль и осколков. Были случаи, когда меня за гимнастерку стаскивали с бруствера со словами: — Ты, что? Пулю снайперскую в лоб хочешь получить? Все отлично понимали, что с моим уходом на тот свет

или в госпиталь из роты исчезнет дополнительная пайка махорки.

Когда приносили махорку, вокруг меня возникала небольшая свалка, Все старались убедить меня, что свою пайку махорки надо отдать именно ему. Но постепенно Зайцев оттеснил их всех и, прочно завладел моим табаком. Он старался всячески завоевать мое расположение. Отдавал свой сахар. На мой категорический отказ, он в ответ убеждал меня, что сахар не ест и, даже дома, в мирное время, не ел его.

Однажды, наша рота занимала позицию недалеко от болота. Зайцев принес в котелке ягоды. Кажется, эти ягоды называются морошкой. Кисленькие такие, но очень приятные.

Несколько в стороне от наших позиций находилось большое картофельное поле. Картофель уже давно созрел и перезрел, но убирать его было некому.

Туда за картофелем ежедневно направляли двух бойцов с мешками.

Картофельное поле хорошо просматривалось противником. Заметив наших заготовителей, фрицы открывали минометный огонь. Чтобы спастись от мин, бойцы отрыли на поле два окопчика и при обстреле отлеживались в них.

И вот наступила моя очередь идти за картофелем. Мы с Петровым взяли мешки и перебежками добрались до нашего правого фланга. Сплошной траншеи не было. А там за деревьями была дорога, которую наша дивизия должна была перерезать.

Справа от дороги занимала позиции другая рота. Положение, при котором по обе стороны дороги находятся войска, у военных называется «оседлать дорогу»

С востока дорогу оседлали мы, а с запада — немцы. Дорога хорошо простреливалась с обеих сторон. Поэтому справедливо считалось, что дивизия задачу перерезать дорогу еще не выполнила.

Вот мы с Петровым вышли на эту смертельную дорогу. По ней нужно пробежать метров 300, а затем свернуть влево на картофельное поле. Это нам удалось проделать сравнительно быстро и, мы сразу же приступили к работе.

Работа спорилась и мешки были заполнены почти наполовину, когда начался минометный обстрел. В один момент мы оказались в окопчиках и терпеливо ждали окончания обстрела.

После обстрела, заполнив мешки до предела, мы направились к дороге. Здесь мы увидели офицера, который ехал верхом на коне по обочине в направлении наших позиций. В это время раздался вой мины и, мы с Петровым в один миг укрылись в придорожной канаве.

После взрыва мы благополучно вылезли из канавы и тут же увидели лошадь, мчащуюся по дороге без седока

— Смотри! Офицера — то нет!. — закричал Петров.

— Бежим к тому месту, где мы его видели до взрыва. Он, видимо, ранен.

Офицера мы увидели сразу, как только подбежали к этому злополучному месту. Он лежал с открытыми глазами неподвижно. Мы сразу поняли, что он мертв.

Как только мы пришли в роту, то сразу же рассказали ротному об этом происшествии. Он начал названивать по телефону. Вскоре выяснилось, что погибший был начальником штаба 755го стрелкового полка нашей дивизии.

На войне полковое звено командования: командир полка, его заместители, начальник штаба полка и другие передвигались верхом на лошадях. Начиная с дивизии, командование пользовалось легковушками, как правило, это были отечественные машины марки М-1 или, как их называли в народе «эмки».

Во второй половине войны появились американские виллисы. Это нашло отражение в песне фронтовых журналистов. Там есть такая строка.

На виллисе дранном

И с одним наганом

Мы первыми въезжали в города.

Перед командованием стояла задача выбить противника с этой злополучной дороги, которую бойцы уже прозвали «дорогой смерти»

Комбат капитан Рудь пришел к командиру роты. Между ними состоялся разговор. Мне удалось кое — что из этого разговора услышать.

Две стрелковые роты, которые находились правее дороги, должны в наступательном бою выбить немцев с их позиций. 766 стрелковый полк окажет помощь этим ротам фланговым ударом.

Командование совершенно обосновано считало, что фрицы перейдут с правой стороны дороги на левую и, тут в наступление перейдет наша 9ая рота.

Две роты правого фланга при поддержке станковых пулеметов перейдут дорогу и продолжат давление на немецкий левый фланг. А 766полк по дороге двинется в тыл немцев и создаст для них угрозу окружения. Все это поможет нашей роте продвигаться вперед. Выполнение этого плана и приведет к тому, что шоссейная дорога будет перерезана, освобождена от

противника. Задача, поставленная командованием перед нашей дивизией, будет выполнен, но только в отношении шоссеиной дороги. Останется еще железная дорога.

С наступлением сумерек командир роты и старшина прошли вдоль наших позиций. Бойцам выдавали патроны, гранаты, индивидуальные перевязочные пакеты. Ротный приказал всем почистить и смазать оружие. За этим занятием мы провели остаток ночи.

На рассвете справа от дороги и немного в тылу послышался гул, напоминающий раскаты грома. Началась артиллерийская подготовка.

По обеим сторонам дороги росли деревья и мы не могли видеть этого боя, но стрельба из всех видов оружия была хорошо слышна.

В полдень мы заметили оживление на позициях противника. Командир роты скомандовал: — «Вперед!»

Мы выскочили из окопов и, стреляя на ходу, устремились на немецкие позиции. С их стороны сначала слышались выстрелы, а затем огонь немцев прекратился. Рота вышла на вражеские позиции. Стало ясно, что противник отошел. Ротный приказал выходить на дорогу и строится. Колонна из серых шинелей двинулась по дороге на запад.

На привалах мы с Зайцевым продолжали наши беседы. Эти разговоры были для меня очень поучительными.

Зайцев появился на свет еще в девятнадцатом веке и был свидетелем, иногда даже участником, событий 1917 года и последующих лет.

Однажды он обратился ко мне

:-Сынок, а ведь ты и не знаешь, что я был коммунаром! А знаешь ли ты, что такое коммуна? Недостаток образования сказывался на речи Зайцева.

Будучи политически подкованным, без запинки выпалил:

— Это добровольное объединение бедняков для совместной работы и жизни в одном таком прочном коллективе,

— Правильно, кроме одного. Не было совместной работы

— А на что вы тогда жили?

И вот, что мне рассказал Зайцев.

В их селе были богатеи и бедняки. Богатеи с утра до ночи работали в поле или по хозяйству. В этой работе участвовала вся семья, от мала до велика. Жили они хорошо, в полном достатке.

В отличие от них бедняки не работали, а, в основном, пьянствовали. Приехавшие из города большевики, создали из них «комитет бедноты», сокращенно «комбед» и объявили, что отныне вся власть в селе отдается этому комбеду, то есть этим горьким

пьяницам. Все жители села должны подчиняться этому комбеду. Эти городские объявили также, что теперь все будут жить по ленинскому завету — «Грабь награбленное!».

В селе был большой и красивый дом богатых людей — помещиков, которые сразу же бежали из села. Комбед, в составе семи человек, захватил этот дом и устроил там коммуны. Выполнялось указание вождя.

— Вы жили в этом доме и обрабатывали землю помещика? — спрашиваю его. В моем сознании не укладывалась мысль, что можно жить и не работать!

— Что жили в этом доме — это точно, а вот обрабатывать землю... Нет! Все семь были начальниками. Один — председатель, второй — его заместитель, третий — главный бухгалтер, четвертый — казначей. Остальные тоже были руководителями. Кому ж работать? Да и зачем работать? Добра в этом доме было видимо — невидимо: картины, мебель, ковры и чего только там не было! Мы все это продавали и жили не так уж плохо. В свободное от торговли, еды и сна время, занимались тем, что ссорились по всякому поводу и без всякого повода.

— А чего ссориться — то? Полный достаток. Работать не надо. Живи да радуйся!

— Например. Одному купили ботинки. Другие тут, как тут. Почему не мне? И пошло, и поехало!

— А чем же все это кончилось?

— Ясное дело, чем! Все проели, пропили и в разные стороны! Так и закончилась эта коммуна, Вот так — то, сынок! Вот все говорят, что в стране будет коммунизм. Это я так понимаю, что снова будут коммуны. Одно только понять не могу, где взять богатые дома, чтобы опять грабить награбленное? Ведь все уже разграбили!

— Эх! Зайцев, Зайцев! Да не грабежом будут жить люди при коммунизме.

— А чем?

— Ну, я так понимаю, что всего будет так много, что всем хватит. Без грабежей!

— Совсем ты меня запутал, сынок! Не понять мне этого!.

В одной не разрушенной деревне на пороге избы показался седой, как лунь, старик. Мое внимание привлек его огромный рост и согнутая чуть ли не под прямым углом спина.

Так захотелось вступить в разговор с ним, что, приблизившись, сбросил свой вещмешок, вынул и предложил ему краюху хлеба. Старик хлеб взял и сказал спасибо.

Оказавшись рядом с ним, с удивлением увидел, что едва достоя головой до плеча.

— Какой у вас рост? — спрашиваю.

— А рост такой, что, по молодости, не мог войти ни в одну избу.

Затем он назвал свой рост в аршинах и вершках, что мне ничего не говорило.

Командир роты скомандовал — привал. Это меня обрадовало. Появилась возможность поговорить со стариком.

Уселись на крыльцо и, завязался разговор.

— Большая ли у Вас семья?

— Один я одинешенек! Сам вскапываю огород, заготавливаю дрова. Все делаю сам. А вот не хочешь ли ты послушать мою историю?

— Хочу, да еще как!

Старик рассказал, что, все это было еще в царское время. Его забирали в армию.

— На воинского начальника, который занимался подбором парней на военную службу, мой рост произвел большое впечатление. В предбаннике голых молодых парней, построили в одну шеренгу. Офицеры, их называли "покупателями," решали, кого куда направить. Один из них подошел ко мне и ощупал мой подбородок. Потом он посоветовался с другим офицером спрашивает.:

— У тебя борода и усы растут?

— Молод я еще, а у тяти, борода и усы на загляденье! (Тятей в то время называли отца.)

Посоветовавшись с другими офицерами, он сказал, обращаясь к унтер — офицеру, который находился здесь же:

— В лейб гвардии гренадерский!

Унтер — офицер, здоровяк, схватил меня за плечи и, толкнув в руки другому унтеру, стоящему у двери в мойку, заорал: — В лейб гвардии гренадерский! В руки сунули кусок мыла и, открыв дверь в мойку, втокнули меня туда.

— Из мойки мы выходили в другое помещение, в котором на лавках лежали горы белья. обмундирования и сапог. Там мы оделись во все новое красивое и маршем на железнодорожную станцию. Потом я оказался в Питере в лейб гвардии гренадерском полку.

— А как служилось — то? — Расскажите!

— Попал я в первую роту. Она называлась «Рота Его Величества» Во всех лейб гвардейских полках первые роты назывались так: в одном полку — рота Его Величества в другом, Его Высочества и так во всех полках.

— Наша рота несла караул внутри Зимнего дворца. Посты были трехсменными, круглосуточными и находились: на

лестничных площадках, в коридорах, переходах из одного корпуса в другой и прочих местах.

— Порядок был такой: одни сутки в карауле, одни сутки отдыха и одни сутки занятий. А потом все с начала — по новому заходу. За сутки караула каждому лейб гвардейцу выдавали по одному рублю. В то время это были большие деньги! За пять рублей можно было купить корову. Вот какие деньги получал я!

— А как с обмундированием?

— Обмундирование было очень красивое — все расшито шнурами. Всем приказали отпустить бороду и усы. У тех гвардейцев, которые были не черными, перед заступлением в караул, красили черной краской не только бороду и усы, но и брови. У некоторых получалось ничего, а у других совсем безобразно. После караула мы смывали эту краску.

Обмундирование служило три года. В первый год мы в новом обмундировании ходили только в караул. На второй год это обмундирование одевали только на занятия, а на третий — работали в нем.

Сижу, затаив дыхание, слушаю этот рассказ. Подумать только, передо мной сидел не только очевидец, но и участник тех далеких событий! Хотелось, как можно больше узнать о том времени. Задаю еще и еще вопросы.

— Офицеры вас не били?

— Офицеры нет! Если, что сделаешь не так, как положено, он говорит твоему соседу :-"А ну вдарь ему!"Сосед размахивался сильно, но ударить старался слабо. Ведь свой брат — товарищ!

— А как с кормежкой?

— Кормежка была отличная! Каждый день давали хороший кусок мяса на палочке, что бы довески не попадали. Кто просил мясо пожирнее, а кто попостнее. Добрым словом поминаю ту службу!

— А кого-нибудь из царской семьи Вы видели?

— Ясное дело видал, а как же! На пасху императрица приходила в нашу роту христосоваться. Недаром же мы назывались «Рота Ее Величества!» Всю роту выстраивали в две шеренги. Императрица, с фрейлинами и с корзиной фарфоровых яиц, становилась перед строем. У нас у каждого в правой руке было крашенное яичко. Далее начинался сложный церемониал. Подходишь к императрице и отдаешь его ей. Она берет его левой рукой и передает фрейлине, которая кладет яйцо в пустую корзину. Затем императрица протягивает правую руку для поцелуя. Другая фрейлина подает ей фарфоровое яйцо. Берешь его и становишься в строй.

— В том лейб гвардейском полку, где первая рота

называлась: "Ротой Его Величества, " на пасху приходил сам царь. Было видно, что он выпил. С каждым гвардейцем он троекратно целовался и говорил: — «Христос воскрес!», а ему отвечали: — «Воистину воскрес!»

— И это продолжалось до той поры пока не свергли царя?

— Да! Ну, а как произошла эта самая распроклятая революция, будь она неладная, нас разогнали, а офицеров многих расстреляли.

— Как дальше сложилась Ваша судьба?

— Возвращаться домой было невозможно. Не было ни дома, ни родственников. Пошел в монастырь. А потом и его разогнали, как «очаг мракобесия». Так вот и доживаю свой век один — одинешенек. Слава Богу, есть еще силы обслуживать самого себя

Мое любопытство все еще не было удовлетворено. Следующий вопрос был таким,

— Как мы освободили вашу деревню, мне ясно. А вот, как вас оккупировали немцы, мне хотелось бы знать. Расскажите про это?

Далее мне старик подробно рассказал об отступлении наших войск и наступлении противника.

Немцы шли во втором эшелоне, а впереди они пустили финов и чехов, которые вели себя очень хорошо. Не было ни одного случая, что бы они кого-либо ограбили, убили, сожгли дом. А вот немцы грабили, жгли, убивали. Если у местных жителей была возможность, они призывали на помощь финов, которые заступались за местных жителей и наводили порядок.

— Вот так! А в пятом классе, когда началось преподавание немецкого языка, учительница говорила нам, что немцы культурный народ и изучение их языка позволит нам приобщиться к их культуре!

— Упаси Бог приобщаться к их культуре! Таких злодеев свет не видывал! Малых детей отнимали у матерей и бросали в огонь! Звери, а не люди!

Очень мне хотелось еще поговорить с этим невероятно интересным стариком, но прозвучала команда: — «Строится!» и мне ничего не оставалось, как попрощаться с ним и бежать на свое место в строю.

Рота двинулась вперед, оглянулся и увидел старика, стоящим на ступеньках крыльца. Он махал мне вслед рукой. Сердце мое жалось, так стало мне горько за его судьбу!

Это наступление для нашей роты не было безоблачным! Скорее наоборот! Вот такой случай. Вдруг раздалась команда ротного:

— Рота, стой! Вправо в цепь!

Дорога, по которой мы шли, пролежала по пшеничному полю

и команда эта означала, что мы должны развернуться в цепь на этом прекрасном поле по правую сторону дороги. Вытопчем весь хлеб! — мелькнуло у меня в голове, но ничего не поделаешь — война!

Мы быстро выполнили команду. Ротный подал команду, Ложись! Пробежал вдоль цепи, убедился, что команда выполнена правильно и скомандовал: «Сто метров, по пластунски, вперед!» Мы проползли эти сто метров и получили приказ окопаться

Здесь несколько слов надо сказать о лопате. Лопата на войне — это жизнь! Вырыл себе окопчик и лежи спокойно. Свистят пули, рвутся снаряды, с коротким визгом проносятся их осколки, тебе все нипочем. Тебя защищает толстый слой земли. Прямые попадания снарядов или мин крайние редки. Мне известен только один такой случай. Об этом позже!

Лопаты нам дали в один из первых дней пребывания в роте. Но вот беда! На роту, численностью 96 человек, досталось только четырнадцать лопат. Когда их выдавали, произошла небольшая свалка. Дальше все было по известному принципу: кто смел, тот и съел. Мне, как не смелому с самого детства, лопата не досталась. Да и в свалке мне участвовать не хотелось. С моей точки зрения это было унижительно..

Счастливики, у которых были лопаты, начали окапываться. Далее события развивались по законам войны. Противник засек рубеж, на котором мы развернулись в цепь и, сразу же ударила его артиллерия по этому рубежу. В этом артобстреле сказались вся немецкая аккуратность и педантизм. Сначала снаряды ложились на самом левом нашем фланге. Затем огонь был перенесен правее. Потом еще правее и так до самого правого фланга.

Надо отметить, что такая система ведения огня была свойственна противнику, о чем читатель убедится позже.

Этот артиллерийский обстрел был для меня первым. Громкий вой снарядов большого калибра был очень страшен. Вой каждого снаряда закачивался взрывом. Так продолжалось сравнительно долго. Но вот огонь достиг центра нашей цепи, где открыто, на поверхности земли, лежал автор этих строк..

Этот артобстрел научил меня многому. По вою снаряда можно было, сравнительно точно, определить, где разорвется снаряд. Но вот, когда снаряды стали рваться точно позади меня, впервые услышал, что вой переходит в прерывистое шипение. Первое впечатление, как будто рвут бумагу. Такое сравнение пришло мне в то время. Вот шипение прекращается и сзади ухает взрыв. Осколки с визгом пролетают надо мной, срезая колосья пшеницы

Лежу на животе, вжавшись в землю. Ладони плотно прижаты к земле, Ох, как мне хотелось, хотя бы немного, углубиться в эту матушку — землю, стать невидимым, превратиться в пылинку! Все мое тело сжалось в тугой комок В голове только одна мысль — авось пронесет! Надо бы молиться Господу Богу! Но куда там! Нас воспитали атеистами.

Помню, еще в первом классе, нас всех записали в «Союз воинствующего безбожника» (была такая организация). Каждому ученику выдали синий членский билет этого Союза и обязали вести войну с церковью. Как вести эту борьбу мы не знали и, на всякий случай, били окна в церквях. С нас аккуратно собирали членские взносы. Мама выделяла мне на это деньги. Много позже в печати было сообщение, что на деньги, собранные этим Союзом, в Ленинграде на адмиралтейской верфи, был построен военный корабль.

При взрыве каждого снаряда, земля вздрагивала. У поэта Твардовского очень удачно сказано: — «аж подвинулась земля!»

Все мои усилия вжаться в землю были бесполезными. Один осколок впился в землю рядом с указательным пальцем левой руки, сорвав кусок мышц и кожи. Больно, но терпеть можно! Сзади раздался крик: — «Санитар, санитар!» Видимо, один из бойцов, не точно выполнил команду, отстал от общей цепи, и стал жертвой этого артобстрела!

Снова команда: — «Выходи на дорогу строиться! В колонну по три становись!» И опять марш, Рота снова движется вперед!

В колонне рядом со мной идет Гуляев. Задаю ему вопрос.

— Во время артобстрела, кто звал санитаров?

— А я его фамилию не знаю!

— Какое у него ранение?

— Да тяжелее не придумаешь. Обе ноги оторвало. Неизвестно выживет ли! Когда его клали в повозку, он был уже без сознания. Я уже свыкся с мыслью, что похожая участь ожидает нас всех.

— Ты пессимист, Гуляев! Надо думать о жизни, а не о смерти.

— Твоими устами да мед бы пить! Однако, проживем, увидим...

Но вот командир роты командует: — «Привал налево!» Мы рассыпались по полю, слева от дороги и, каждый занялся своим делом: один прилег, другой открыл вещмешок и достал бумагу и карандаш, чтобы написать письмо домой.

Пигольдин, как всегда, уселся рядом с Молчановым и начал что — то энергично ему втолковывать.

Однако, эта идиллия, вскоре кончилась. Откуда не возьмись, на бреющем полете, над нами, появился немецкий самолет и стал нас расстреливать из пулемета. Пули с коротким свистом

проносятся над головой или, попав в землю, поднимают фонтанчики земли. Мы тотчас же легли на спину и в свою очередь открыли по самолету огонь. На этот раз обошлось без потерь, а самолет улетел в сторону противника.

Каждый занялся своим делом, только Витька Ордынцев слоняется среди бойцов. По хитрому прищурю глаз стало ясно — он опять что — то затевает. Вот он занял позицию в центре бойцов. Перебираюсь поближе к центру, Моему примеру последовало еще несколько человек.

Вот все в сборе, Оглядев нас, он начинает напевать. Растягивая последние слова. в каждой строке.

Как английский шкипееер,
Нарвался на триии..п

После короткой паузы следует продолжение уже скороговоркой

Не подумайте плохого
Три подводных лодки!

На лицах слушателей ухмылки, а он продолжает.

В магазине Копя
Выставлены жоооо..
Не подумайте плохого
Желтые ботинки!

Кто — то из слушателей говорит: — «Ну, ты же и артист!» А он продолжает.

Как у тети Нади,
Все дочери бляяя..эх
Не подумайте плохого
Бляхами торгуют!

А вот и новый куплет!

Как у дяди Туяяя....
Вода течет с хуууу..
Не подумайте плохого
С худого ботинка!

Много позже мне удалось узнать, что это дореволюционные куплеты. Видимо он слышал их от стариков и запомнил.

В этом сольном выступлении он весь, со своим хитрым прищуром глаз и всегда с улыбкой во все свое широкое лицо.

Снова построение в походную колонну и, снова марш.

Стемнело. Рота остановилась, окопалась и выставила часовых. В этот раз таким часовым пришлось быть и мне. Лейтенант Колюшенко, сказал, что пароль «Двадцать». Ну и пароль подумалось мне, но офицер разъяснил, как пользоваться этим паролем. Если кто — то приближается, надо ему сказать: — «Стой!» и затем назвать цифру от единицы до девятнадцати. Допустим так: — «Стой, я восемь!» Тот, кто подходит, должен сказать: — «Я двенадцать!» чтобы в сумме получилась двадцать.

Оказалось, что такие предосторожности были совсем не лишними, накануне, ночью, из соседней роты, фрицы уволокли двух наших бойцов.

Черное ночное небо иногда было замечательным зрелищем. Вдруг, откуда — то, в стороне и немного в тылу, в небо поднимаются четыре параллельные огненные струи. Это трассирующие пули. Надо сказать, что эти пули бывают не только огненными, но и цветными: красными, зелеными, синими. Счетверенный пулемет, выпускающий вертикально вверх эти огненные змеи, при стрельбе вибрирует и они имеют форму волны. Какое великолепие!

Часто в стороне от дороги виднелись огневые позиции «катюш». Официальное название этих установок «Гвардейские минометы». Это грузовик, в кузове которого находятся под острым углом к горизонту, металлические направляющие для реактивных снарядов КТ, что расшифровывается так «Костюковский термический». Первое слово в этом термине фамилия разработчика снаряда. Отсюда и произошло солдатское название этих установок — катюши.

На эти направляющие укладывается сразу несколько снарядов. При залпе слышится скрежет. Длинные черные реактивные ракеты с огненными хвостами взлетают одна за другой и несутся в сторону противника. Особенно хорошо виден этот огненный хвост в ночное время. Там, где эти снаряды рвались, в черном дыму бушевал огненный смерч. И виднелось огненное море, освещающая кровавыми сполохами половину неба..

Во время этих переходов противник частенько уничтожал наши походные кухни. Котел кухни возвышается над землей значительно выше человеческого роста, так как под котлом

находится топка. Еще выше поднимается над котлом кухни черная труба, из которой при варке еды вырывается дым. Это отличная цель для противника. Как — то, в один из дней перехода, мы потеряли сразу две кухни..

Все описываемое и есть наступление наших войск!

Так двигалась наша рота, попадая временами под обстрел артиллерии или огонь немецких самолетов. Остановилась рота только тогда, когда мы вновь оказались на передовой, но об этом в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. МЫ БЫЛИ ЧЁРНЫМИ

Над нами смерть, как сон, витала
Нас окружал четыре дня
Поток разящего метала,
Циклон ревущего огня.
И даже не было в сторонке
Клочка нетронутой земли,
Кругом воронка на воронке,
Мы только в них дышать могли.

Поэт Илья Авраменко. «Четыре дня.»

Когда меня приглашают выступить перед молодежью, а время ограничено, мною всегда излагается содержание этой главы, только в несколько сокращенном виде.

Начну издалека, чтобы заинтриговать читателя.

Как — то мне пришлось быть на приеме у врача. Это была женщина среднего возраста. Она посмотрела на наградные колодочки, которые были на моем пиджаке, на мое лицо и спросила:

— Вы на войне были танкистом?

— Нет — отвечаю — был в пехоте. А почему Вы подумали, что перед Вами бывший танкист?

— Просматриваются следы ожогов на лице.

— На войне огня хватало всем, и танкистам, и пехотинцам, и летчикам.

Почему на моем лице врачи видят следы ожогов, станет ясно при чтении этой главы.

События, которые излагаются далее, были не только тяжелыми, но и трагическими для всего состава роты, большая часть которой погибла, Но все по порядку

При прорыве немецкой обороны ожесточенный бой завязался у небольшой деревни.

«Грибовы Дворы» Это название запомнилось мне на всю жизнь.

Перед этим боем командир полка майор Титов зачитал нам приказ по полку на наступление. Он был написан точно в соответствии с Боевым уставом пехоты: задача наступающих, соседи справа и слева и так далее. Запомнились слова из приказа:

— Справа наступает 766 стрелковый полк, слева река Вытебеть.

Затем майор разъяснил нам, что железная дорога, идущая от Орла на запад, уже перерезана, но противник укрепился в непосредственной близости от нее у деревни Грибовы Дворы. Дорога находится под огнем противника и, пока не отбросишь его с этих позиций, о использовании дороги не может быть и речи. Мы освобождением деревни выполним эту задачу..

Следовательно, роте предстояло вести наступательный бой, а в Боевом уставе пехоты крупным шрифтом выделено такое положение: «БОЕЦ В НАСТУПАТЕЛЬНОМ БОЮ ОБЯЗАН, ДЕЙСТВУЯ, СМЕЛО И РЕШИТЕЛЬНО, ПОДАВЛЯЯ СВОИМ ОГНЁМ ОГОНЬ ПРОТИВНИКА, БЫСТРО СБЛИЗИТЬСЯ С ПРОТИВНИКОМ, ЗАБРОСАТЬ ЕГО ГРАНАТАМИ, ЗАХВАТИТЬ В ПЛЕН ИЛИ УНИЧТОЖИТЬ В РУКОПАШНОЙ СХВАТКЕ»

Наш БУП предусматривает завершение наступательного боя рукопашной схваткой. Как мы выполнили это положение Устава, судить читателю

В классическом наступательном бою, если его вести так, как нас обучали в военном училище, наступающее подразделение, обычно это рота, передвигаются по полю боя короткими перебежками. Эти перебежки не должны длиться более трех — четырех секунд. Пехотинец, в боевом снаряжении, бежит со скоростью 3 метра в секунду. За это время он может пробежать 10-12 метров. Если бежать более 4х секунд, то тебя подстрелят. Немцу для прицельного выстрела требуется 6 секунд.

Читатель легко определит, сколько надо сделать таких перебежек, чтобы преодолеть расстояние в 600 — 800 метров. Такое расстояние чаще всего бывает между передовыми нашей и противника. Эти перебежки вконец измотают любого, даже самого выносливого, бойца.

Передвигаясь перебежками, рота сосредотачивается на рубеже атаки в 40 — 50 метрах от передовой противника. Убедившись, что все подразделение, находятся на рубеже атаки, командир подает команду: — «Приготовиться к атаке! Дозарядить оружие! Приготовить гранаты!».

Через некоторое время командир подает команду: — «В атаку, вперед!» Все бойцы встают, быстрыми широкими шагами устремляются к первой траншее противника, бросая на ходу гранаты. Вот эти 40 — 50 метров и называются атакой, а перед этим было наступление.

При обучении в военном училище, нам говорили, что бежать во время атаки не следует, так как предстоит рукопашная схватка в траншее противника и нужно беречь свои силы

Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

В 20 — 25 метрах от первой траншеи противника, путь атакующим, как правило, преграждает проволочное заграждение. Но это еще не все! Полоса от проволочного заграждения до траншеи противника, зачастую, минируется. Теперь читателю понятно, почему 90% наступающих погибает. Это знали все бойцы, когда готовились к бою.

Война — это, в первую очередь, бой. Артиллерия может разрушить все укрепления противника. Авиация может стереть в порошок любые его населенные пункты или сооружения. Танки проутюжат оборонительные сооружения противника. Но это еще не будет победа! О победе можно говорить только тогда, когда на позиции противника, или на, занимаемую им, территорию, ступит нога пехотинца! Это определяет роль пехоты в современной войне.

Но вернемся к нашему повествованию.

После того, как зачитали приказ командира полка, началась интенсивная подготовка к бою. Нам были выданы патроны, гранаты, индивидуальные перевязочные пакеты. Человек я запасливый и взял два пакета. И правильно сделал! Обстановка сложилась таким образом, что оба пакета были использованы.

Самое трудное на войне, что тяжело и угнетающе действует на бойца, на его психику, на его поведение — подготовка к смертельному бою, которая более страшна, чем сам бой.

Можно сказать, что это особое состояние души или понимание неизбежности и необходимости идти на смертный бой, чувство тревоги, обреченности, неизбежности смерти. Это не чувство страха. Чувство страха наступает потом, с момента соприкосновения с противником, когда видишь, как корчатся и стонут от боли твои товарищи, как застывают в неестественной позе еще недавно шутившие и балагурившие парни.

Бойцы были сосредоточенными и молчаливыми. Не было никаких реплик, шуток, острот, которыми они обычно обмениваются. Перебирали свои вещмешки и выбрасывали все лишнее. Некоторые брились, так как считалось, что попасть на тот свет надо обязательно побритым. Другие сожалели, что не могут сменить белье. Даже Витька перестал улыбаться и острить. Первый и последний раз я увидел его таким мрачным и сосредоточенным. Те бойцы, которые уже приготовились к бою, уселись писать письма домой. Все знали, что в наступательном бою погибает очень много людей. Шансов остаться живым совсем мало.

Перед каждым боем среди нас оказывалось большое количество политработников. Также было и в этот раз. Это были и комсорги, и парторги, и замполиты всех уровней. Они вели

разъяснительную работу среди нас. Часто нам рассказывали о зверствах немцев, о колодцах, заполненных трупами грудных младенцев. Все было направлено на то, чтобы вызвать ненависть к врагу. Это им удавалось. Слушая их, начинаешь понимать, что их работа совершенно необходима для боя, для победы.

Политработники убеждали нас, что нужно как можно больше стрелять. Вести огонь надо непрерывно, независимо от того видишь ты противника или не видишь его. Заместитель командира полка по политчасти договорился до того, что после боя, у всех, оставшихся в живых, проверят вещмешки и плохо придется тому, у кого найдут не израсходованные патроны. Слушаю его и думаю, если останутся патроны, то их можно выбросить и тем самым избежать гнева начальства.

Видимо, эта мысль пришла в голову и замполиту. По выражению его лица мне стало ясно, что и он понял бессмысленность этой угрозы.

Объясню читателю, почему такой ажиотаж возник вокруг необходимости вести огонь непрерывно.

А.В. Суворов еще в восемнадцатом веке, во время царствования императрицы Екатерины Второй, ее еще называют Великой, в своей книге «Наука побеждать» сформулировал такое требование: — «Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля обмишугится, штык не обмишугится. Пуля — дура, штык — молодец!».

Это положение, сформулированное великим полководцем, было совершенно оправданным 250 лет назад. Чтобы зарядить ружье (винтовок еще не было) требовалось две минуты. Естественно, во время боя, перезарядить ружье возможности не было. Солдат в то время мог только один раз выстрелить в бою. Стрелять надо было только наверняка.

Шли столетия, а это положение переносилось из одного устава в другой вплоть до Отечественной войны. Армию учили беречь патроны.

В отличие от нас, немцы в бою вели огонь непрерывно. Этот шквал пуль заставлял прижиматься к земле и не отвечать огнем на огонь противника, что давало ему явное преимущество.

Когда это дошло до нашего командования, появилось требование не жалеть патроны.

Забегая, вперед скажу, если перед боем политработники буквально кишели среди нас, то в бою их совсем не было. Улыбку вызывают стихи и песни послевоенных лет, в которых прославляется «подвиги» политработников. Например: — «Комиссар кричит: — Вперед! Гони захватчиков ребята!» А политрук Клочков, который, якобы, командовал 28 героями —

панфиловцами! Кстати, после падения социализма в нашей стране, сообщалось, что не было их!

Закусив удила, уже совсем собрался разразиться гневным памфлетом в адрес политработников. Ах! Какая возможность клеймить политработников и, тем самым, показать себя храбрецом! Даже закрыл глаза, подбирая им гневные эпитеты. Но потом подумал, а как бы сам поступил в аналогичной ситуации. Да точно также! Зачем подставлять голову под пули, если можно этого не делать.

Естественное чувство страха свойственно всем. Все хотят жить. Кривят душой те, кто утверждает, что им неведом страх в бою. Однако, чувство ответственности перед людьми, обществом, Родиной сильнее страха. А еще мысль, что только мы, безусые парни, можем и должны прогнать этих захватчиков. Никто этого сделать не сможет! Только мы!

Во второй половине дня рота двинулась вдоль железной дороги по направлению к Брянску, хотя до него было еще очень далеко. Это и была та железная дорога, которую наша дивизия должна была перерезать и уже перерезала.

Около небольшого железнодорожного моста через ручеек, мы остановились. Видимо, командир роты ждал, когда стемнеет. Под мостом валялось большое количество немецких толковых шашек. В отличие от наших, немецкие шашки, имели цилиндрическую форму диаметром, примерно 4 см и, длиной см. 15..Они были в красной промасленной бумажной упаковке. Немцы при отступлении хотели взорвать этот мост, да не успели.

Смеркалось, когда мы от моста свернули на юг почти перпендикулярно к железной дороге и, уже совсем стемнело, когда мы прошли нашу передовую.

Бойцы, мимо которых мы проходили, совершенно не реагировали на нас. Один боец сидел неподвижно. Его лицо ничего не выражало. Он как бы окаменел. Рядом стоял станковый пулемет и лежал еще один боец, видимо он спал..

Обычно на фронте, когда одно воинское подразделение проходит мимо другого, всегда ищут земляков. Раздаются возгласы: «Воронежские, есть? Харьковские?...Тюменские?» За все время пребывания на фронте, мне только один раз удалось увидеть встречу двух земляков. Такая большая наша страна! В этот раз никто не искал своего земляка. Было не до земляков.

Перед призывом в армию, мною было прочитано много восточных сказок, в которых герой попадает в подземное царство, где сидят заколдованные неподвижные люди. Как в тех сказках — подумалось мне. Было непонятно, почему бойцы на передовой находятся в таком странном состоянии. Твердо решаю, что

никогда не буду таким окаменелым! У меня и в мыслях не было, что после боя сам окажусь в таком же состоянии.

Много позже до меня дошло, что это состояние является неизбежным для всех участников боя. Человеческая психика устает от длительного балансирования на грани жизни и смерти. Подкорка просто отключается и человек не реагирует на то, что происходит вокруг него. Исключения составляют события, которые непосредственно угрожают его жизни.

Для наступающих очень важно затемно приблизиться к позициям противника, как можно ближе, чтобы в бою на следующий день избежать больших потерь личного состава.

Мы прошли еще довольно большое расстояние по направлению к немецкой обороне и начали бесшумно разворачиваться в цепь. Кругом высокая густая пшеница, как в песне: «Кругом стоит пшеница золотая...». Не было никаких громких команд. Командир роты бегал вдоль цепи, добиваясь, чтобы расстояние между бойцами было 6-8 шагов, как того требует Устав.

Не знаю почему, но моя позиция оказалась на самом левом фланге. Он всегда, наиболее, уязвим. Все бойцы это отлично понимали и всегда стремились быть поближе к центру цепи. Меня, как — то незаметно, оттеснили на левый фланг..

Бойцы, у которых были лопаты, начали откапывать себе окопчики. Обычно они имели глубину 1, 5 м, длину по росту бойца, ширина — на поверхности земли 70 см по дну 40 см, как у траншеи. У немцев размеры траншей другие, но об этом позже.

.Поскольку завтра будет бой, надо защититься от немецких пуль и осколков снарядов. Посмотрев вокруг, вижу слева от себя, воронку от снаряда. Забираюсь в эту воронку и, сразу же появилось чувство безопасности. Для удобства, нарвал колосьев пшеницы и постелил на дно воронки. Устроился со всеми удобствами, которые только возможны на передовой. Ради этого удобства и безопасности мне пришлось еще больше удалиться от роты...

Справа от меня, боец, ложась на землю, неосторожно разбил бутылку с горючей смесью. Вероятно, он получил ожог, так как поднялся шум, на который сразу же среагировали немцы. Их передний край ожил. Они открыли шквальный огонь из стрелкового оружия. Видимо, противник засветло пристрелял рубежи и, несмотря на темную ночь, их пули ложились в непосредственной близости от нашей цепи. Мы открыли ответный огонь, хотя все понимали, что стрелять в темноту бесполезно.

Тоже открываю огонь. Было неясно куда стрелять, поэтому было выбрано три наклона ствола. Ствол немного поднят вверх

— пули полетят далеко. При горизонтальном положении ствола — пули лягут гораздо ближе, а если наклон ствола. ниже горизонтального, то пули будут ложиться недалеко от меня. Лучше стрелять так, чем не стрелять. Патронов запасено очень много, чего их жалеть!

Перестрелка продолжалась всю ночь. Заснуть в такой напряженной обстановке невозможно. Свист пуль не располагает ко сну! Под утро стрельба с обеих сторон стихла. Ко мне в воронку прибежал старшина и сообщил, что на рассвете наша артиллерия начнет артподготовку, после которой мы двинемся на немцев. Сказал, что надо заранее подготовиться.

На рассвете у нас в тылу послышался гул. Он напоминал раскаты грома и все время нарастал. Все вокруг осветилось заревом. Было ясно, что огонь ведут одновременно много орудий, так как звуки выстрелов были очень частыми, то есть следовали один за другим с малым интервалом времени. Это была артподготовка перед наступлением.

Бойцы на фронте с большим уважением относятся к артиллеристам и всегда радуются, когда артиллерия ведет огонь.

Артиллеристам во время артподготовки приходится, ох, как тяжело! Обслуживать орудия нужно, как можно, быстрее. Поэтому они сбрасывают с себя одежду, которая мешает им действовать. В теплое время года они раздеваются до пояса, а в холодное время года работают в одних гимнастерках.

Стволы орудий от частой стрельбы нагреваются и, краска на них сгорает. При таком состоянии орудий, вести огонь из них бесполезно, так как разброс снарядов становится недопустимо большим. А пехота требует еще и еще огня. Артиллеристы обертывают стволы бушлатами, шинелями, поливают водой и продолжают вести огонь.

После боя орудия выглядят так, как будто они побывали в пожаре. Обгорелая краска соскабливается и, орудия окрашиваются заново. Поэтому артиллеристы всегда берут с собой краску.

Наш великий поэт М. Ю. Лермонтов в своем стихотворении «Бородино», пишет:

.И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой.

Этого быть не может так, как продолжительность каждого выстрела составляет всего миллионные доли секунды.

Выглядываю из своей воронки и, вижу, что там, где были позиции немцев, от разрывов снарядов и мин образовалась сплошная стена огня и дыма. Черно — красные фонтаны взмыли вверх. Огонь со стороны противника полностью прекратился.

Увидев, что творится на немецком переднем крае, некоторые

бойцы выскакивали из своих окопчиков и начинали плясать от радости. Видимо, это самые эмоциональные бойцы. Они были уверены, что после такого ада от немцев останутся рожки да ножки.

Смотрю на эту огненную стихию и думаю: сейчас немцы не могут определить, где земля, а где небо.

Не разделяю радость плясунов потому, что знаю, во время артподготовки противник переходит во вторую траншею и отсиживается там. Затем возвращается в первую траншею и встречает наступающих плотным огнем.

Во время первой мировой войны артподготовку вели непрерывно сутками.. Однако, при переходе в наступление огонь обороняющихся был таким же плотным, как и до артподготовки. Обо всем этом мне довелось читать не раз. До войны военная тематика была очень распространена во всех произведениях, даже детских. Видимо, власти готовились к войне.

Но вот, артиллерия перенесла огонь в глубину немецкой обороны, и ротный подал команду: «Вперед! За Родину! За Сталина!»

С удивлением вижу, что боец, находившийся справа от меня, тот самый, который разбил бутылку с зажигательной смесью, бежит не вперед, а наискосок к центру. И другие поступают также. Все стали сбиваться к середине боевого порядка роты.

Человек стадное животное и, в данном случае, сработал стадный инстинкт. Стадо, почуввав опасность, всегда сбивается в плотную кучу. Это привело к гибели многих бойцов, так как расстрелять плотную толпу проще, чем редкую цепь.

Не буду поддаваться стадному инстинкту, а буду бежать только вперед — таково было мое решение. Надо отметить, что такое противостояние большинству, частенько было свойственно мне. Позже, после войны, на партийных или профсоюзных собраниях бывали случаи, когда автор этих строк один голосовал против предлагаемой резолюции.

Обычная картина на партсобрании: сидит коммунист читает книгу, Вдруг слышит — прошу голосовать. Быстро окидывает взглядом сидящих и, увидев лес рук, поднимает руку. За что он голосует, ему все равно! Это тоже стадный инстинкт.

Немцы открыли интенсивный огонь. Сразу стало ясно, что он хорошо организован. Такой огонь существенно отличается от беспорядочной стрельбы. Преобладает пулеметно-автоматный огонь, равномерно распределенный по всему фронту наступления нашей роты.

По цепи роты, кроме огня из стрелкового оружия, велся огонь из минометов... Разрыв мины в цепи пехоты оставляет брешь.

Мины все время рвались у нас в тылу, так как мы непрерывно продвигались. Полет мины продолжается десятки секунд в зависимости от расстояния. За это время цепь значительно продвигается вперед и, погибают те, кто отстал от цепи. Как только это дошло до меня, сразу же выдвинулся в первые ряды наступающих

При наборе этого текста, мне очень хочется выглядеть в глазах читателя героем. Да и причина для этого есть! Ведь был впереди всей цепи! Вспомнил, что после войны, инвалиды в вагонах электричек пели песню о герое — моряке черноморского флота. Там были такие слова:

Он шел впереди и пример всем давал...
...Он шел впереди с автоматом в руках
Моряк черноморского флота...

Вот и автор этих строк вроде бы шел впереди и пример всем давал...Ничего подобного! В данном случае сработало элементарное чувство самосохранения. Обещал писать правду, вот и выполняю свое обещание.

Дальнейшие события развивались совершенно невероятным образом. Мы ожидали всего, но не того, что произошло! Противник поджег пшеницу, по которой мы двигались!.

Пожар возник сразу, на широком фронте Рота залегла. Рыжие языки пламени и густой черный дым поднимались над горящей пшеницей. Вместе с дымом в воздух взлетали черные хлопья ее недогоревших стеблей. Запахло печеным хлебом. Этот запах был сильным и приятным. Не могу забыть его до сих пор

Пламя танцевало на уровне пояса, но там, где пшеница была густой, достигало уровня груди, а временами отдельные языки пламени взметались и выше. Было совершенно ясно, что окунуться в это огненное море, означало сгореть заживо.

Командир роты снова и снова подает команду «Вперед! За Родину! За Сталина!», но рота лежит. Никто не хочет бросаться в огонь.

Ротный бежит вдоль цепи, угрожая бойцам автоматом. Он подбегает к одному бойцу, направляет на него автомат и кричит «Вперед, пристрелю!» Этот боец не хочет, чтобы его пристрелили и, бросается в огонь, но остальные лежат. Все понимают, что в огне гибель

Рядом со мной оказался Витька Ордынцев. Это меня ободрило. Все-таки не один!

— Витька — обращаюсь к нему — ты читал Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка?» Я эту книгу прочитал

перед самым призывом в армию.

— Не читал, а что там?

— Медицинские комиссии признавали Швейка полным и законченным идиотом.

— Ты себя имеешь ввиду? — как всегда, сострил Витка.

В то время его острота вызвала мое недовольство. В сердцах, сказал ему:

— Дурак ты, Витка! Чтобы броситься в огонь надо быть полным и законченным идиотом. Вот, что имелось ввиду!

Если бы знать, как обернется этот бой для него, не сказал бы так.

Сейчас мои мысли были заняты тем, как бы не идти в огонь. И вдруг меня осенило.

— Витка, а ты знаешь, ротный до нас не добежит! Под таким огнем долго не набегаешься!

— Ну и что? Если его подстрелят фрицы, тотчас же командование примет один из заместителей, которых он назначил перед боем! Этот заместитель сразу же заорет — Рота, слушай мою команду!

Бросаться в огонь мне не хотелось. Усиленно ищу выход из положения, но этот выход никак не находился!

— Вот бегают ротный, угрожает автоматом, а как добежит до нас у него терпение лопнет и он нас пристрелит! — дал свой прогноз Витка.

— Так он за это получит выговор от командира полка!

Закрыв глаза, представляю себе выражение лица ротного, когда будут зачитывать этот приказ. Витка не сдавался. В этот момент он был неисправимым пессимистом.

— А тебе что от этого выговора? Тебя на свете не будет!

— То есть, как это не будет? Ну, что ты мелешь?

— Так ведь выговор ему дадут за то, что он нас пристрелит! А вот теперь подумай — кто из нас дурак!

Собираю все свои мыслительные способности в кулак, но обдумать его слова не успел. Витка встал в полный рост. Пули свистят, а он стоит, как бы бросая вызов, и огню, и пулям.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать!

С этими словами, последними в его жизни, он бросился в огонь. Его пример оказался настолько заразительным, что какая — то сила швырнула меня вслед за ним.

Едва подбежал к горящей пшенице, как язык пламени лизнул мое лицо. Стало нестерпимо больно, почувствовался запах горелых волос. Огонь слизнул с лица брови, ресницы, волосы с рук и ворс на шинели.

Пробежав всего несколько шагов, вижу объятую пламенем

Витьку. Он бился в предсмертных конвульсиях на горящей земле. Это были последние мгновения его жизни. Видимо, в него попала пуля — подумалось мне..

. Двигаюсь вперед, почти теряя сознание от боли и удушья. В зоне горения кислорода меньше, чем в обычных условиях. Да тут еще новая напасть. Хлопья сажи залепили рот, нос, уши и глаза. Дышать нечем. Страшная тяжесть навалилась на мою грудь — мне казалось, что еще немного и, она меня раздавит.

Куда двигаюсь? Потерял ориентировку, так как уже не слышал звуки выстрелов. Возможно, изменилось направление моего движения и двигаюсь параллельно линии фронта? Двигаться вдоль линии фронта — последнее дело. Шансы погибнуть многократно возрастают. Возможно, повернул на 180 градусов и двигаюсь в тыл? Это грозило бы мне смертью, так как трусов пристреливали

И вдруг с ужасом вспоминаю, что в моем вещмешке находится целая пачка патронов — 70 штук Неприкосновенный запас или НЗ, как говорили в то время. Они же меня изрешетят! — подумалось мне. Сбрасываю вещмешок. Он дымится. Надо достать котелок и ложку — без них пропадешь. Но куда там! Патроны могут начать рваться в любой момент и тогда мне конец! Эти мысли с быстротой молнии пронеслись в моей голове.

Бросил вещмешок, сделал еще несколько шагов и понял, что силы окончательно оставили меня. Больше не смогу сделать ни одного шага. Смерть в огне пришла ко мне, как к Джордано Бруно, который сгорел на костре инквизиции Разница в том, что он сгорел за свои идеи, ну, а мне предстоит сгореть от пшеницы. Книгу о Бруно прочитал, перед призывом в армию Чтение всегда было моим любимым занятием.

Мне стало ясно, что ничего не поделаешь! От смерти не уйдешь! Вот мама будет плакать, узнав о моей гибели. И тогда собираю остатки сил. Неимоверным усилием воли поднимаю дымящуюся ногу. Делаю шаг, последний шаг в своей жизни, так представлялось мне. В этом сомнений быть не могло. И тут осознаю, что падаю, Как мало мне удалось прожить! Ведь мне нет еще и 18 лет! Но, при падении, голубое небо мелькнуло перед глазами. До этого все было черным. Упал на землю, где пшеница уже выгорела.

Пришел в себя и вижу, что полы шинели дымятся. Кое-где на шинели танцуют крохотные язычки пламени. Катаюсь по земле, сбивая пламя. И тут замечаю, что вокруг меня очень близко ложатся пули, поднимая фонтанчики земли. Немец, высунувшись по пояс из траншеи, стреляет в меня. Ведь немецкая траншея

рядом! Попасть ему не удастся, из-за того, что катаюсь по земле. Это был первый случай, когда меня расстреливали немцы, к сожалению не последний! Прошу читателя обратить внимание на слова: — «расстреливали немцы» потому что потом меня будут расстреливать и свои!

Впереди вижу воронку от снаряда, если заползти туда, то буду недосыгаем для огня фрица. Но ползти с поднятой головой — значит получить пулю в лоб. Вжать лицо в землю — невозможно. Пшеница сгорела, но кругом маленькие огарки стеблей, которые еще дымились. Прижался к ним лицом и, взвыл от боли Жуткая боль! Ситуация! Как говорят в народе — хрен редьки не слаще! Выбрал второй вариант. Он, как ни как, давал крохотный шанс выжить. Уткнув лицо в землю, пополз, взывая от боли. От ожогов на лице появились волдыри.

Дымящиеся огарки пшеницы, не только рвали, но и прожигали кожу лица, которое и без того, болело от ожогов. К этому еще надо добавить нестерпимо болевшие волдыри. Они появились ранее, когда находился в горящей пшенице. Возникла даже крамольная мысль: — уж лучше смерть, чем такие муки! Все же в укрытие заполз. Пытаюсь придти в себя от всего пережитого.

Откуда-то справа, по немецким позициям, открыл огонь наш пулемет. Этот огонь был очень эффективным. Огонь со стороны противника ослаб.

У нас пулеметы были системы «Максим». Те же самые, что в первой мировой и на гражданской войне. Скорострельность пулемета — 400 выстрелов в минуту. Если озвучить стрельбу пулемета, то это получится так: — та, та, та, ...Скорострельность ПППШ (Пистолет — пулемет Шпагина) 1000 выстрелов в минуту. Озвучивается так: — rrrrrrrr

Пулеметы на войне имели очень большое значение. О них даже пели в песнях. Вот пример (все, что удалось вспомнить)

Я пулеметчиком родился.
Я пулеметчиком возрос.
Огнем картечи окрестился
Когда патроны в бой я нес

Припев:

Кожух, короб, рама, шатун с мотылем,
Возвратная пружина, приемник с ползуном..
А ну — ка! Раз, два, три! Максим на катки.
Подносчик дай патроны, наводчик наводи.
Не по — гражданскому на бричке,

Не первый раз нам в бой идти.
Мы в бой поедem на тачанке
И пулемет с собой возьмем.
В последнем куплете точно соврал!

В припеве к этой песне перечислена вся материальная часть пулемета. Для тех, кто в армии не служил, поясню: катками у пулемета называются колеса.

«Максим» надежный пулемет, весит 64 кг. Переносится тремя бойцами: наводчик несет тело пулемета (22 кг), помощник наводчика — станок (34 кг), подносчик патронов стальной щит весом 8 кг. Еще три бойца несут коробки с пулеметными лентами.

Ствол пулемета находится в кожухе, заполненном водой. При длительной стрельбе вода в кожухе кипит поэтому в приведенной выше песне есть такие слова: — «Клокочет в кожухе вода». Температура ствола равна температуре кипения воды.

В пулеметах других систем, с воздушным охлаждением ствола, например, Горюнова, после 250 выстрелов надо сменить ствол. Смененный ствол можно будет использовать после его остывания.

Автор этих воспоминаний, в Житомирском военно — пехотном училище, сокращенно ЖВПУ, был помощником наводчика и носил на спине станок, который своей осью давит на позвоночник в районе поясницы, что вызывает жгучую боль. Она сказывается до сих пор. Дуги станка давят на ключицы, что вызывает также сильную боль. В том возрасте, в котором мы находились, все тело парней состояло из костей и кожи. Этим и объясняется жгучая боль.

Училище называлось «Житомирским», но находилось в Казани. Во время войны очень многие училища были эвакуированы и носили старые довоенные названия.

Как бы тяжело не было, как бы не болела поясница и ключицы, никогда не подавал виду, что устал или мне больно. Мне еще отец говорил, что мужчина не должен хныкать!

Помню, чтобы уменьшить боль при переносе станка, мною, из какого — то тряпья, были сшиты мягкие валики, которые подкладывались под ось и дуги станка. Однако, они совсем не помогали, так как были слишком мягкие. Однажды, незнакомые мне офицеры, увидев эти валики, очень удивились и громко воскликнули: — «Вьюки! Вьюки!» Все это было уже в тылу после моего излечения от раны в госпитале.

Однако, вернемся к описанию боя.

Командир роты снова подал команду «Вперед!» Поднялись во

весь рост, черные от сажи бойцы нашей роты и, броском оказались перед немецкой траншеей. Она была пустой!. Немцы не выдержали нашей атаки и, по ходам сообщений, перебежали во вторую траншею. Не прыгаю на дно траншеи, а падаю в нее. Рядом со мной оказался боец Зайцев

Первым делом, мы осмотрелись вокруг и, увидели, что немецкая траншея шире нашей, но менее глубокая. Кто — то из бойцов сказал ворчливо, что фрицы и траншею толком не могут отрыть, а пришли нас завоевывать. Все с удивлением смотрели друг на друга. Была причина удивляться. Мы были черными!. На абсолютно черных лицах только белки глаз были белыми.

Ротный гаркнул: — «Все ко мне!» и мы столпились вокруг ротного. Он пересчитал нас и мрачно сказал: «Всего двенадцать осталось! Ты — обратился он ко мне — и Зайцев бегом по траншее влево! Петров и Пигольдин! Проверить траншею справа! Каждый поворот простреливать. Надо убедиться, что траншея действительно пуста!»

— Мой командный пункт будет здесь. Старшина роты будет со мной! Колюшенко! Тебе поручаю правый фланг и связь с пулеметом.. Остальным занять позиции справа и слева от КП с интервалом 10 метров. Исполняйте!

Бегу по траншее впереди Зайцева. Прежде, чем завернуть за следующий поворот траншеи, даю короткую очередь из автомата. Один поворот пробежали, второй, третий, сколько еще и не помню. Все идет отлично! Траншея действительно пуста!

Вдруг позади нас автоматная стрельба. Замираем на месте. В школе, в младших классах, была такая игра. Один ученик кричит: другому — «Замри!» По условиям игры тот должен замереть в той позе, в которой его застала команда. Потом следовала команда: — «Отомри!» — и можно было делать то, что ученик делал до первой команды.

Вот точно также мы с Зайцевым замерли на месте. В том положении, в котором нас застала стрельба. Было от чего замереть! Что нам делать дальше? Обоим стало ясно, что положение наше — хуже не придумаешь! Бежать вперед, даже, если там нет фрицев, оторваться от роты, а это гибель. Ведь это передовая! Бежать назад, но там идет бой и можно сразу угодить под пули. А, если наверх? Сразу же срежет пуля. Ведь немцы вели интенсивный огонь.

На лице Зайцева испуг и растерянность. Он спрашивает: — Что будем делать?

Сразу понял, что совсем растерялся. Лихорадочно соображаю — что делать?

Выхода из положения не было!

ГЛАВА ПЯТАЯ. КОНТРАТАКА

Я клянусь — не ворвется
Враг в траншею мою!
А погибнуть придется. —
Так погибну в бою.

«Клятва». поэт Владимир Лившиц.

Растерялись мы с Зайцевым или не растерялись, но действовать надо!

Автоматная очередь, которая заставила нас с Зайцевым замереть на месте, смолкла и мы побежали по траншее, останавливаясь перед каждым ее поворотом.

Бегу впереди. Автомат наизготовку. Палец готов нажать на спусковой крючок, но стрелять нельзя. Ведь впереди может оказаться кто либо из наших бойцов. И снова повороты траншеи. Вдруг передо мной возник Молчанов, сидящий на дне траншеи лицом в сторону противника. Чуть не спотыкнулся об него, а он сидит неподвижно, уставившись взором в одну точку. Первая мысль, что он убит, но нет глаза живые.

— Молчанов, ты чего?

Никакой реакции, никаких звуков или движений. Присел перед ним на корточки, дернул за обгоревшую шинель.

— Ты чего? Ранен?

И тут он глазами указал на противоположную стенку траншеи и немного влево. Перевожу взгляд в том направлении и вижу на стене траншеи дверь, сбитую из не ошкуренных жердей. Ее цвет сливался с цветом земли. Так вот почему мы с Зайцевым промчались мимо и не заметили ее! Кроме того, у нас все внимание было сосредоточено на следующем повороте траншеи, а зачем смотреть на стенки траншеи?

Подхожу, открываю дверь и, застываю от ужаса. В тесном блиндаже лежат друг на друге несколько окровавленных фрицев. Кровь немцев, лежащих наверху этой кучи, стекает на нижележащих.. Все это представляет собой сплошную кровавую массу.. Они еще шевелятся и слышны тихие стоны. Отвратительный запах крови заставил меня отпрянуть от блиндажа..

Прибежал командир роты.

— Твоя работа? — обратился он ко мне.

— Нет, Молчанова!

— Молчанов говори, как все было?

После короткой паузы Молчанов заговорил тихим голосом. Он рассказал, что, когда мы с Зайцевым проверили этот участок, он решил, что здесь фрицев нет. Увидел дверь, распахнул ее, а в блиндаже несколько фрицев. Его охватил панический страх. Все поплыло перед глазами. Ему сразу стало ясно, что они его сейчас убьют. Фрицы что-то кричали. Что они кричали, он не понял. Твердо, поверив в то, что они его сейчас убьют, нажал на спусковой крючок и, держал его нажатым до тех пор, пока не кончились патроны

— Что с ними делать? Ведь они еще живые! — спросил Молчанов.

— Бросить гранату в блиндаж, а самим убежать подальше! — предложил автор этих строк.

— Ты, что тут болтаешь? Гаагская конвенция запрещает убивать пленных! Это преступление!..

— Пока мы обсуждаем, они уже сами перемерли! — вставил слово Молчанов

Действительно, стоны прекратились и, фрицы перестали шевелиться..

— Значит и, проблемы нет! Все по местам! Изготовится для отражения контратаки противника. Не смирятся фрицы с потерей траншеи и перейдут в контратаку. Дозарядить оружие!

— Было бы, чем дозаряжать! — вставляю реплику..

— Ты опять болтаешь! Марш на свое место! Ох, уж мне эти грамматики!

Все заняли позиции с интервалом 10 метров, как приказал ротный. Ждем, что будет дальше. Невероятно, как хотелось спать и есть! Какой — то внутренний голос говорил мне: — «Не дай Бог уснешь! Ведь мы во вражеской траншее, Немцы обязательно попытаются вернуть ее».

Оглядываюсь по сторонам. На земле обрывок газеты. Подбираю его и, рассматриваю. Подбегает Зайцев: — "Это что, ихняя газета?

— Ясное дело, немецкая! Не может же быть в их траншее «Правды» или «Известия».

В те годы это были практически единственные в стране газеты — источник информации.

— А ты, что, умеешь читать по ихнему?

— Ну, это слишком смело сказано! В школе мы учили немецкий язык. Да еще к нам с сестрой на дом ходил преподаватель немецкого языка. Что — то удалось запомнить из всей этой учебы. Сейчас попробую прочесть

На странице в два ряда были фотографии немецких

офицеров. Такие симпатичные улыбающиеся физиономии в форменных фуражках и галстуках. Под каждой фотографией надпись гласила, что обер — лейтенант такой — то сбил такое — то количество русских самолетов

Ко мне подошел Коломицын с вопросом.

— По этой проклятой пшенице я бежал сзади тебя. Скажи, чего ты подбросил, что вдруг началась стрельба? Я перепугался до смерти! Ну, думаю, конец мне пришел!

— Коломицын! Да ничего страшного не произошло. Загорелся вещмешок, а в нем пачка патронов. Как только вспомнил об этих патронах, сразу же и сбросил этот вещмешок. Одно плохо — там остался котелок и ложка. Без них пропаду.

— Не пропадешь! Я тебя буду выручать. Как только съем еду, так сразу тебе передам их.

Наш разговор прервал Зайцев..

— Ты посмотри, что делается! — закричал Зайцев.

По полю, прямо на нас, шла густая цепь фрицев. Прижав автоматы к животам, они стреляли на ходу. В цепи солдат было значительно больше, чем нас. Лица розовые. В отличие от них мы были черными, в обгорелых шинелях с волдырями на лицах и руках..

. Вражеская цепь все ближе и ближе.

— Сынок! Не отбить нам ихнюю контратаку! Ведь в огне все повыбрасывали патроны. Боялись, что начнут рваться!

Лихорадочно соображаю, что делать? Первая мысль — бежать. С тоской оглянулся на выжженное, еще дымящиеся, поле и понял. — нельзя! Свои пристрелят!

Трясущимися руками снимаю магазин и пересчитываю патроны. 22! Скорострельность ППШ 1000 выстрелов в минуту. Даже, если стрелять короткими очередями, все равно не на долго хватит патронов. Значит это конец! Неумолимо и быстро приближается моя смерть! Вот так, уже надо прощаться с жизнью!

Теперь меня занимал только один вопрос. Как они будут убивать? Сразу одним выстрелом или будут долго пытаться и мучить. Страстно захотелось, чтобы сразу. Ничего так не хотелось в эти минуты, как мгновенной смерти!

А может быть их спровоцировать так, чтобы они мгновенно убили меня? Как? Да очень просто! Прикинутся мертвым, а как они только будут рядом вскочить и пристрелить одного из них. Фрицы мгновенно среагируют и пристрелят меня. Нет! Это палка о двух концах. Могут мгновенно пристрелить, а могут обезоружить и потом долго издеваться перед тем, как пристрелить. Это не выход!

По траншее бежит старшина, с перекошенным от страха

лицом, кричит во весь голос: — "Стрелять только по команде ротного!"

Нервы натянуты, как струны. Дрожь в руках не унимается, а только усиливается. Голову сверлит мысль — не отобьемся!

И тут по цепи немцев ударили наши минометы. Били они отлично. Одна мина рванула в немецкой цепи, вторая, третья. Разрыв каждой мины оставлял в цепи фрицев брешь. Это вдохновляло, вселяло надежду на спасение. Но они идут! Только ускорили шаг! Поредевшая немецкая цепь уже совсем близко от нас. Все равно их много! Все равно они нас сомнут!

Откуда — то справа и немного сзади траншеи, по вражеской цепи ударил наш пулемет Фланговый огонь — смерть для наступающих..

— Огонь! Огонь! — вопит ротный. Вся наша рота открыла огонь. Фрицы залегли. Сразу наступило чувство облегчения: — контратака захлебнулась! Еще поживем! Еще повоюем! Не так легко нас смять, стереть в порошок, уничтожить! А вот уже немцы побежали!.

— Зайцев! — ору не своим голосом — они бегут!

— Без тебя вижу! Нечего орать! Выходит, мы отбились. Красота, да и только!

Те бойцы, у которых еще были патроны, еще яростнее ведут огонь. У моего автомата замок замер в крайнем переднем положении. Кончились патроны. Теперь это уже не страшно

— Зайцев, а ведь мы молодцы! Крепко всыпали фрицам!

— Кто всыпал, а кто на дне траншеи отсиживался.

— Да что ты говоришь? Неужели, не все вели огонь?

Тут Зайцев подходит ко мне совсем вплотную и шепчет.

— Пигольдин ни одного выстрела не сделал. На дне траншеи отсиживался! Опасно было вести огонь! Ведь фрицевские пули в момент могли убить!

— Ты говоришь, что —то не то! У меня это не укладывается в сознании!.

— Укладывается, не укладывается, но это так!

— Зайцев, а ведь нам два раза помог пулемет, который вел огонь по фашистам с правого фланга..Кто этот пулеметчик?

— А я знаю этого пулеметчика! Ефрейтер Сатимов — узбек.

— Откуда ты это узнал? — в недоумении спрашиваю Зайцева.

— После того, как командир полка зачитал приказ, комбат подошел к нашему ротному и сказал, что на нашем правом фланге будет действовать станковый пулемет ефрейтера Сатимова.

Постепенно все успокоилось. Сердце пришло в нормальный ритм. Сразу же во всем теле наступила слабость. Сказалось

огромное психическое напряжение. Как бы отключаясь на некоторое время. Такое состояние бывает у молодых мам. За день набегаются такая мама и засыпает крепким сном. Но, как бы крепко она не спала, при малейшем звуке из детской кроватки, вскакивает и подбегает к ребенку. Какой — то центр в голове сохраняет активность и поднимает ее при необходимости. Вот также и у бойцов в бою появляется такой же центр, который заставляет их вскакивать при малейшем изменении ситуации, при малейшей угрозе.

Лежу на дне траншеи, на спине. Вдруг мне показалось, что какая — то тень, что — то темное, перелетело над траншей с немецкой стороны на нашу. С быстротой молнии в голове пронеслась мысль, что немцы опять перешли в контратаку, наши бежали и я уже в тылу у фрицев..Мгновенно вскакиваю и опять ору.

— Зайцев! Зайцев! Что произошло?

— Ничего не произошло — невозмутимо ответил он.

— А что — то черное промелькнуло с немецкой стороны на нашу. Что это?

— Ничего не мелькало! Приснилось это тебе!

— Я не спал! Просто, отключился на одну минуту.

— Ну, а вот я не отключался и, кое — что, видел.

— А, что же ты мог увидеть?

— Пигольдин все время крутится у блиндажа, где лежат убитые немцы, чего — то. выискивает.

— Да хватит, Зайцев, рассказывать мне страсти — мордасти! Ты все что — нибудь подозреваешь! Пигольдин хоть иногда ведет себя странновато, но все — таки он наш человек! Наш в доску! Все будет нормально!

— Эх, молодежь, молодежь, ничего — то вы не видите!

Мы с Зайцевым были на самом левом фланге и, это обстоятельство имело роковое значение для нас.

Опять на отключке и, прихожу в себя, когда только стемнело.

— Зайцев! Почему нет команд?

— А я почему знаю!

— Ну, так сходи, посмотри! Тебе же ближе, чем мне!

Зайцев ушел, а через минуту вернулся и сообщил, что в траншее никого, кроме нас, нет.

Обстановка стала угрожающей. Если фрицы вернуться в свою траншею, то нам конец. Было неясно, что делать? Вдруг меня осенило.

— Зайцев! Ты сиди здесь, а я сползаю, посмотрю, где наши. Жди меня! Понял?

— Как не понять!

Идти в рост было нельзя, так как противник вел интенсивный огонь. Многочисленные огненные трассы прочерчивали черноту ночи на уровне пояса или груди. Выползаю из траншеи и ползу в тыл. Прополз совсем немного, услышал русскую речь. Обрадовался! Теперь стало ясно, что мы с Зайцевым не пропадем.

Сориентировался по местности и Луне, определил направление, по которому будет ползти Зайцев. Возвращаюсь в немецкую траншею и рассказываю Зайцеву о результатах своей разведки. Даю ему точные координаты и направление движения. Ползти вместе он отказался, заявив, что подождет результатов моих действий.

Пополз обратно в том направлении, откуда слышалась русская речь. Через некоторое время слышу грозный окрик: — «Стой, кто ползет?».

— Свои, свои — отвечаю, продолжая движение. Но невидимый владелец грозного окрика был неумолим.

— Стой! Стрелять буду!

— Да, свои же! Непонятливость владельца голоса начала меня бесить. Слышу, как защелкали затворы винтовок, загоняя патроны в патронники своего оружия. Ведь пристрелят, как пить дать, пристрелят — думаю и замираю в ожидании развязки.

— Почему ползешь с немецкой стороны?

— Наша рота вела наступательный бой. Мы заняли первую траншею немцев. Теперь в той траншее нет никого.

— Врешь, та рота сгорела на пшеничном поле! Это всем известно. Чуешь запах горелого мяса?

Втягиваю воздух носом и явственно ощущаю этот запах.

— Сгорели, да не все!

— Сколько вас?

— Я один.

— Ну, тогда ползи, да без фокусов и резких движений, а то в момент пристрелим!

Прополз несколько метров. В темноте сверкнули несколько винтовочных стволов, направленных на меня.

— Спускайся в траншею!

Медленно, медленно спускаюсь в траншею.

— Ты чего двигаешься, как варенный? — ворчливо пробасил мне тот же голос, который грозил мне расправой.

— Так ведь сами сказали без резких движений!

— Номер полка?

— 740ой.

— Кажись верно! — сказал кто — то из бойцов. Эти, сгоревшие были из того полка. Да и обгорелый он, черный, как черт.

Вздыхая с облегчением, авось не пристрелят! Допрос продолжался.

— Голодный?

— Еще как!

— Вроде еще осталась каша. Схожу, узнаю.

— Вот бы хорошо! Ведь мы не ели уже полторы суток!

Закрываю глаза и, перед моим мысленным взором, появляется котелок с кашей. Через минуту боец возвращается с печальной для меня вестью — нет каши — вся кончилась! Глотаю голодную слюну, жду, что будет дальше.

— Мы 46 гвардейский полк — похвастался боец, ходивший за кашей. Всем известно, что гвардейцы имеют право носить усы. Понял? В знак согласия киваю головой.

Гвардейцам очень хотелось похвастаться усами, но было очень темно. Они поочередно приближали свои лица к моим глазам, при этом лихо закручивали усы.

— Видал — в голосе, слышалась гордость.

— Вижу! — говорю, стараясь придать голосу максимально наигранное восхищение.

— Так вот, записывайся в наш полк. Станешь настоящим гвардейцем! Усатым, как мы.

— У меня усы не растут!

— Почему, почему? — загалдели гвардейцы со всех сторон. Видимо они не ожидали такого поворота. разговора..

— Очень молодой я. Мне нет еще и 18 лет!

— Малолеток, берем в свой полк? — обратился к гвардейцам один из усачей.

— А почему бы и не взять. Возьмем его! — слышалось со всех сторон.

— Это невозможно! Среди убитых меня не найдут, среди раненных тоже — решат, что дезертир.

Надо сказать, что по прибытию на фронт, нам популярно разъяснили, что отсутствие военнослужащего в части более 24 часов является дезертирством. Родственники дезертира ссылаются в Сибирь, а самого дезертира расстреливают. Значит, мои сестры и мама будут отправлены, как говорится в «места не столь отдаленные», а я на тот свет. Такая перспектива меня не устраивала, о чем заявляю гвардейцам.

Один из них сказал, указывая в тыл и немного в сторону: — «Там лежат бойцы из полка с похожим номером! Это я точно знаю. Иди, коль, надо!»

Огонь противника ослабел. Это позволило мне идти по указанному направлению в полный рост. Через некоторое время увидел на земле, лежащих бойцов, расположенных в боевом

порядке, то есть в цепи. Спрашиваю, какой это полк? В ответ мне задают вопрос, а какой полк мне нужен. Бойцы лежавшие на земле проявляли высокую бдительность. Мне всегда это было непонятно. Если вопрос задан на чистом русском языке, так, что тут хитрить? Называю номер полка.. Слышу в ответ, что он и есть Сразу же на душе стало легче — теперь расстрел мне не грозил...

На мой вопрос, какая это рота? Опять высокая бдительность — какая тебе нужна?. Говорю, что мне нужна 9 рота. В ответ — здесь четвертая. Иду вдоль цепи, непрерывно спрашивая номер роты. Прошел всю цепь, но моей роты нет и нет. Куда она могла деться? Временами мне говорили, что эта рота сгорела на пшеничном поле. Искать ее нет смысла.

Пишу «пошел» «прошел». Да ведь не шел, а едва плелся. В то время думал, что это бессилие от голода и недосыпания, а позже понял — это от обезвоживания организма..

Что делать? А вот пустой окопчик, в котором мне стало уютно и тепло от одной мысли, что можно поспать. Но не тут — то было! Из темноты раздается стон и просьба, что бы кто —нибудь подошел, помог раненному бойцу.

— Подойдите! Помогите! Здесь боец раненый лежит!

Надо встать, пойти помочь, а сил нет. Вдруг слышу слева по направлению ко мне, кто-то приближается. Слышны шаги. Усталая шаркающая походка. Появилась надежда. Он и поможет стонущему, а мне удастся поспать. Шаги все ближе и ближе. Вот он поравнялся с моим окопчиком. Сейчас он поможет раненному бойцу. Ведь тот, все стонет и стонет. Но нет! Проходит мимо и, слышу как его шаги удаляются вправо.

И снова стон:

— Подойдите, помогите! Что же вы люди или звери?

Этого обвинения вынести было невозможно! Быть зверем мне не хотелось. Встаю и иду на голос. Совсем немного прошел. На земле лежит боец. Наклонится над ним, не было силы. Падаю на колени:

— Ты чего шумишь? Что с тобой?

— Там — он указывает в сторону противника — лежит мой приятель. Спит! Пойди, разбуди его, скажи, что я раненый лежу.

В настоящее время мне понятен риск, который меня ожидал. Ведь все это мог подстроить противник и, тогда у них был бы «язык» В то время о такой опасности даже не думал.

Пошел по указанному направлению. Вдруг автоматная очередь: rrrr. Залег, автомат наизготовку. Вспомнил патронов — то нет! Снова rrrr, rrrr! Эти рычания происходят с равными промежутками времени. Да и немного тише автоматной стрельбы. Ясно — это кто-то храпит. Подхожу, на земле лежит огромного

роста боец и крепко спит. Разбудил его с трудом.

— Где, где? — заорал он.

— Иди за мной!

Пришедший и впрямь оказался приятелем раненного бойца.

— Что с тобой? Что с тобой? Ранен? На выпей!

Он отстегивает от ремня фляжку, сует горлышко раненному в рот. Слышу:: буль, буль, буль!

Ну, слава Богу! Можно теперь и поспать! Снова забираюсь в свой окопчик. Уж теперь — то посплю! В предвкушении сна у меня на душе стало так хорошо. Но нет! Только закрываю глаза — слышу: «Девятая рота! Девятая рота!» Вскрикиваю, как ужаленный

— Девятая рота! — ору не своим голосом.

— Здесь, здесь девятая рота! Иди сюда!

Подхожу. Старшина роты сидит в окопчике. Увидел меня, обрадовался: Из кармана шинели достал бумажку и записал мою фамилию.

— Двенадцатым будешь!

Не разделяю его радость.

— Что же ты, старшина, оставил нас без еды и воды?

По существовавшим в то время порядкам, старшина роты и писарь были обязаны доставлять пищу на передовую даже во время боя. В бою так страшно — могут убить. Вот по этой причине мы остались без еды и воды..

Услышав этот вопрос, он засуетился. Почему? Никак не могу понять. Но тут вижу, что мой автомат направлен ему прямо в грудь, а палец на спусковом крючке. А ночь — то темная, хоть глаз выколи. В такой темноте всякое возможно. Тем более после боя, когда выжившим все безразлично. Дрожащими руками, время от времени оглядываясь на меня, он суетливо развязывает мешок один, потом другой.

— Вот хлеб белый, черный. Бери! Бери!

Вид хлеба смягчил мой гнев. Беру по краюхе того и другого. Засовываю их в карманы шинели.

— Иди! Иди! Отдохни! Когда надо будет, я тебя позову.

Оказавшись в своем окопчике, пытаюсь есть хлеб. Ничего не получается. Полость рта сухая от обезвоживания. Всякое прикосновение вызывает боль. Есть хочется, а откусить не могу.

Опять голос старшины:

— Девятая рота все ко мне!

Около старшины груда винтовок и несколько раненных.

— Каждый берет, на выбор, или 15 винтовок, или одного раненного.

Винтовка весит 4, 5 килограмма. Мысленно умножаю на 15. Получается 67, 5кг. Как много! Да еще россыпью. Если бы они

были связаны в охапку, другое дело. Дотащил бы!. Раненный лучше — решаю про себя

Ох, и неправильным было это решение! Мне достался боец, у которого были перебиты обе ноги. Не то, чтобы идти, он даже стоять не мог. А парень высокий, выше меня на пол головы. Помучился же с ним. Взвалил на спину, чтобы он не свалился, пришлось согнуться в три погибели. Руками касаюсь земли. Жутко заболела поясница, травмированная осью станка пулемета. Так долго не пройти! Говорю ему, чтобы он обхватил мою шею руками, а сам буду поддерживать его за ноги. Ничего не получается! Стонет, да и только. Что делать? Ума не приложу! Кое — как, добрались до леса, а там всех раненных клали на кучу хвороста. Своего положил там же.

Вокруг кремешная тьма. Вдруг, где — то за деревьями, послышалось слово «Вода». Какая — то сила подбросила меня. Бегу на этот звук. Вижу, стоит длинная очередь к колодцу. У самого колодца боец привязывает к жерди свой котелок и, опускает его в колодец, чтобы зачерпнуть воду. Не знаю, что со мной случилось, но выхватываю у бойца из рук жердь с привязанным котелком.. Такое хамство мне никогда не было свойственно, а тут, что со мной сделалось? Очередь зароптала. Раздались недовольные голоса:

— Ты, что с ума сошел?

— Видите он обгорелый. После боя он. Чокнутый! — раздался голос из очереди.

Эти слова глубоко возмутили меня. Поворачиваюсь к очереди и, вскинув автомат. ору не своим голосом:

— Кто сказал, чокнутый?

Очередь замерла. Автомат ставлю на боевой взвод, хотя знаю, что в магазине патронов нет. Палец на спусковом крючке.

— Всех уложу! Кто сказал, чокнутый?

Немая тишина! И вдруг, один пожилой боец сказал как-то мягко и примирительно::

— Ну что ты нервничаешь? Хочется напиться? Бери воду! Ты же хороший парень!

И тотчас хор голосов начал наперебой хвалить меня. То, что перед ними хороший парень заявляли все стоящие в очереди. Никогда, ни до этого случая, ни после него, мне не доводилось слышать столько похвал в свой адрес. Мне это так понравилось, что ставлю автомат на предохранитель, закидываю его за спину и, начинаю черпать воду. В котелке, который появился из колодца, была какая — то жижа, а не вода, отжав ее языком, проглотил немного воды. Остальное выплюнул. Сразу стало легче.

Приехала кухня. Все выстроились к ней в очередь. У меня

котелка не было. Коломицын закончил еду и дал мне котелок и ложку. Но поесть толком не успел. Прозвучала команда.

— Строиться!. В колону по три становись!

Торопливо выплескиваю недоеденный суп и отдаю котелок и ложку Коломицыну..

— Шагом марш!

Строй скрылся в темноте.

Иду следом, но никого нет. Куда они пошли? Темень непроглядная Страх обуял меня! Куда идти? Прямо, направо, налево? Зашагал наобум в темноту ночи. Вдруг, рядом со мной оказался офицер. Обращаюсь к нему с вопросом. Он жестом указал, чтобы шел за ним

Шли мы долго. Ни одного слова. Начинаю паниковать — ни немец ли это? Почему молчит? Может быть, не знает русский язык — вот и молчит! Очень страшно мне стало. Не заметно отстаю от него и оказываюсь в поле. Хлеб скошен. Натыкаюсь в темноте на скирду. Будь, что будет! Залезаю в скирду и, крепко засыпаю

Проснулся, вылез из скирды. Ярко светит солнце. Смотрю на поле и с удивлением вижу нашу роту.

Первым делом отыскал Зайцева. Нашей обоюдной радости не было предела.

— Зайцев! Расскажи мне толком, что ты делал, когда меня допрашивали гвардейцы?

— Что, что! Пополз следом, вот что! А как услышал, что тебя хотят пристрелить эти из 46го, ну думаю, к ним не поползу. Напрямик в расположение 740го. А потом старшина нагрузил меня винтовками, еле их приволок в тот лесочек, где кухня нас кормила. А как поели в колонну по три и сюда. Морды у всех — хуже некуда. Негры да и только!

Приехала кухня. За отсутствием котелка еду мне дали в каску. Поели. Надо умыться. Пошел к ручейку, который протекал не далеко. Думаю — сейчас умоюсь. Наклонился над ручьем и в ужасе отпрыгнул от него. Из воды на меня смотрело какое-то безобразное чудовище. Панический страх овладел мною. Но вдруг меня осенило — да это же моя физиономия! Опять подошел к воде и, преодолевая отвращение, осматриваю себя в зеркале воды. Лицо черное и на нем вертикальные кровавые полосы. Это следы недогоревших стеблей пшеницы. Ведь мне пришлось ползти, уткнув лицо в землю. Волдыри, которые были на лице, раздавлены и, вытекающая из них жидкость, оставила грязные следы. Умываться было очень болезненно. Всякое прикосновение к лицу вызывало страшную боль. Все — таки умылся и пошел к роте. Снова команда: — Рота, в колонну по три становись! И

снова поход. И снова вперед.

Меня очень интересовало, как будет освещен этот бой в сводках Советского информбюро. Мне было совершенно ясно, что такой тяжелый бой, который вела наша рота, обязательно будет достойно освещен в печати. Закрывал глаза и видел, как в газете пишут. 9 рота, преодолев поле с пылающей пшеницей, атаковала противника и захватила его первую траншею. Противник не смирился с потерей своих позиций и, контратаковал 9 роту. Эта контратака фрицев была отбита.

Когда появилась свежая газета, дрожащими руками развертываю ее и, впиваюсь в информационную сводку. Однако, ничего об этом бое сказано не было. В газете говорилось, что на остальных участках Брянского фронта шли бои местного значения. Этот термин «бои местного значения» означает, что ни одна из сторон не имеет значительных успехов и позиции переходят от одной стороны к другой. Это самые тяжелые и кровопролитные бои.

Почему упоминается Брянский фронт? В этот период наша дивизия действовала в составе этого фронта.

Одни бойцы возмущались тем, что этот бой не нашел отражения в печати, а другие не обратили никакого внимания на эту вопиющую несправедливость.

Так закончилась эта эпопея. Рота пошла вперед к новым боям, Но об этом расскажу в других главах своего повествования!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕУДАЧНАЯ РАЗВЕДКА

Ему приказ дает ревком
К походу путь намечен
Речным высоким камышом
Прополз Чирков разведчик!

(Слова из довоенной песни.)

Не раз утопал я в болоте,
Не раз замерзал я на льду,
Но, если ты скажешь мне слово
Я снова все это пройду.

(Слова из песни.)

Начну эту главу с приятного события — нам выдали новые шинели. Это были не шинели, а просто роскошь, как казалось нам.

Солдатская шинель самая волосатая. Завитки волос покрывают ее всю сверху донизу. У младших офицеров шинели были из сукна «КМ» менее ворсистые, у старших офицеров шинели из сукна «ВК» почти не ворсистые, а у генералов из драпа, на котором совсем не было ворса.

Шинель имела очень большое значение во фронтовой жизни. Она служила и постелью, и одеялом, и подушкой.

В мальчишеские годы, кто — то из взрослых, задал мне такую загадку: Солдат стелет шинель, кладет шинель под голову и укрывается шинелью. Сколько у него шинелей? Будучимышленным мальчиком мгновенно сообразил и выпалил Три! Взрослые, присутствующие при этом разговоре, рассмеялись и нравоучительным тоном сказали: — Одна! Этот эпизод всплыл в моей памяти на фронте.

.Когда ночи были холодными, и, шинели примерзали к земле, мне в голову пришла мысль, готовясь ко сну, действовать следующим образом: шинель снимается, расстегивается хлястик, одна половина шинели (правая) стелилась на землю, рукав свертывался втрое и служил подушкой, а левая сторона шинели — одеялом.

В холодное время ложишься на шинель, ноги подтягиваешь к

подбородку, а левой половиной накрываешься и подтыкаешь ее со всех сторон. Сначала холодно — лежишь и дрожишь, а потом от дыхания становится тепло. Или почти тепло.

Встаешь после сна — шинель примерзла к земле. Лопатой подрубаешь слой земли и поднимаешь целехонькую шинель вместе с землей. Потом земля сама отвалится. Целая шинель была моей гордостью. К тому же недырявая шинель лучше защищала от холода и дождя. А то, что она испачкана землей — не беда! Можно выбить ее о дерево и шинель опять, как новенькая.

Другие бойцы до этого, либо не додумались, либо проявляли дисциплинированность. Ведь на передовой запрещалось снимать шинель. Разрешалось только ослабить поясной ремень. Бойцы ложились на землю одетые. Шинель местами примерзала к земле. Когда они вставали, то оставляли часть шинели на промерзшей почве.

О шинели была сложена песня. Вот отдельные строки из нее. Это все, что удалось запомнить.

Шинель моя походная, она всегда со мной.
Она всегда, как новая, обрезаны края
Армейская суровая, родимая моя.
Дальше в песне имеется такая строка:
И в ней родного Сталина мы видели не раз.
Хорошая песня, вот только жаль, что забыл ее слова!

Потери, которые понесла рота в бою под деревней «Грибовы Дворы». командование стремилось возместить. В роте появилось пять новых бойцов. Это были молодые ребята, оставшиеся живыми после одного боя.

Чувствовалось, что это парни неплохие, однако, держались они особняком и, мне удалось сойтись поближе только с одним из них. Его фамилия была Балобанов. Он был ростом с меня, отличался немногословностью и доброжелательностью. На меня он произвел хорошее впечатление.

Расскажу еще об одном бойце, Пошивалове, судьба которого до прихода в нашу роту, сложилась очень тяжело.

Он вместе с другими бойцами попал в плен. Большую часть пленных, немцы отправили в тыл, а 5 бойцов, в числе которых был и Пошивалов, оставили на передовой капать для немцев траншею. Кормили очень плохо, можно сказать, совсем не кормили. С голодухи, он украл буханку хлеба. За это его очень жестоко избили.

Этих пленных под охраной двух фрицев ежедневно

приводили на передовую копать траншею. В воскресный день с ними пошел только один немец. Второй, по немецкой традиции, остался отдыхать.

Мысль о том, что сегодня воскресный день, заставила конвоира расслабиться. Он улегся на землю, положив свое оружие на землю рядом с собой. Этим и воспользовался Пошивалов. Капая траншею, он удалялся все далее и далее от фрица, а когда расстояние стало достаточным для побега, бросил лопату и побежал к нашей передовой. Немец открыл огонь, но он добежал до нашего переднего края целым и невредимым.

По существовавшим в то время порядкам, Пошивалова взяли под стражу. Позднее наши войска освободили деревню, в которой размещались немцы и наши пленные, в том числе и Пошивалов. Местные жители убедили наших контрразведчиков в том, что этот боец не сотрудничал с немцами. Рассказали также, что он был жестоко избит. Подозрения отпали и его передали в нашу роту..

Короче говоря, через несколько дней, в роте было уже 22 человека, что в то время считалось очень даже хорошей численностью. Это обстоятельство и послужило причиной, по которой в роту пришел командир батальона капитан Рудь и сообщил что нам предстоит: провести разведку боем.

Несколько слов о том, что такое разведка боем. Это наступательный бой, в задачу которого входит выявление огневых средств противника. Бой, как бой. Артподготовка, передвижение наступающих перебежками до рубежа атаки, на котором сосредотачиваются и залегают атакующие..

В это время артиллерийские орудия выкатываются на прямую наводку для подавления огневых точек противника. При прямой наводке орудия находятся в поле зрения противника и ведут настильный огонь, подавляя цели, которые видны наводчикам орудий. Это резко отличается от артиллерийского огня с закрытых позиций. В этом случае огонь корректируется наблюдателями, находящимися в цепи пехоты.

При стрельбе прямой наводкой, снаряды летят над землей на высоте, примерно метр, а то и меньше. Это определяется расстоянием от земли до ствола орудия, когда этот ствол находится в горизонтальном или почти в горизонтальном положении.. Снаряды летят так низко над землей, что воздушной волной срывает с пехотинцев каски, если они не пристегнуты под подбородком.

Конечная цель роты захватить языка, то есть пленного, от которого можно узнать необходимые сведения об обороне противника. Для этого были сформированы — группа захвата — 10 человек и две группы обеспечения, численностью 4 и 5

человек. Эти группы располагались по флангам. Они своим огнем должны прикрыть отход группы захвата с пленным.

Во время этого боя артиллерийские наблюдатели засекают огневые средства противника. Потом мощный удар по этим огневым точкам и переход в общее наступление наших войск.

Думаю, что читатель понял — рота, которой предстоит провести разведку боем, является жертвой, как в шахматной партии. Жертвуешь пешку — выигрываешь партию. Рота была обречена на уничтожение.. Обычно на разведку боем направляют штрафные роты. Наша рота не была штрафной, но задачу перед нами такую поставили.

Однако, дальнейшее развитие событий вынудило командование отказаться от разведки боем. Было принято решение, поручить нашей роте другим способом захватить «языка».

Далее будут изложены эпизоды, связанные с выполнением этой задачи. Сразу скажу, что после целого ряда неудач, задача была выполнена, а какой ценой читатель узнает позже..

Уже начало темнеть, когда ко мне прибежал старшина роты и сказал, чтобы немедленно шел к ротному.

— Одень каску, возьми оружие и гранаты! — сказал старшина.

Когда пришел к командиру роты, он сказал:

— Ты учился в геолого — разведочном техникуме? Значит в топографии силен!

— Не только разбираюсь, но и сам производил съемку местности с помощью геодезических приборов: теодолита, нивелира — похвастался я. Очень мне хотелось в глазах ротного выглядеть всезнайкой.

— Так вот, смотри на эту карту и запоминай местность. Тебе придется с группой захвата двигаться по этой местности глубокой ночью..

— Здесь наши позиции — ротный указал на нижнюю часть карты, а там — он указал на верхнюю часть карты — позиции противника..

Рассматриваю карту. Местность в сторону немцев понижалась. Об этом говорили горизонталы — черные линии, в разрывах которых указывалась высота над уровнем моря. В самом низу лощины была извилистая голубая линия — ручей. Стрелка показывала, что он течет справа налево и впадает в болото. Там, где впадал ручей, болото было проходимым. Об этом говорили пунктирные голубые линии, но левее эти голубые линии, были сплошными, что означало — болото становится непроходимым.

За ручьем местность снова поднималась к позициям немцев

и, этот подъем был круче нашего. Об этом можно было судить по тому, что расстояние между горизонталями было существенно меньше по сравнению с нашим склоном. У ручья была небольшая роща. Всего несколько деревьев. Соображаю, что эта роща будет ориентиром при возвращении с задания.

— Запомнил? — спросил ротный

— Так точно — отвечаю.

— С наступлением темноты отправляйтесь и без языка не возвращайтесь! Ты будешь командиром группы.

Вот это задание! Хуже не придумаешь!. С такой операции можно и не вернуться, На войне, а тем более на передовой, свои сомнения высказывать не полагается. Надо выполнять.

Стемнело и, группа захвата в составе 10 бойцов, двинулась по склону вниз по направлению к позициям немцев. Мое место во главе колонны. Ночь была очень темной.

Мы прошли не такое уж большое расстояние,. как почувствовали, что почва под ногами стала зыбкой.. Начинается болото. — стало ясно мне, но продолжаю идти. Под ногами появилась вода. Вот вода уже по щиколотку, по колена. Что делать? — лихорадочно работает мозг. А между тем вода была уже выше колен и, нужно было прилагать усилия, чтобы вытаскивать ноги из тины.

Полярная звезда должна быть впереди и справа. Но ее нет! Как назло, набежали тучи. Совершенно точно мы сбились с пути, потеряли ориентиры. Куда идти? Прямо? Правее? Левее? Ведь так можно всем погибнуть в этом проклятом болоте!

— Направляющий, стой! — раздались голоса сзади. В армии бойца или командира, идущего впереди колонны, называют направляющим. Останавливаемся. Ко мне стали подтягиваться бойцы, они окружили меня со всех сторон. В мою спину, в живот и бока уперлись стволы винтовок. Испугался, но виду не подал.

— В чем дело? — спрашиваю, стараясь не показывать свой страх и унять дрожь в коленях.

— Ты умышленно завел нас в болото, чтобы погубить!

— Хватит болтать! — закричал боец Хаджиханов — кончай его!

Несколько слов о Хаджиханове. Этот боец — уроженец одной среднеазиатской республики. В нашей роте он был рядовым. Это был мой антипод. Автор этих строк был высоким худощавым — он маленьким коренастым. В отличие от меня рыжего, он был черным, как вороново крыло. У меня кожа белая, у него коричневая. У меня ноги прямые, у него калачиком. Видимо эти отличия и определили его отрицательное отношение ко мне. Он меня недолюбливал, мое отношение к нему было нейтральным..

Но продолжим наше повествование.

Залезали затворы, загоняя патроны в патронники винтовок. У каждого палец на спусковом крючке Бойцы изготовились к стрельбе. Это конец! Что делать? Решение нашлось мгновенно.

— Вы не только не кончите меня, но в случае, если нас обнаружат немцы и, завяжется бой, будете прикрывать меня своими телами. Ни одна пуля не должна задеть меня. Ведь только я один видел карту и знаю местность. Без меня все погибните!

Стволы винтовок опустились.

— Оружие на предохранитель! За мной шагом марш!

Слышу характерный звук, это бойцы ставили на предохранитель свое оружие

Надо двигаться, а куда? Положение хуже не придумаешь!

С трудом сориентировался: Шагаю левее — глубже, правее — вроде бы лучше. Мои рассуждения были такими.

Мы идем по направлению к немцам. Ручей впадает в болото справа, значит надо идти правее. Так и делаю. Вскоре почувствовал, что уровень воды снижается, потом под ногами земля стала зыбкой. Еще немного и, мы уже двигались по сухой местности.

Мы прошли довольно большое расстояние и уперлись в эскарп. Эскарпы сооружаются на склонах местности — часть земли убирается с таким расчетом, чтобы образовался вертикальный уступ, непреодолимый для танков.

Стало ясно, что позиции немцев находятся очень близко. Известно, что на войне все инженерные сооружения всегда охраняются. Это означало, что где-то недалеко, должен быть часовой. Мы двинулись вдоль эскарпа, прижимаясь к стене и, стараясь не шуметь. Вскоре во тьме появился силуэт часового. Он сидел на каком — то возвышении, на пне или валуне. В темноте и не разглядишь. Мы прижались спинами к эскарпу. Передаю по цепочке.

— Хаджиханова, ко мне!.

И сразу же пошла команда :

— Хаджиханов в голову колонны! Когда он приблизился ко мне, говорю ему тихо на одном дыхании :

— Видишь фрица!

— Да!

— Подойди и прикладом по голове! Только не сильно, если прикончишь его, ротный из нас кишмиш сделает. Но и слабо нельзя. Он поднимет крик, оживет немецкий передний край, боя не миновать. В этом бою мы все погибнем

Это задание во всех случаях делало Хаджиханова виноватым. Если он ударит прикладом очень сильно, то убьет фрица, а если

очень слабо, то возникнет шум, из — за которого в бою погибнет несколько человек из нашей группы, а то и вся группа...

Хаджиханов беззвучно приблизился к часовому. Вижу только силуэты. Вот он взмахнул винтовкой, глухой удар и немец на земле. Мы подбежали к нему, наклоняюсь, беру его руку — пульс прощупывается. Коломицын и Петров взвалили его на плечи и, мы двинулись назад к своему переднему краю. Через некоторое время слышу у себя за спиной.

— Направляющий, стой!

Остановились. Из темноты вышел Балобанов и тихо сказал:

— Если он придет в себя и поднимет крик, то нам придется принять бой. Ведь немецкий передний край совсем близко!

— Заткнуть ему рот! — приказываю Балобанову.

Мы двинулись дальше. Через некоторое время опять раздалось:

— Направляющий стой!

Мы остановились. Из темноты опять вышел Балобанов.:

— Надо проверить живой ли он!

Беру руку пленного и чувствую — пульса нет. Вот так раз! Ничего хуже не придумаешь! Положение безвыходное. Осталось только одно — срезать у него погоны, Иначе не доказать ротному, что пленный все-таки был.

Двинулись к своим позициям. Только писать легко! «Двинулись!» Идти было очень тяжело. Мы были не только мокрыми. Шаровары были заполнена болотной жижей. Вода просочилась сквозь ткань, а густая масса скопилась в шароварах. Ноги никак не могли сомкнуться — мешал ком грязи между ног. Да и штанины были заполнены грязью.. Идти приходилось, раздвинув ноги в стороны.

Уходить надо было быстро. Немцы в любой момент могли обнаружить исчезновение часового и пуститься за нами в погоню, Казалось выход нашелся. — расстегнуть ширинку и пригоршнями вытаскивать эту массу. Однако, в этом случае движение также замедлялось. С великим трудом дошли до ручья. А вот и рощица, которая была на карте. Значит направление движения правильное. Перешли ручей и мы уже в расположении роты

Короткий доклад ротному. Об инциденте на болоте ни слова.

— Группу повел через болото, там уж наверняка нет немецких постов — выкручиваюсь из положения..

— Молодец! — сказал ротный — где же пленный?

— Хаджиханову было приказано оглушить фрица прикладом по голове. Не убивать, а только оглушить. Он перестарался в результате — труп. Вот погоны. фрица.

— Хаджиханов! Ты, что не понял, что тебе было приказано?

— Сначала все было хорошо — фриц был живой. Потом он сдох.

Командир роты, как взбесился. Лицо стало красным. Это первый признак, что он зол. Набросившись на Хаджиханова, он заорал:

— Да я тебя за такие дела под трибунал! Операцию сорвал! Да, ты знаешь, на фронте за это полагается пуля в лоб! Смотри у меня, не будешь точно выполнять приказаний — худо тебе будет!

— Я буду стараться такого не повторять!

— Все по местам! — приказал ротный.

Ночь была холодной, но все же пришлось снять с себя гимнастерку и шаровары, а также нижнее белье. Выгреб отовсюду жижу. Пучком травы очистил все от грязи, отжал и разложил на траве. Дрожа от холода, завернулся в шинель и стал ждать, когда все это не то чтобы высохло, но хотя бы проветривалось. Тут появился ротный.

— Это что такое?

— Так ведь все мокрое. Пусть немного проветрится!

— Отставить это безобразие! Вдруг немцы, что будешь делать в голом виде?

— Отстреливаться — проямлил я.

— А ты знаешь, что голый человек в темноте светится?

Это заявление ротного поразило меня до глубины души. Это надо проверить! Встаю в полный рост и распаиваю шинель. Перед моим взором предстал долговязый костлявый юноша Единственное, что удалось увидеть, так это живот да ноги. Никакого свечения не было.

— А чему светится то? Кругом живот да ноги! Может, светятся эти, как их, женщины или девушки?

Ротный погрузился в глубокую задумчивость, видимо, вспоминая, светились ли его знакомые женщины или нет. Наконец он тряхнул головой, как бы прогоняя нахлынувшие на него воспоминания. Осмотрев меня критически с головы до ног, сказал:

Мм, да! Светиться тут действительно нечему! А ты, что со мной пререкаешься? Как положено по уставу? Командир роты сказал светится. Подчиненный должен отвечать — «есть светится», а при наличии головного убора взять под козырек! Выполняй устав!

— Есть, светится!

— Вот так — то будет лучше! Немедленно одеться!

Ротный ушел, ворча по дороге: «Ух, уж мне эти, грамматеи!»

Пришлось все мокрое одеть на себя. Стало совсем холодно — зуб на зуб не попадает.

Но это были цветочки, а ягодки были впереди.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КРЫСИНАЯ АТАКА

Сам погибай, а товарища выручай.

(А.В. Суворов "Наука побеждать.")

Чтобы дружбу обнаружить
Есть три способа у нас:
Не желать разлуки с другом,
Быть с ним вместе это раз.
Во — вторых, дарить от сердца
Без раздумий и прикрас
В — третьих, ринуться на помощь
Издалека в трудный час.

(Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре.»)

После неудачной попытки захватить языка, когда мы шли через болото, тактика была изменена. Нашу роту перевели на другой участок передовой. Там уже было подразделение нашего батальона и, мы расположились среди этих бойцов.

Вечерело. Внимательно рассматриваю поле, по которому нам предстояло двигаться для выполнения поставленной задачи. Смотрю и думаю, ох и тяжкая эта задача! Хуже не придумаешь!

Осень наступала красивая и холодная. Хлеб давно созрел и перезрел, но его никто не убирает. Идут бои и местное население прячется. А, может быть оно перебито фрицами. И такое бывало.

Вот добро — то пропадает! Сколько людей можно было бы накормить этим хлебом! А ведь там, в тылу, люди голодают! Но, что поделаешь? Война не мать родная. Все перевернула кверху дном, всю жизнь исковеркала, миллионы людей погубила, еще больше сделала инвалидами. Вспомнились слова поэта.

Да будет проклят, нечестивый,
Кто первый извлек меч войны
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый

Кто же написал эти гневные строки? Вспоминал. вспоминал и вдруг озарило. Да это же Полежаев! А может быть не он?

Поэзия, поэзия, как ты прекрасна! Как звучны, образны

поэтические строки! Эх, вот бы сейчас почитать стихи Пушкина или Лермонтова! Но нет, не до поэзии, когда идешь по трупам, когда воют снаряды и свистят пули.

Меня очень поражало на войне стремление бойцов ко всему прекрасному, к лирике. Вот пример. У Пошивалова. были записаны слова песни: Приведу отрывок из нее.

Придите на цветы взглянуть
Всего одна минута.
Приколет розу вам на грудь
Цветочница Анюта.
Там, где цветы, всегда любовь
И в этом нет сомнений.
Цветы прекрасней всяких слов
Нежнее объяснений.
Дальше не помню.

Так вот, эта песня произвела колоссальное впечатление на всех бойцов. Вокруг Пошивалова, исполнившего эту песню, толпились обросшие бойцы в прожженном замызганном обмундировании... Когда Пошивалов кончил петь, к нему обратились сразу несколько человек с просьбой — дай переписать!.

Бойцы старательно переписывали строки этой песни и было видно, как шевелятся их губы, напевая ее У нескольких бойцов на листках из ученических тетрадей в клетку или в линейку в кармане гимнастерки появились слова этой песни.

Потом один пожилой боец обратился к Пошивалову с просьбой: — «Сынок! Слова эти за душу берут! Я не шибко грамотный могу писать только печатными буквами и очень медленно. Так ты сделай доброе дело. Перепиши эту песню. Бумагу я тебе дам!» «Отчего же не переписать? Это я запросто!» — ответил Пошивалов.

Откуда? Откуда у людей такая тяга к лирике, к прекрасному? Вокруг смерть косит людей, обезображенные, объединенные крысами трупы. Казалось бы, , эти люди, с обожженными лицами, в грязном прожженном обмундировании, должны утратить все человеческое, превратиться в роботов, способных только с нечеловеческим криком: — Ура — идти с оружием наперевес на врага! А им давай розу на грудь и цветочницу Анюту! Вот уж, поистине, человеческая психика непостижима! В чем причина живучести в них человеческих чувств? Сколько не думал, а ответа на эти вопросы не нашел!

Может быть то, что наши люди в этих нечеловеческих

условиях, остаются людьми и обеспечит нашу победу. Мы не озверели, как немцы! Человек всегда победит зверя! Очевидно, что не количество и качество танков, самолетов, артиллерийских орудий решает исход войны. А тогда, что же? Человек! Ведь он ведет огонь из орудий! Он сидит за штурвалом самолета, управляет грозным танком! Значит, он решает исход войны.

Это было второе мое открытие с начала войны. А, что же было первым открытием? Для ответа на этот вопрос следует вернуться на два года назад к самому началу войны.

Было это в конце июня 1941 года или в начале июля этого года. Мне тогда было 15 лет. В областном городе — Уфе, за тысячи километров от фронта, однажды, увидел, что по улице бегут люди всех возрастов. Там были и мужчины, и женщины, и дети. Повинуясь стадному инстинкту, примкнул к бегущим. Но мысль о том, куда они бегут, зачем бегут, не оставляла меня.

Поравнявшись с каким-то мужиком, задаю эти вопросы. Но он, вместо ответа, сказал: — Отстань! Добежав до улицы, которая вела от железнодорожного вокзала к центру города, все остановились и стали слоняться по улице, изнывая от безделья.

На углу улицы был небольшой продуктовый магазинчик с очень ограниченным ассортиментом товаров. В нашем городе с началом финской войны исчезли почти все продукты. Хлеб выдавали по спискам, которые были в магазинах из расчета 500 грамм на человека. Наша семья из четырех человек получала 2 кг хлеба в день. В то время хлеб был весовой. И продавщица долго взвешивала, отрезала, добавляла довески.

После окончания финской войны положение существенно не улучшилось, а с конца июня 1941 года совсем стало плохим..

В этот раз в магазине были только конфеты, которые назывались «ландрин». (это фамилия европейского кондитера, который первым начал производить такие конфеты). Точнее сказать это были маленькие разноцветные, покрытые сахарным песком, леденцы. Замечаю, что, некоторые из прибежавших, заходят в этот магазин и покупают небольшие кулечки этого ландрина. В то время люди были бедными и даже такие дешевые конфеты покупали крошечными кулечками.

И вдруг, раздались возгласы: — «Едут! Едут!»

От вокзала к нам приближалась бесконечная вереница автобусов. Когда первый автобус оказался передо мной, вижу, что там сидят забинтованные люди. Это везли раненных бойцов с фронта. В каждом автобусе находилась медсестра. В некоторых автобусах на носилках лежали тоже забинтованные люди. Наверное, тяжело раненные.

Потом началось то, что до сих пор вызывает слезы на моих

глазах. Люди подбегали к автобусам и, каждый старался передать раненым кулечки с конфетами. Так вот для чего они покупали этот ландрин! Это было трогательно до слез.

Медсестры на ходу автобуса, открывали двери и, смахивая слезы с лица, брали эти гостинцы. Тогда впервые мне стало ясно, что такой народ победить никто не сможет. Это и было моим первым открытием! Даже сейчас, набирая на мониторе этот текст, не могу сдержать слез. Видимо, моя нервная система совсем расшаталась!

Однако надо возвратиться к нашему повествованию.

На войне всегда недоставало сна. На передовой, по ночам, спать вообще всем запрещалось. Днем — половина личного состава могла спать, а вторая половина — вести наблюдение за полем, которое простиралось перед нашей траншеей — нейтральной полосой.

В нашем отделении осталось два человека, хотя по штату должно быть девять. При такой численности только один мог спать, а второй был наблюдателем.

Задача наблюдателей во — время засечь опасные действия противника, например, приближение его к нашей передовой. Высовываться из траншеи можно на 3 или 4 секунды, если твоя голова над бруствером будет торчать более этого времени, то тебя обязательно подстрелит вражеский снайпер. Более того, нельзя дважды высовываться из одного и того же места. Снайпер держит под прицелом это место. Поэтому наблюдение, это непрерывная беготня по траншее.

В походе со сном было еще хуже. Более трех часов в сутки спать не давали. Бойцы буквально засыпали на ходу. Можно было наблюдать такую картину. Идет колонна. Вдруг один боец выходит из строя и, некоторое время движется рядом с колонной, постепенно удаляясь от нее. Вот он дошел до придорожной канавы, споткнулся и уже неподвижно лежит. К нему подбегают и видят, что он крепко спит. Растолкать такого и поставить в колонну очень трудно! Но надо! Мы это делали!

Самым большим счастьем считалось, уцепится за какую — либо повозку. Счастливчики, которым это удавалось, хорошо высыпались на ходу.

Но в то время мы были не в походной колонне, а в траншее на передовой. Ответственность за безопасность, лежала на подразделении, которое находилось в этой траншее. Видимо поэтому, наш ротный разрешил поспать. Но выполнить его разрешение и уснуть было невозможно.

Едва завернулся в шинель, как почувствовал, что по мне бегают крысы. Их на передовой великое множество. В

наступлении их никто не видит, так как они питаются убитыми. Они быстро нагуливают вес и обзаводятся многочисленным потомством. Другое дело в обороне — убитых нет. Остается только бегать по спящим, пытаясь убедиться можно ли этими людьми перекусить.

В начале у меня было твердое убеждение, что смогу победить их в рукопашной схватке. Ведь они такие маленькие, просто крохи по сравнению со мной. В один момент всех их прикончу прикладом!..

Вспомнил сказку, в которой сапожник одним ударом убивает семь мух, которые сидели на куске его хлеба с вареньем. Этот свой героический поступок он записал на поясе. Надпись гласила: — «Одним махом семерых убиваю!» Затем он отправляется по городам и весям и, эта надпись открывает ему все двери, обеспечивает почет и уважение окружающих.. «Вот — думал я — одним махом тоже, как тот герой, убью семь крыс, а остальные в ужасе разбегутся!» Но не тут — то было! Едва хватал автомат, как они с невероятной скоростью исчезали..

Снова делаю вид, что сплю, а сам краем глаза наблюдаю за этими ненавистными тварями. Вижу, в углу траншеи собралось 7 или 8 крыс. Они, о чем — то, совещаются, касаясь головами друг друга. Одна крыса, а может быть крыс, стоит на половину туловища впереди остальных. В один момент соображаю, что это их предводитель. Вот он поворачивает голову к своим подчиненным. «Ага, он держит речь!. Скорее всего, он как киевский князь Святослав перед битвой при крепости Доростол, говорит им — „Пойдем же братия, а я пойду впереди и, ежели паду, то промыслите собою!“ Нет! Крыс, наверное не так кончил свою речь, а скорее всего словам: —»Разбегайтесь в разные стороны, да побыстрее. Иначе вас ждет гибель!"

Интересно, о чем переговариваются другие крысы? Скорее всего, одна крыса говорит другой:

— Интересно, это человек или человечина?

— Какая разница! Перед нами ком вкусной и здоровой пищи! — говорит вторая

— Э, милая! Да, я вижу, ты совсем неопытная. Мне, однажды, довелось полакомиться человечиной. Это невозможно забыть! Нежнейший жир — сам тает во рту! А человек? Кожа да кости!

— В без рыбы и рак рыба, — мрачно ответила ей. неопытная крыса.

Пока, размышляю таким образом, крысиный предводитель, махнув лапой на все опасности, с невероятной скоростью бросается на меня. Бежит по всему моему брэнному телу. С криком: — «Я вас, гады!» — взмахиваю автоматом, но их уже и

след простыл, Затем все повторяется в той же последовательности.

В отчаянии думаю: — Ну какого черта им нужно? Ведь убедились, что перед ними не мертвец, а живой! Зачем же еще и еще раз проверять. Утихомирились бы! Пошли бы поискали человека, который крепко спит. Им бы и перекусили!

Эта битва с крысами продолжалась всю ночь. Она была мною проиграна! Уснуть даже на одну минуту, не удалось. Когда старшина пробегал по траншее и, кричал: — «Подъем!» — мне не хватило сил не то, что встать, но даже сесть.

Темпы продвижения пехоты в то время, были низкими. С тяжкими боями отвоевывалась каждая пядь земли. Поэтому крысы успевали за нами, а наиболее сообразительные и ленивые устраивались в повозках или кузовах грузовиков. Наблюдая за ними, пришел к твердому убеждению, что по численности они существенно превосходили, и нас, и немцев вместе взятых.

После войны в печати было опубликовано, что при благоприятных условиях крысы размножаются настолько быстро, что за короткое время могут покрыть всю сушу. Условий более благоприятных, чем война, для крыс не придумаешь.

Бойцы шутили, что вот войдем в Германию вместе с крысами, а потом после победы, сядем на поезда и домой, а этих тварей оставим немцам. Пусть помучаются!

Следующий день прошел спокойно, а когда стемнело, ко мне прибежал старшина и сообщил, что меня вызывает ротный. Явиться к нему надо в каске и с оружием. Сразу стало ясно, что ожидает меня какое — то опасное дело.

Подхожу к ротному и вижу около него двух саперов с огромными ножницами. Один из них мне был известен по училищу. Его фамилия была Бискровный. Наверное, это был украинец. У них подобные фамилии очень распространены. Когда офицеры — «покупатели» разбирали нас он попросился в саперы.

Поздоровался с ним. Командир роты сказал, что мне и Петрову, стоявшему рядом, поручается прикрывать саперов, пока они будут делать проход в проволочном заграждении. Чтобы мы при возвращении не сбились с пути, он будет стрелять вертикально вверх трассирующими пулями.

Когда мы вышли из траншеи и двинулись к немецкому переднему краю, поинтересовался у Бискровного, как ему служится в саперах? Он рассказал, что до сих пор они строили землянки для командира полка и на передовой он впервые. Видно было, что он напуган этим поручением. Ничего не говорю в ответ, а про себя подумал — вот бы тебя в стрелковую роту, да чуть ли не каждую ночь ходить на немцев!

Вскоре мы увидели немецкое проволочное заграждение и залегли. Говорю саперам: «Ползите и выполняйте приказ, который вы получили. Если вас обнаружат немцы, мы прикроем ваш отход огнем. Вы отойдете в тыл метров на сто и откроите огонь, чтобы отвлечь противника и дать нам возможность присоединиться к вам. Дальше отходить будем вместе» Говорю, а сам думаю, что они в панике побегут, а нас бросят. Было видно, что они шли и дрожали от страха.

Саперы уползли, а через некоторое время вернулись и сказали, что проход готов. Когда делается проход в проволочном заграждении, саперы перерезают проволоку у одного из столбов с обеих сторон столба. Перерезанную проволоку разводят в стороны. Если расстояние между столбами 3 метра, то ширина прохода получается 6 метров. Спрашиваю Бискровного, помнит ли он это требование Устава инженерных войск. Ведь нас так учили в училище. Убедился, что все в порядке и нам оставалось только одно — возвращаться в роту.

Когда мы встали и пошли к нашим позициям, то с удивлением увидели, что трассирующие пули летят вертикально вверх не там, где была рота, а далеко в стороне, намного левее. Мы растерялись, тут, что — то, не так. Говорю им, что нужно идти туда, откуда нам подается сигнал. Но все воспротивились. Они доказывали мне, что мы уйдем далеко в сторону. Но сломить меня было невозможно и, мы двинулись в том направлении, где виднелись огненные трассы Педантизм и чувство дисциплины, свойственные мне, сыграли свою отрицательную роль и в этот раз.

Мы все больше и больше убеждались в том, что уходим от своей роты. Все решили, что надо свернуть в сторону наших позиций, не доходя до сигнальщика, что мы и сделали. Только через десять лет мне стало известно, что мы, таким образом, сохранили свои жизни.

Вот перед нами траншея, но она пустая. Мы пошли по траншее в сторону нашей роты, временами переходя на бег. Это совершенно невероятное событие крепко врезалось в мою память. Никак не могли мы понять, кому понадобилось уводить нас в сторону и какова в этом роль ротного. Было ясно, что мы теряем драгоценное ночное время. Если наша разведка выйдет слишком поздно, то рассвет может начаться при выполнении задания. Это приведет к гибели всех участников операции. Позднее были и другие подобные случаи.

Когда мы подошли к командиру роты, спрашиваю его, кто подавал нам неверный сигнал? Ротный не ответил. Он, как изваяние, смотрел в одну точку и молчал. Это меня еще более

удивило.

Командир роты приказал группе захвата проникнуть через этот проход на передовую противника и захватить языка.

— Ты — обратился он ко мне — знаешь, где проход и покажешь его группе захвата..Командование группой поручаю тебе —обратился он к командиру взвода лейтенанту Колюшенко.

И вот группа захвата двинулась к немецким позициям. Когда мы подошли к проходу в проволочном, заграждении была подана команда — ложись. Вся группа залегла.

— Ты — обратился ко мне тихим голосом Колюшенко, — и рядовой Балабанов ползите впереди и ощупывайте землю перед собой на всю ширину рук. Немцы, как правило, минируют полосу от проволочного заграждения до своей траншеи. Ощупыванием земли вы обеспечите беспрепятственное продвижение группы захвата. Вперед!

Ничего себе, мы с Балобановым подорвемся на минах, чтобы обеспечить проход группе захвата! Опять, как в шахматной партии — жертвуешь пешку и выигрываешь партию. Детское увлечение шахматами позволило мне сделать такой прогноз, который к счастью не сбылся. Быть такой пешкой мне показалось обидным, но делать нечего. На фронте приказы полагается выполнять, а не рассуждать. И мы с Балобановым поползли, к немецкой траншеи.

Соображаю, что, если буду ощупывать землю на всю ширину рук, то обязательно подорвусь на mine. Вероятность гибели во столько же раз более, во сколько ширина раздвинутых рук больше ширины туловища. Но также сообразил, что мои руки видны в темноте из — за своей белизны и, , если их не разводить, то это заметят. Тогда мне придется худо. Выход нашелся быстро, Руки буду разводить, но ими не надо касаться земли. Мины в таких условиях ставят, обычно, нажимного действия и, если не касаться земли, риск подорваться на mine уменьшится.

Балабанов полз левее меня в нескольких метрах. Скорее всего, он не додумался до моей хитрости и, добросовестно ощупывал землю. Мы проползли несколько метров. Оглядываясь и вижу, что вся группа захвата ползет за нами. Вдруг там, где полз Балабанов, сверкнуло ослепительно — желтое пламя и прогремел взрыв. Балабанов плюхнулся на землю плашмя. В то же мгновение ожил немецкий передний край. В небо взлетели осветительные ракеты. На войне их называли «свечами». Взлетев сравнительно высоко, они ярко вспыхивали, освещая на земле круг диаметром, примерно, 30 —40 метров. Затем они медленно опускались на землю. Видимо, они были на парашютах. Одновременно взлетает несколько ракет, что делало фронт

освещения таким, каким он нужен противнику

В одном послевоенном фильме это хорошо показано в песне:

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это
Тот не забудет никогда!
Тот не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У неизвестного поселка,
На безымянной высоте...

Не знаю, был ли автор слов этой песни на фронте, но сказано точно — это забыть нельзя. Но в отношении слов, «как догоревшая звезда» каждому ясно, что это не соответствует действительности. Догоревшая звезда движется по небосводу с космической скоростью в отличие от осветительной ракеты, спускающейся на парашюте.

Со стороны противника заговорили пулеметы, автоматы, винтовки. Одновременно боковым зрением вижу, что все, кто полз за нами, бросились бежать. Мы с Балабановым прижались к земле. Лихорадочно ищу выход из создавшегося положения.

— Я ранен — сказал Балабанов.

— Куда?

— В руку, щеку, бок!

— Бежать можешь?

— Могу

— Приготовься!

. Запал в гранате и, приподнявшись, швыряю ее в немцев. Граната еще в воздухе, кричу:

— Беги!

Мы бросились бежать. Шансов выбраться живыми у нас, практически, не было. Граната взрывается через 5, 5 секунд после броска. Моя граната перелетела через траншею и немцы спрятались, чтобы не получить осколки в затылок. Стрельба их на эти секунды прекратилась. Если учесть, что пехотинец бежит 3 метра в секунду, то мы могли пробежать за это время 15 метров. и оказались бы в 35 метрах от немецкой траншеи, так как в момент взрыва мы были, примерно, в 20 метрах от нее..

Осветительными ракетами можно осветить местность на расстояние 100 метров и нам предстояло бежать по хорошо освещенной местности 60 —70 метров. На преодоление этого расстояния нам потребуется 20 секунд. При скорострельности фрицев из винтовки 6 секунд на выстрел, каждый из них может

подстрелить нас три раза. Но в то время нам было не до расчетов.

Во время этого бега, вдруг почувствовалась необычайная легкость. Казалось, что тело мое невесомо, а ноги почти не касаются земли. Видимо, открылось второе дыхание, как говорят в народе, а если быть более точным, в кровь поступила большая порция адреналина, который является мощным источником энергии. В это время в голове промелькнула мысль, а ведь А В Суворов был прав, когда в своей книге «Наука побеждать» высказал великую мудрость: — «Тяжело в учении — легко в бою!» Ведь так все и получилось!

Объясняю. Как уже сообщалось после призыва на военную службу, меня направили в военное училище. Командир нашего взвода лейтенант Власов был кадровым военным. Занятия с ним были невероятно трудными. Едва взвод выходил из стен училища, как он подавал команду: «В руку!»" Это означало, что винтовки с левого плеча брались в правую руку. Затем следовала команда: «Бегом марш!»

В первый день мы пробежали один квартал (училище находилось в центре города) и ужас, как устали. На следующий день мы пробежали уже два квартала. И снова невероятно устали. С каждым днем эти пробежки все удлинялись и удлинялись. Через два месяца мы пробегали уже 10 —15 километров, а еще через два —20 —25 километров, причем последние 5 километров в противогазах. Закончив такую пробежку, или бросок по военной терминологии, мы из противогаза выливали пот, примерно стакан, и падали на землю совершенно обессилившие..

Вот поэтому, эта пробежка с Балобановым, совершенно не утомила меня. Было такое ощущение, что совершена небольшая прогулка. Позднее, вспоминая эту пробежку, у меня сложилось твердое убеждение, что это был мировой рекорд по скорости бега. Ведь нас подгонял страх быть убитым.

Нам бежать пришлось не по дорожке стадиона, а по полю боя. На моем пути оказалась воронка от снаряда, в которую мое брненное тело спикировало. Перевернувшись через голову, почувствовал себя на противоположной стороне воронки. Какая — то неведомая сила швырнула меня вон из этой злополучной воронки и бег продолжался далее с той же скоростью..

Замечаю, что Балобанов стал бежать не так быстро, как в начале, а потом и вовсе перешел на шаг. Было ясно, что он обессилил от потери крови. И вот наступил момент, когда он остановился, оперся на винтовку и, сказал:

— Больше я не могу идти. Мои силы иссякли. Стрелять лежа могу. Ты дальше иди один. Если немцы выслали за нами погоню, я прикрою твой отход огнем. Ну, что ты на меня уставился? Ты

дойдешь до роты! Ты целенький, а моя песенка спета! Придешь в роту, скажи ребятам, чтобы они, забрали меня..

Помолчав мгновение он сказал, что скорее всего это будет уже не он, а его труп.

— Нет! Ты, вскоре, потеряешь сознание и, в темноте мы тебя не найдем. Будем добираться вместе. Обопрись на мое плечо!

Как мы дошли до нашей траншеи — это целая эпопея. Но дошли! Бойцы в траншее приняли Балобанова. Сажусь на дно траншеи и не верю себе, что мы, все — таки, дошли. Ощупываю себя и убеждаюсь, что цел и невредим. Усиленно дышу! Слышу, ротный кричит по телефону: — «Повозку подгоняйте к траншеи, да побыстрей! У меня раненный!»

Слышу, как бойцы переговариваются между собой и удивляются, как мы вывернулись из того положения. Ведь шансов на спасение не было совсем. Слышу Звйцев говорит: : — «Беляев пришел. Балобана приволок, Балобан — то потерял сознательность! Крови из него много вышло!» Снова и снова ощупываю себя и убеждаюсь, что целый, живой! Так неудачно закончилась эта разведка!.

Командир роты собрал вокруг себя группу захвата Не оказалась лейтенанта Колюшенко и рядового Коломицина.. Начался, как говорят в авиации, «разбор полетов»

По мнению ротного, после того, как Балабанов подорвался на mine, надо было бросится в немецкую траншею и захватить языка. Что помешало этому? Бегство группы! Началось выяснение, кто побежал первым?

— Кто, кто. побежал первым? — орал ротный, злобно сверкая глазами. Стоявшие вокруг него бойцы кипели от негодования: — «Найти этого подлюгу и к дереву!» На войне из — за отсутствия стенки, людей для расстрела привязывали к дереву

Больше всех кипятился Пигольдин, который полз за мной и первым бросился бежать. Посмотрел на него и ахнул — лицо искажено праведным гневом. Глаза? Да, что там глаза! Это были не глаза, а бенгальские огни, источавшие искры ненависти к трусу. Руки судорожно сжаты в кулаки, которыми он потрясал в негодовании «К дереву, к дереву труса!» — орал он громче всех.

Ротный начал нас опрашивать: — «Ты видел, кто побежал первым?» — с таким вопросом он обращался к каждому. Все вдруг присмирели и, опустив очи долу, отвечали, что нет, не видели. Дошла очередь до меня. Чувствую его пронизывающий взгляд. Под этим взглядом сжимаюсь в комочек и втягиваю голову в плечи. Что делать? — извечный русский вопрос. Кто виноват? — тоже самое.

— А ты? Чего голову опустил? Говори!

— Я ведь полз впереди всех и смотрел вперед. При всем желании не мог видеть, что делается за мной, — отвечаю, а про себя думаю — скажешь, а потом будешь лежать с дыркой в спине. Вот похоронная команда удивится! «Смотри! Лежит головой к немцам, а дырка в спине! Не иначе, кто — то из своих его шлепнул! Может в Особый отдел сообщить? А? — скажет один» «Ты, что, дурак, что ли? На допросы затаскают!» — скажет другой — закапаем и все дела!"

Пока шла эта «разборка полетов» начало светать. Солнце взошло, у нас в тылу и немного левее, если смотреть на противника.

Командир роты подозвал меня к себе: — «Не вернулись двое. Лейтенант Колюшенко ранен тяжело, Коломицин — легко. Он решил остаться рядом с командиром. Они где — то здесь на этом поле. Ты уже два раза пересек его с саперами и с группой захвата. Значит тебе и карты в руки. Поползай, поищи этих двоих!» «Куда ползти — то? — спрашиваю ротного — ведь оба раза я был там ночью. А, сейчас, сколько не смотри, все пшеница и пшеница! Искать их на этом поле все равно, что иголку в стоге сена!»

Ротный высунулся по пояс из траншеи и сказал мне, указывая на поле: — «Смотри! Видишь там треугольник?» Напряженно таращу глаза на это золотистое поле и не вижу никакого треугольника. Сознаться, что не вижу то, на что указывает ротный, не посмел и, невнятно пролепетал: — «Да, вижу!» «Вот и ползи туда! Они лежат где — то там, тише воды ниже травы, чтобы их не сцапали фрицы. Ты время от времени их окликай, да прислушивайся, не ответят ли тебе. А теперь марш!»

Вываливаюсь из траншеи и думаю про себя — ничего себе! Иди туда не знаю куда! Сказка, да и только!

Однако разлеживаться нельзя. Приказ надо выполнять! Лежу на земле, раздвинув ноги, и думаю, как сориентироваться, чтобы вернуться обратно. Через левое плечо вижу, что Солнце шлет свои лучи вдоль моей левой ноги. Значит, когда буду возвращаться, оно должно мне светить в правый висок. Солнце, конечно, переместится по небосводу немного, но направление удастся выдержать. На перемещение дневного светила можно внести поправку. Живы будем — не умрем! А теперь вперед!

Полз довольно долго — минут пятнадцать или двадцать. Подаю голос: — «Колюшенко, Коломицин!», а в ответ тишина, как в песне В Высоцкого «Это он не вернулся из боя».

Ползу влево, вправо, Ничего! Нет отклика на мой зов. Значит надо подползти поближе к немцам. Они могут быть там. Несколько минут ползу в направлении противника. И опять: — «Колюшенко, Коломицин!» Тишина! Может слишком тихо зову

их? Надо позвать громче. Повышаю голос и тут слышу стрельбу с немецкой стороны. Вот, тебе раз! Меня обнаружили и ведут огонь. Пули ложатся все ближе и ближе. Поднимают фонтанчики земли, то справа, то слева. Это был второй расстрел меня фрицами. О первом расстреле упоминалось ранее.

Что делать? Назад в свою траншею! Выполняю этот маневр и стараюсь ползти, как можно быстрее. Не тут — то было! Пули упрямо отыскивают меня в этой пшенице! И вдруг соображаю! Когда ползу, колосья колышутся и выдают мое движение. Значит надо притвориться убитым и не шевелиться. Но тут новая опасность замаячила перед моим мысленным взором. Вдруг, немцы захотят найти мой труп и поползут ко мне? Или поползут справа и слева от меня, чтобы отрезать от своих и взять в плен! Чтобы там не было, но не надо шевелиться. И тут замечаю, что немцы поливают пулями пшеницу в стороне от меня. Вот так! Они потеряли направление и теперь палят наугад!

Сейчас они напряженно вглядываются, надеясь увидеть движение колосьев. Значит надо ждать. Французы говорят. «Выигрывает тот, кто умеет ждать!» Не надо торопиться, Идет игра со смертью и мне надо выиграть. Ставка жизнь!

Ну, слава Богу! Стрельба прекратилась, но спешить не надо. Буду выжидать!

Лежу неподвижно довольно долго — минут 15 или 20, а потом вперед, нет назад в свою траншею.

Предстаю перед светлыми очами командира роты. Сразу вопрос:

— Ну, что? Нашел?

— Нет, только попал под огонь фрицев!

— Мы это наблюдали! Думали не вернешься. Огонь фрицы вели — не приведи господь оказаться под таким огнем. Уцелел и хорошо! Отправляйся на свое место!"

Прихожу на свое место, снимаю каску, достаю из карманов две гранаты Ф-! или , как их называли «лимонки», ставлю у стены траншеи автомат и обессиленный плюхаюсь на дно траншеи.

До самой темноты лежу неподвижно. Голову сверлит мысль — вернулся, вернулся, а ведь был на волосок от смерти

С наступлением темноты появился обед. На передовой питание осуществляется 2 раза: Сразу, как стемнеет и перед рассветом. В светлое время суток приходится обходиться пятью кусочками сахара, которые выдаются ежедневно.

Горячая пища доставляется в зеленом термосе объемом, примерно, ведро. Этот термос имеет овальную форму и переносится на спине на ремнях, как вещмешок Хлеб доставляется буханками тоже в вещмешке. За пищей

отправляются два человека: старшина и писарь. Были такие случаи, когда в хлебе обнаруживали пулю.

Для еды все вылезают из траншеи и садятся в кружок. Однажды, мы обедали таким образом, как вдруг на небе вспыхивает осветительная ракета. Мы все ложимся и прижимаемся к земле. Вот ракета погасла и, все снова принимаются за еду. Вдруг, Петров кричит: «Братцы! Пуля!» и вынимает изо рта немецкую пулю, которая застряла в хлебе. Обед мы доели и снова по местам. Вот и все! Война сплошные приключения!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПЕРЕПРАВА

Колонна за колонной шла пехота,
Орудия и медленный обоз.
Готовые в сражения любые,
Безропотной решимости полны
Идут солдаты Родины — святые
Чернорабочие войны.

(Михаил Дудин «Дорога гвардии»)

... через реку в брод. Хлещут пули, он нырнул!
Он нырнул! Ранен был и стал в реке тонуть.
Тонуть — тонул! Не утонул! Не утонул!

(Слова из песни.)

Немцы отошли на новые позиции и наш полк, построившись в походную колонну, двинулся на запад. Стрелковые, пулеметные и минометные роты, батареи противотанковых орудий, полковая артиллерия, кухни, обоз. Бесконечная серая лента двигалась и, казалось, что этой ленте не будет конца. Начало этой ленты скрывалось далеко впереди за горизонтом, а конец ее тоже не был виден.

Здесь боев не было. Довольно часто на нашем пути встречались совершенно не тронутые войной деревни. Мы проходили их, не останавливаясь.

В одной деревне на крылечке стояла дряхлая старушка. Выйдя из строя, подхожу к ней.

— У вас, наверное, плохо с хлебом?

— А с чего нам было бы хорошо? — вопросом на вопрос ответила старушка. Тон, которым сказала это старушка, был немного вызывающим. Это меня удивило..

— У меня в вещмешке есть хлеб. Могу его вам отдать!

Бурной радости старушка не проявила. На ее лице угадывалось, скорее, безразличие. Развязываю вещмешок и отдаю ей две краюхи хлеба. Она приняла хлеб и скупно поблагодарила. Это для меня было непонятно. С началом войны в тылу было очень голодно. Там это вызвало бы радость, а здесь безразличие. Непонятно, почему!

Старушка, указывая взглядом на двух парней, проходивших

мимо, сказала: — «Сволочи в золоте ходят!» Спрашиваю: — «А, почему?» После этого вопроса взглянул на ее лицо. Даже обомлел. Столько ненависти было на ее лице. Хотел повторить свой вопрос, но куда там. Она скрылась в избе, с шумом захлопнув за собой дверь.

Теперь надо догонять свою роту. Это не так просто, как кажется на первый взгляд! Колонна тоже движется. Недаром народная мудрость учит, что последнее дело ждать, да догонять.

Гуляеву, который шел рядом, рассказываю об этой старушке и о двух парнях. На мой недоуменный вопрос, как все это понимать, он сказал, что эти парни, видимо, партизаны.

Помолчав немного, он сказал, что во время войны власти нет и самое выгодное дело объявить себя партизаном. Это дает возможность заходить в деревни, незанятые немцами, и требовать у жителей продукты питания, одежду и все, что надо для жизни. Если добром не отдают, то можно применить и силу. Ну, а сражаться с немцами необязательно. Вот это и вызывает жгучую ненависть жителей к этим, так называемым партизанам.

На мой вопрос, откуда он все это знает, Гуляев улыбнулся и сказал, что земля слухами полниться. Уже после краха социализма было опубликовано в печати, что крупное партизанское соединение совершило большой марш по тылам противника, но ни разу не вступило с ним в бой.

Колонна втягивается в другую деревушку. Вдоль улицы деревья и на каждом повешенный. Читатель, наверное, уже убедился, что у меня очень развито любопытство. До всего есть дело!

Снова выхожу из строя. Рассматриваю каждого повешенного. Их восемь человек всех возрастов: дети, старики, люди среднего возраста. А вот и местный житель — старичок с ноготок. Разговорились. На мой вопрос, кто их повесил, старик с удивлением посмотрел на меня и сказал, что это дело немцев. На мой вопрос, что же они сделали, что фрицы с ними так жестоко расправились, старик рассказал следующее..

Это еврейская семья. Они шли по лесу, надеясь попасть на территорию, контролируемую нашими войсками, но сбились с пути. К своей радости, они встретили мужика, который ехал, по лесной дороге на подводе. Евреи показали мужику золотой портсигар, пообещали отдать его, если он привезет их на территорию, занятую нашими войсками. Мужик согласился. Все уселись на телегу и приехали в эту деревеньку к домику, в котором располагалась немецкая комендатура. Когда фрицы узнали, куда эти евреи направлялись, то их участь была решена.

Один фриц принес восемь веревок и, телега поехала,

останавливаясь под деревьями, на которые и вешали этих людей. Вот такую грустную историю поведал мне местный житель.

На меня произвел большое впечатление строгий порядок обеспечения наших войск водой. Как только мы входили в деревню, сразу же появлялось специальное воинское подразделение, которое выставляло часовых у всех источников воды. Обычно, такими источниками были колодцы. Затем проверялась вода — не отравлена ли она. Только после этого разрешалось брать воду из одного колодца, вода в котором была проверена. К другим колодцам часовые и близко не подпускали.

Посты у всех колодцев, были круглосуточными. Войска приходили, уходили, а часовой всегда был на своем посту. Этот очень жесткий порядок гарантировал полную безопасность нашим войскам в обеспечении водой.

Мы были в поле зрения противника. Однажды мы в этом убедились. Как всегда входим в деревню, а часовые у колодцев уже тут, как тут. Колодец, из которого разрешили брать воду, был оснащен журавлем. Это длинная жердь, покачивающаяся на опоре. На длинном конце привязано ведро, а на коротком — груз.

Все бросились к колодцу. В походе всегда хочется пить. Журавель заработал. Вверх — вниз, вверх — вниз. Видимо, немцы засекли эти движения журавля и открыли по колодцу артиллерийский огонь из орудий крупного калибра. Пока шла пристрелка: перелет — недолет, мы спокойно набирали воду. Однако, как только фрицы определили прицел, снаряды стали рваться недалеко от колодца. Пришлось срочно, как говорится, сматывать удочки.

Мы отбежали от колодца на довольно большое расстояние. Оглядываясь и вижу, что часовой остался у колодца. Только залег. Вот такая дисциплина была у охраны источников воды!

Следующая деревня. Об этой деревне правильнее говорить в прошедшем времени, так как деревня полностью сожжена. Фрицы только, что оставили ее. Кругом торчали печные трубы, но, если сойти с дороги и приблизиться к такой трубе, можно увидеть дгорающие бревна.. Мы быстро наловчились использовать их

Поставишь на эти бревна котелок с водой — одна минута и чай готов. Конечно, это был не чай, а горячая вода. Непонятно, почему ее мы называли чаем. В то время мы и не думали, что вода закипает на несчастье людей, оставшихся без крова, а иногда, сгоревших вместе с избой.

Так вот и двигался наш полк от одной деревни к другой, от одной трагедии к другой. Впрочем, вся война это одна большая трагедия. На привалах всегда завязывались беседы. Иначе можно было умереть от скуки. И вот во время такой беседы Зайцев

спросил меня о том, что это везде серп и молот? На звездочках на фуражках, на знаменах, да кругом. Куда не глянешь везде серп и молот. Для чего это?

Этот вопрос меня обрадовал. Чувствую свое превосходство над стариком. Ведь нам еще в первом классе рассказали об этом. Значит, был прав Великий, который сказал: — «Учись мой сын! Наука сокращает опыт быстротекущей жизни!» Чувствую, себя и ростом повыше. Плечи развернул! Смерил старика презрительным взглядом. Медленно, с чувством собственного достоинства, начал свое поучение. Рассказываю, что это символ союза рабочих и крестьян. Молот — орудие труда рабочего. Даже, песню про молот, сложили.

Мы кузнецы и дух наш молод
Куюм мы к счастью ключи
Вэдымайся выше наш тяжкий молот
В стальную грудь сильней стучи, стучи, стучи!..

Ну, а серп! Это орудие труда крестьянина. Им жнут хлеб. То, что эти орудия труда перекрещены, означает союз рабочих и крестьян.

Настырный Зайцев, с невинным выражением лица, спрашивает — для чего нужен этот союз? В царское время серпа и молота не было, этого союза тоже не было, а люди жили и неплохо.

Вздыхнув всей грудью, объясняю, что рабочие поставляют в деревню трактора, плуги и многое другое. Крестьяне поставляют в город продукты питания.

— Дааа! — протянул Зайцев, — а у нас в деревне говорили — серп и молот — смерть и голод! Вот так — то сынок!

Во время этого разговора, впервые почувствовал, что старик не так прост, как можно подумать при первом разговоре с ним. Он все отлично знает и в душе, посмеивается надо мной. Ну и пусть в душе смеется надо мною! А человек он хороший.

На привалах Пигольдин всегда садился рядом со своим командиром отделения Молчановым. Было видно, что он все время что — то втолковывает отделенному.

Через некоторое время выяснилось, что эти длинные разговоры преследовали определенную, корыстную, цель. Выявилось это так. Просматривая нашу дивизионную газету и с удивлением увидел сообщение о том, что боец Пигольдин награжден медалью «За отвагу.» Далее сообщалось, что он прошлой ночью, якобы, подполз к немецким позициям и открыл огонь. В результате у противника есть убитые и раненные.

Подхожу к командиру роты, с газетой в руках и, спрашиваю его об этой награде Пигольдина. Ротный с безразличным видом рассказал, что представление к награде Пигольдина, написал сержант Молчанов. А он подписал это представление и отправил его вверх по команде. И все дела!

Мне совершенно точно известно, что Пигольдин никуда не ползал, а в ту ночь спал недалеко от меня. Улучив момент, когда Молчанов был один, спрашиваю его об этом. Тяжело вздохнув, Молчанов мне рассказал, что он устал от домогательств Пигольдина на эту тему: — «Пусть получит этот металлический кружочек. Черт с ним!» — мрачно сказал Молчанов. Выяснилось, что ротный тоже намекнул Молчанову о необходимости награждения Пигольдина.

— А старшему лейтенанту это зачем? — задаю недоуменный вопрос.

— Одна это шайка — лейка! Ты лучше в это дело не вмешивайся. Так тебе будет спокойнее!

Эту мою активность заметил Пигольдин. Состоялся нелицеприятный разговор и, мне пришлось выслушать его угрозы.

Забегая вперед, скажу, что он свое обещание выполнил, а как, читатель узнает позже.

Однако, жизнь идет своим чередом, наше наступление продолжается.

Однажды на одном из привалов появился ефрейтер явно среднеазиатской внешности. Подхожу к нему и спрашиваю — не новичок ли он в нашей роте?

В ответ услышал, что он пулеметчик Сатимов Олимжан. Узбек.

Мне очень понравился этот ефрейтер своей открытостью и простотой в обращении с товарищами по оружию.

Наш марш продолжался.

На одном из привалов ко мне подсел Гуляев. Разговорились. Он стал убеждать меня, что на войне царит сплошная несправедливость. Вот он, Гуляев, из костей и кожи, а на него обрушивается шквал свистящего, визжащего, воющего металла. Это же не справедливо! Значит — мир устроен неправильно! А как сделать, чтобы он был устроен правильно?

— На первый взгляд, ты прав, но давай подумаем. — отвечаю ему.. Эти кусочки металла посылает на нас человек. Мы тоже посылаем в его сторону металл. Получается, что у человека руки стали длинней Они достают противника на большом расстоянии. Значит живым, а следовательно, победителем, будет тот, кто лучше владеет оружием или у кого оружие лучше. Думаю, что это справедливо."

После некоторого раздумья, Гуляев со мной согласился. О чем вы тут шепчетесь? — спросил, подошедший к нам, Пошивалов

— Да так! Вспоминаем мирные времена, свой родной дом, родных.

— Это интересно! Продолжайте в том же духе, а я пойду, посижу вон там — сказал он и ушел.

Надо заметить, что каждый из моих друзей имел узкую специализацию. Гуляев — для разговора на сложные темы: о добре и зле, о мироздании и все в таком духе. Погибший в огне Витька Ордынцев своими остротами помогал разрядиться от внутреннего напряжения. Он давал отдых психике...

Зайцев — разговоры о Боге, о жестокостях социализма и тому подобное. Пошивалов — сплошная лирика.

Во время одного из переходов, который совершала рота, я заметил, что Гуляев очень хочет со мной поговорить. И такой случай в скором времени представился. На следующем привале он подсел ко мне и начался разговор, как всегда на злободневную в то время тему.

— Как ты думаешь, чем закончится эта война? — задал он мне вопрос.

— Ясное дело чем! Мы победим!

— А почему ты думаешь так — не унимался мой собеседник.

— Видишь ли, имеется закон, который гласит: — «В конечном итоге всегда торжествует справедливость.»

— Где это ты прочитал об этом законе? Я такого не слышал.

— Нигде не прочитал. Сам его открыл.

— Ха, ха! Скажи мне, автор этого закона, разве в случае с твоим отцом восторжествовала справедливость? Или торжествовала справедливость, когда раскулачивали трудолюбивых крестьян — «кулаков?» А, может быть, справедливость торжествовала, когда шли массовые аресты в 37 — 39 годах? Отвечай!

— Я же сказал — в конечном итоге. В случае с моим отцом и во всех остальных, что ты перечислил, еще не наступил конец. Давай, как в геометрии, попробуем доказать этот закон. Предлагаю доказательство вести «от противного», как в школе доказывались некоторые теоремы по геометрии..

Допустим, что этого закона нет. Тогда человечество давно бы уже прекратило существование. Рабовладельческий строй в древнем Риме канул в вечность. А почему? Да потому, что это был несправедливый строй! То же самое можно сказать о крепостном праве в России. А теперь перейдем к Германии. Она подмяла под себя почти всю Европу. Это несправедливо и, найдет свой конец.

Вот так — то, дорогой, Гуляев!

— Надо подумать! Может быть, в перечисленных случаях, сработали другие законы, например, экономические!

— Экономические законы являются следствием этого всеобъемлющего закона.

— Есть о чем подумать! Здравый смысл, в твоих рассуждениях, есть, но уж очень необычно это все звучит. Еще я хочу поговорить с тобой вот о чем. Идем мы по выжженной земле и вокруг нас на каждом шагу примеры диких зверств немцев: то повешенные, то сожженные заживо люди. города и деревни. Почему такое творят фрицы? Германия расположена в центре Европы. Ее окружают страны с высочайшей культурой: Франция, Англия, Италия. Сначала я думал, что зверства солдат закономерное явление на войне. Она дает возможность безнаказанно убивать, выявляет самые низменные инстинкты. А потом смотрю, другие союзники немцев: финны, чехи не зверствуют. А ведь у финнов есть все основания ненавидеть нас Мы первыми напали на Финляндию и оттяпали кусок их территории. Почему именно немцам свойственна такая жестокость? У меня это не укладывается в сознании! А ты как думаешь? Как это объясняешь?

— Давай сначала разберемся, что такое культура? Думаю так! Культура — это уровень развития интеллекта. Может и неправ, но пока считаю так. Это писатели, поэты, композиторы, художники, скульпторы, артисты, архитекторы, ученые. Их вклад характеризует уровень развития культуры.

Поведение человека в быту, в нашем случае на войне, конечно, связано с культурой, но во многом зависит от активности подкорки, от того какие исторические корни у этого народа. Давай назовем это цивилизованностью. Ты меня пойми правильно! Не думаю, что мои взгляды есть истина в последней инстанции. У меня свое мнение! Однако, немцы при высокой культуре, оказались не достаточно цивилизованными. Связь культуры и цивилизованности, а также низкий уровень цивилизованности немцев — предмет моих размышлений.

Продолжаю..

— Для меня в школе самым любимым предметом являлась история. Больше того скажу история моя страсть. В истории древнего мира и раннего средневековья часто встречается описание зверств и необъяснимой жестокости германских племен. Недаром в истории они называются — варварами Названия некоторых германских племен стали именами нарицательными. Например — вандалы. Теперь давай подумаем, от чего зависит поведение людей? От сознания! А сознание изменяется очень

медленно. Этим и можно все объяснить. В Германии появились крупные города. Сколько поэтов, писателей, композиторов она дала миру! Но это только изменение внешней оболочки, а глубоко в сознании, в подкорке, затаилось варварство

— Ты часто цитируешь поэтов. Это тоже твоя страсть? — спросил Гуляев.

— Еще какая! Мне всегда доставляло удовольствие не только чтение, но и заучивание стихов

— А как ты относишься к изобразительному искусству?

— О! Это моя самая большая страсть. В нашей школе был предмет — изобразительное искусство, сокращенно ИЗО, Перед тобой единственный ученик в классе, который самым серьезным образом относился к урокам по ИЗО и дома старался рисовать. Ничего хорошего не получалось. В нашем городе был художественный музей. Мои частые посещения этого музея привели к тому, что все работники музея. знали меня в лицо и здоровались каждый раз при встрече.

— Давай подведем итоги нашего разговора. История — твоя страсть, поэзия тоже страсть изобразительное искусство — страсть. Не. слишком ли много страстей для одного человека?

— Ты, что же, считаешь это недостатком?

— Я считаю это противоестественным явлением!

— Тогда давай вспомним сколько людей были талантливыми в разных областях искусства! Например: Лермонтов Шевченко прекрасно рисовали. Можно привести и другие примеры, скажем, Леонардо да Винчи..

— Ты, что же? Ставишь себя в один ряд с этими гениями?

— Ну, зачем же так! Просто показал, что людям свойственно интересоваться различными вопросами.

— Мы с тобой обсудили очень сложные вопросы. А сейчас бежим в строй! Слышишь ротный, как всегда, орет во весь голос?

Мы встали в строй. «Шагом марш!» — скомандовал ротный.

Колонна из серых шинелей, двинулась по дороге. Эта дорога опять стала казаться мне бесконечной. Однако, в жизни все кончается и она наконец, закончилась, когда впереди замаячил лес.

К реке мы вышли, когда уже стемнело. Лес, в котором мы остановились, довольно близко подходил к реке. Река была не широкой, но, как потом выяснилось, в среднем течении довольно глубокой. Брода не было. Слышу разговоры о том, что мы будем форсировать эту реку. Смотрю на реку, на ее берега и, пытаюсь оценить это место с точки зрения предстоящей переправы.

Моя учеба в пехотном училище не прошла даром. На занятиях по тактике нас учили оценивать местность с точки

зрения предстоящей боевой операции. Это стало привычкой, которая проявлялась и после увольнения из армии в течении нескольких лет..

Наш берег был пологим и, у самой воды, песчаным. Берег противника был крутым и глинистым, а это для нас минус, так как мы во время переправы, будем у противника на виду.

Река здесь делала излучину, выпуклостью к нам, а это уже плюс, так как затрудняло противнику использование флангового огня во время нашей переправы. Огневые точки противника в районе переправы можно подавить. Вероятно, командир полка взвесил все эти плюсы и минусы и выбрал это место для переправы.

Выходить из леса нам запрещалось. Да и без запрета все понимали, что этого делать нельзя.

Нашелся боец, который согласился переплыть реку с концом шнура в зубах. С наступлением темноты он поплыл. Выбравшись на противоположный берег, дернул шнур, что означало — к шнуру можно привязать веревку. Боец вытащил веревку. К концу ее был привязан канат. Было ясно, что ему не хватит силы вытащить канат. На помощь переплыли еще два бойца.

Втроем они вытащили из воды канат, и привязали его к какому — то пню. Началась переправа. Переправлялся весь полк, а это 9 стрелковых рот и много других подразделений..

«Первая, вперед!» — была подана команда.

Бойцы переправлялись вплавь, перебирая руками по канату. Так переправляться одно удовольствие.

К переправе каждый подготовился следующим образом. Сапоги снимаются и портянки убираются внутрь сапог. Затем сапоги заправляются за поясной ремень за спиной, головками вверх. Если сапоги оставить на ногах, то они заполнятся водой и потянут вниз. Оружие у нас отобрали, чтобы перевезти его на плоту. Комсорг отобрал комсомольские билеты, чтобы их тоже перевезти на плоту.

За первой двинулась вторая, третья и остальные роты. Когда очередь дошла до седьмой роты, забрезжил рассвет. Эта рота была обнаружена и, фрицы открыли огонь. Однако, рота успела перебраться без потерь. По реке стелился туман и при переправе восьмой роты, противник, хотя и вел огонь, но это был неэффективный, неприцельный огонь. Потерь там тоже не было.

Дошла очередь до нашей девятой роты. Солнце встало, туман рассеялся, Какое прекрасное утро наступило для всех, но не для нашей роты! Едва мы вышли из леса, как сразу попали под губительный огонь.

«На убой гонят, гады!» — проворчал Гуляев.

Испугано озираюсь по сторонам, не слышал ли кто его крамольные слова? Ведь ясно, что за такие слова можно, запросто, угодить под трибунал. «Молчи, дурак! Может быть, переберемся, а будешь болтать, получишь пулю в затылок!» «От дурака слышу! А об опасности и без тебя знаю».

Если при переправе восьмой роты, огонь противника был неэффективным, то при переправе нашей роты все было наоборот. Вода постепенно становилась красной от крови наших бойцов..Оставляя на поверхности красные круги, мои сослуживцы, один за другим уходили под воду.

И тогда меня осенила, как мне казалось, гениальная мысль. Зачем держаться за этот канат? Плавать умею! Конечно не чемпион, но могу, не спеша, проплыть большое расстояние. Если плыть в стороне от каната, фрицы подумают, что это плывет какая — то коряга. Зачем по ней вести огонь? Ну, а если разглядят мою голову, то решат, что этого одиночку можно пристрелить и попозже.

Рассудив, таким образом, отпускаю канат и, сразу же, иду на дно, непрерывно глотая смесь воды с кровью своих товарищей. Страх перед смертью, невероятный ужас сковал мне руки и ноги. Всем известно, что, когда человек тонет, то он совершает беспорядочные движения руками и ногами. У меня все было наоборот. Даже пальцы правой руки, которой держался за канат, так и застыли в том. положении, в котором были в момент, когда они разжимали канат.

За мной, близко ко мне, плыл Петров и было видно, как тугая темно — красная струя крови фонтаном вырвалась из его груди. Эта струя непрерывно расширялась, окрашивая в кровавый цвет воду вокруг него и меня. В него попала пуля, предназначенная мне! В народе говорят, что нет худа без добра. Начал тонуть, остался жив..

Едва мои наги коснулись илистого дна, какая то неведомая сила швырнула меня на поверхность. Почувствовав удар о канат, судорожно, с невероятной силой, хватаюсь за него и, понимаю, что это спасение. До берега совсем недалеко.

Перебирая руками канат, продвинулся к берегу и вот уже ногами задеваю дно Можно идти, а не плыть. Однако, ноги отказываются держать меня и снова погружаюсь в воду с головой. Опять глотаю воду. Снова хватаюсь за спасительный канат и, перебирая руками, добираюсь до берега.

Берег глинистый, скользкий. Ведь в этом месте из воды вышло много бойцов. Они размесили глину. Мои руки скользят по глине. Весь в глине, и лицо, и руки, и обмундирование. Навалился грудью и животом на какой — то валун. Сразу же все,

чего наглотался, вышло наружу вместе с остатками не переваренной пищи.

Наверное, так и лежал бы автор этих строк, если бы не комсорт батальона

— Вот твой комсомольский билет! Держи!

— Почему фрицы прекратили огонь? И что это слышится ура справа?

— Первые роты нашего полка провели фронтальную атаку, а левый фланг противника атаквали подразделения 766 полка. Вот фрицы в панике и отступили.

Вот сейчас, когда я набираю на мониторе компьютера свои воспоминания, мне на память пришли слова поэта Николая Тихонова

И враг бежит смятенный и голодный,
Кляня судьбу проклятую свою,
Как завершение воли всенародной,
Слова вождя исполнились в бою!

Читатель догадался, что под словом «вождь» подразумевался Сталин, так как это было написано в те, недоброй памяти, времена.

Но в то время мне было не до стихов. Спрашиваю комсорга батальона

— А что это орет командир роты?

— Не орет, а командует! Кто не получил оружия — получить! Приготовиться к построению! А что это ты, как вареный? Чего разлегся? А что это за жижа вокруг тебя?

— Чуть не утонул!

— Чуть не считается! Если до Берлина идти, знаешь, сколько таких переправ будет?

— Сколько?

— Сто, а может быть и тысяча!

— Еще одну такую переправу мне не пережить!

— Еще как переживешь! Беги, получай оружие и скорее в строй! Иначе тебе худо будет!

— В колонну по три, становись — гаркнул ротный.

С трудом встаю на обессиленные ноги и ковыляю в строй. Такое впечатление, что в ногах газированная вода. Ноги, как бы пружинят и подгибаются при каждом шаге

Через некоторое время, рота вливается в походную колонну полка и, бесконечная серая лента двинулась за отходящем противником. Мне стало казаться, что ничего необычного не произошло. Вроде, как шли, так и идем. Все идет отлично. Все же

опустевший желудок давал о себе знать. Ужас, как мне хотелось есть, но надо идти к новым боям, к новым переживаниям. Такая жизнь на фронте, а тем более на передовой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО...

Презираю человека, если он изменник шалый...

Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»

Наш марш после переправы закончился на передовой..

Сначала лирическое отступление. Вспоминаю песню первых послевоенных лет. В этой песне есть такие слова:

— Ишь, ты — сказали ребята — видно парень быть первым привык!

— Ах! Сказали девчата — сразу видно — фронтовик!

Людей, которые были на фронте, называли — фронтовиками.

А теперь разберемся, что такое фронт. Пишущий эти строки, кроме фронта, где он был на передовой, также обучался в военном училище несколько лет, закончил его с отличными оценками по всем предметам, кроме физподготовки — так в армии называются занятия физкультурой.

В военных училищах курсантов, которые имели отличные оценки по всем предметам, кроме физподготовки, называли теоретиками. Вот и мне приклеили этот ярлык. Но обиды за это прозвище у меня не было. Короче, у меня имеется достаточно знаний Боевого устава, для дальнейшего повествования.

В отношении термина «фронтовик». Так получалось, что многие офицеры и бойцы становились постоянными (штатными) фронтовиками. Получит человек ранение, подлечат его и опять на фронт. А в это время в тылу офицеры служили и не знали, что такое свист пуль, вой снарядов. Это вызвало недовольство и ропот у многих фронтовиков. Видимо это дошло до Сталина и, появился приказ, по которому каждый офицер должен не менее двух месяцев повоевать на фронте. В военном училище, где проходило мое обучение, шесть офицеров были направлены на фронт. Вернулось только четыре человека.

У читателя возникает недоуменный вопрос. Зачем автор размнивается на мелочи и отходит от изложения своих воспоминаний? Отвечаю!

Прошло 60 лет, как закончилась война и, очень многие «мелочи» стали неизвестными. А ведь они характеризуют эпоху, передают атмосферу тех лет! Недаром Петр Великий говорил: — «Великое в малом!»

К тому же без знания некоторых элементарных положений нельзя, прочувствовать суть событий, которые происходили в то

время, дух того времени.

Философия учит, что развитие идет от простого к сложному, вот и мы пойдем по этому пути.

Рота — основное тактическое подразделение, численностью около 100 человек. В нашей роте, после формирования, было 96 человек. Наступательный бой рота ведет на фронте 100 м, а в обороне занимает позицию 350 м по фронту и в глубину. Командир роты находится в цепи роты.

Батальон — в обороне занимает по фронту и в глубину — 700 м. (две роты в линию). Еще одна стрелковая рота находится за ними. Командный пункт комбата находится на расстоянии 700 м. Это тоже передовая.

Полк. Штаб полка и руководство находится в 3 — 5 км от передовой. Для дивизии это расстояние составляет 12 — 16 км, а для армии 120 — 150 км. Это в обороне, а в наступлении все расстояния сокращаются.

Теперь читателю понятно, что условия на передовой и в управлении армией, совершенно различны. В управлении армией, а также в штабе армии, нет свиста пуль и воя снарядов. Поэтому те, кто прошел войну в управлении армией, очень часто говорят и, это не вызывает сомнений, что они прошли «от Москвы до Берлина», «от Волги до Шпрее».. Эти люди, как правило, не имеют, ни ранений, ни контузий, но имеют много наград

Это совершенно справедливо. Перешли наши войска в наступление, прорвали оборону противника. — значит штаб хорошо организовал наступательную операцию. Перешел противник в наступление. Наши войска устояли — штаб хорошо организовал оборону! Прорвал противник оборону, отступили наши войска — штаб хорошо организовал отступление наших войск. Во всех случаях награда вполне заслужена.

Ну, а за что награждать тех, которые идут с винтовками наперевес на окопы фрицев и при этом орут: — Ура? Они выполняют свою присягу, да к тому же их много. Нельзя же, черт возьми, награждать такую ораву! Да в стране и металла не хватит на это! К тому же, когда их награждать? Перед боем? Так они же ничего еще не совершили! После боя? Так из них практически никого не осталось. Несколько раненных обгорелых человек, которые находятся в санбате на операции. Их сразу же после операции отправляют в тыл на лечение. Остались живыми и пусть радуются! Вот такие дела, дорогой читатель!

Уверен, что система награждений показана вполне доходчиво.

Для иллюстрации изложу содержание моего разговора с сослуживцем. Этот разговор состоялся по истечении нескольких

десятилетий после окончания войны. Мой собеседник — фронтовик, прошел войну от Москвы до Берлина, в управлении армией, в службе ГСМ (горюче — смазочные материалы).

Задаю вопрос, какой эпизод войны произвел на него самое большое впечатление?

Вот, что он мне рассказал. Горючего на складе осталось мало. Ему приказали поехать в тыл на грузовике и привезти несколько бочек горючего. Дали трех солдат для погрузочных работ. Когда они возвращались ночью с полными бочками горючего в кузове, хлынул проливной дождь. Машина въехала в кювет. Вытолкнуть груженую машину из кювета они не смогли. Под проливным дождем, пришлось разгружать машину, выталкивать ее на дорогу и снова загружать. Вымокли все до ниточки. Это он считает самым кошмарным событием за всю войну.

Слушаю его рассказ и думаю, вот тебя бы в окоп, заполненный ледяной водой, на всю ночь! Этот эпизод приведен для иллюстрации сказанного выше!

Что это пишу только о пехоте? Были и другие рода войск. Например — авиация.

Взять любой авиационный полк. Он находился не ближе пятидесяти километров от переднего края, а то и намного далее. Оттуда никак не услышишь звука боя, гула орудий. Однако это тоже фронт. Летчики, а их в полку не более 10%, в боях сбивают самолеты противника и их сбивают. В это время они находятся в непосредственном соприкосновении с противником. Но это соприкосновение продолжается всего несколько минут. Мне могут возразить. Ведь бомбили же аэродромы?. Там тоже были убитые и раненные!. Но бомбили и города, железнодорожные станции, заводы. Там тоже были убитые и раненные, в том числе женщины и дети. Такой бой, резко отличается от боя, который ведет пехота.

Однако, все перечисленные категории военнослужащих являются участниками войны. Вот почему такие участники войны очень часто отказываются выступать перед молодежью, Им просто не о чем говорить! Ну, а в тех случаях, когда они все же выступают, то говорят о массовом героизме советских людей, о вероломстве фашистской Германии. напавшей на нашу страну без объявления войны и другие общие фразы.

Но вернемся к нашему повествованию.

В обороне войска передовой линии находятся в траншеях. Габариты траншеи были приведены выше. При ее глубине. 1, 5 м. передвигаться надо пригнувшись, чтобы не получить снайперскую пулю в голову.

Траншея не так уж безобидна, как кажется на первый взгляд.

В траншее часто бывает сырость, а во время дождя, если грунт глинистый, на дне траншеи появляется вода, которая, в зависимости от условий, может доходить до пояса, а то и выше.

Вода в траншее бывает и в тех случаях, когда уровень грунтовых вод высокий. В такой ситуации, чтобы окончательно измотать нас, противник ведет методический минометный огонь. Выползти из траншеи, залитой водой, значит погибнуть. С этим приходилось встречаться. Позже об этом будет рассказано. У окопников с годами появляется окопная болезнь, заболевание почек, суставов и других органов в нижней части тела.

В обороне тоже бывают случаи гибели бойцов, но намного меньше, чем в наступлении. Для иллюстрации приведу такой эпизод. Когда наш эшелон ехал на фронт, то в одном вагоне со мной находился парень, скорее всего моего возраста.

Войска в то время перевозили в товарных двухосных вагонах по 45 человек в каждом вагоне. Иногда использовались и четырехосные, но там было 90 человек.. Справа и слева от дверей — двухэтажные нары. Так вот этот боец время от времени восклицал:

— Грудь в крестах или голова в кустах!

Такое его ухарство мне казалось неестественным. Спустя много лет, об этом рассказал известному ученому, доктору медицинских наук в области психиатрии. Вот его ответ: — это типичный случай истерии. Как правило, мужчины редко бывают истеричными. Это удел женщин, но в данном случае парень не смог сдерживать своих эмоций. Мысль о возможной смерти в бою приводила его в истерическое состояние..

По прибытии на фронт мы с ним оказались в разных ротах, но однажды встретился мне боец из его роты. Поинтересовался, как сложилась судьба этого парня? В ответ услышал, что он погиб по собственной глупости: поднялся на бруствер и, обращаясь к фрицам, закричал: — «Немцы, сволочи, я вас не боюсь!»

И начал сползать на дно траншеи. Когда к нему подбежали, то увидели, что он убит выстрелом в голову. Эти его действия тоже истерия.

На передовой, когда смерть косит людей, надо иметь достаточную силу воли и не поддаваться эмоциям. Мною замечено, что на войне, на передовой, в бою побеждают и остаются живыми только сильные духом. Совершенно верно в Боевом уставе пехоты сказано, что «бой самое большое испытание моральных, физических качеств и **ВЫДЕРЖКИ** бойца.»

Однажды, появилась необходимость пойти в управление полка. Надо было отнести туда ротный миномет калибром 50 мм. Мин к нему не было, а поэтому он был не нужен, Вызываюсь

сделать это. Погода была солнечной. Сначала передвигался ползком, но, как только передовая скрылась из вида, пошел в полный рост.

Иду по тропинке вдоль опушки леса, который был по мою левую руку, а справа был луг. Слышу за опушкой леса женский смех. Сделал несколько шагов через кусты и увидел небольшую поляну. Посередине ее стол, сбитый из досок. У стола стояли и, над чем-то колдовали, три молоденьких девушки в военной форме. Это были очень симпатичные девушки, мне они приветливо улыбались и от этого становились совершенно неземными созданиями!

Нам, по прибытии на фронт, сообщили, что по приказу Сталина, женщинам нельзя приближаться к передовой ближе, чем на 20 км. А тут, пожалуйста, женщины в зоне боя.

Эти девицы начали подзывать меня к себе, обещая угостить вкусненьким. И опять невероятно соблазнительные улыбки, перед которыми невозможно устоять. Их предложение угостить было весьма заманчивым, что и заставило меня пойти к ним. Шел и недоумевал, почему такие симпатичные девушки обратили внимание на меня, такого худого и невидного. Да к тому же в прожженном, замызганном обмундировании.

Но тут послышался вой снаряда, очень громкий, что означало большой калибр. Бросаюсь назад на тропинку, но понимаю, что снаряд уже близок, так как вой сменился прерывистым шипением.

Оставалось одно, лечь на землю, плотнее прижаться к ней и, ждать свою судьбу. Мысль в таких случаях одна: — авось пронесет! Но не пронесло. Оглушительный грохот взрыва и на меня посыпались комья земли. Чуть поднявшись, стряхнул с себя землю и, увидел на кустах какой-то темный предмет. Когда падал, такого предмета на кустах не было. Инстинктивно протягиваю руку и, беру этот предмет. Какие-то темные волокна, довольно длинные.

Вспомнил, в детстве на мелководье, мне попадали в руки такие волокна, то были водоросли тоже довольно длинные. Но они были зеленные, а эти темные. Э, да они прикреплены к какой-то пластинке, немного выпуклой! Ничего не понимаю! Повернул пластинку противоположной стороной и увидел, что она розовая. Тут только до меня дошло — это кусок черепа одной из девиц.

Оглянувшись назад и с удивлением увидел, что стола нет, а вместо него огромная воронка. И девиц нет. Что же делать с этим куском черепа? Первая мысль — взять с собой. Потом можно будет показывать его друзьям.: Ой, до чего я додумался? Ведь все присутствующие будут говорить: — «Убил, поди, девчонку. гад ты

здакий! А теперь хвастаешься!» Ни в коем случае этот кусок черепа брать нельзя! Кладу его на куст, а чтобы он не упал, прикрутил волосами к ветке. Пошел дальше. Едва вышел на тропинку, как увидел офицера, который бежал мне навстречу Он спросил:

— Там рванул снаряд? Не знаешь, с нашими девушками, ничего не случилось?

— Нет их теперь! Все погибли!

— Да ну тебя! — и он побежал дальше.

Вот так печально закончился мой вояж в полк!

Время шло своим чередом, но однажды, под вечер, ко мне прибежал старшина и передал приказ командира роты немедленно явиться к нему. «Каску на голову! Возьми оружие и гранаты». Мне было ясно, что предстоит какое — то дело, скорее всего опасное.

Командир роты был краток, как телеграф.

— Возьми с собой двух бойцов, проникни, как можно ближе к переднему краю противника.. Запомни все, что увидишь. Обо всем мне доложишь! Исполни!

Все время вспоминаю интересную деталь, которая сыграла большую роль в описываемом событии. Около ячейки ротного стоял боец, лицо которого мне показалось незнакомым. Это был высокий парень, хорошего телосложения. Больше всего меня поразило его лицо — оно было холеным, как у офицеров белой армии, которые шли в атаку на Чапаева в одноименном фильме. В начале 30х годов этот фильм был очень популярным. Как только отошел от командира роты, он преградил мне дорогу со словами:

— Возьми меня с собой!

Было совершенно ясно, что дело опасное и, желающих участвовать в нем, найти будет трудно. А тут сам просится. Обрадовался и говорю: — «Пошли!»

До чего же неправильным было мое согласие взять его с собой, но в то время и не думал, что оно станет роковым. В какой — то песне есть такие слова:

Я был молод тогда и беспечен,

Я не мог оценить эту встречу!

Это обо мне!..

Вторым идти на это опасное дело попросился Зайцев. «Куда ты, сынок, туда и я. Так будет лучше!»

С наступлением темноты мы вышли из траншеи и двинулись к немецким позициям. Как только мы сошли с бруствера, старик лег на землю и пополз.

— Я буду двигаться ползком.

— До немецких позиций метров 800..

— Все 800 метров буду ползти.

— Нет, это невозможно. Мы так не дойдем до их передовой до утра. Вставай, пошли!

Обращаясь к своим спутникам, говорю, что самое опасное для нас это встреча с такой же группой фрицев. Они тоже ведут разведку. При такой встрече выживет тот, кто первым заметит противника. Поэтому идти надо, как можно тише, а главное непрерывно прислушиваться, Пойдем цепью. Расстояние друг от друга метр. Обязательно будем поддерживать зрительную связь.

Договорились о сигналах: моя рука поднята вверх, означает «Стой!». Махнул рукой — «Вперед!»

Мы двинулись вперед и без всяких приключений подошли почти к переднему краю немцев. Нам дорогу преградил лесной завал.

Поднимаю вверх правую руку. Группа остановилась. Подаю команду, как можно тише, — Ложись! Группа залегла.

Что такое лесной завал? Разъясняю.

Это такое препятствие, когда деревья надпиливаются на высоте человеческого роста и затем надламываются с таким расчетом, чтобы комель дерева оставался прикрепленным к пню, а само дерево находилось бы в наклонном положении, Крона дерева лежит на земле. Такой лесной завал создает существенные трудности для движения противника

Зайцев и тот парень лежат, а сам прислонился к сосенке, которая росла рядом. Нельзя же стоять на открытом месте! Хотя и темно, но силуэт хорошо виден на фоне неба.

Стою и думаю. Что делать? Это же не передний край. Его и не видно. Надо еще приблизиться к немцам, но как это сделать бесшумно?

Здесь несколько обстоятельств, которые надо учитывать..Такие препятствия, по законам войны, должны охраняться, Значит, поблизости должен быть секрет или пост противника. Передвигаться надо бесшумно, чтобы ветки не трещали! Ночью звуки хорошо слышны на большом расстоянии. Между деревьями могут быть установлены мины натяжного действия. Заденешь провод такой мины и, как поет Высоцкий, «и нету Кука!». Надо лечь и ползти поближе к пням, где ветвей поменьше. Тогда можно бесшумно приблизиться к передовой.

Но пока все это мною обдумывалось, молодой боец, тот с холеным лицом, встал и, решительным быстрым шагом направился на завал. Проходя мимо меня, он на ходу бросил:

— Я пошел!

Что делать? Сказать ему шепотом «Стой» он не услышит.

Сказать в полный голос — значит выдать себя. Это писать долго, а там все эти события заняли мгновения.

В ночной тьме он сделал 2-3 шага и, уже не было видно даже его силуэта. Ведь он шел на фоне лесного завала. Читатель и не подозревает, что это попытка оправдаться перед ним. Позже, когда меня будут обвинять в том, что не пристрелил предателя, это будет моим главным козырем. Правда, этот козырь не облегчит моего положения.

Боец приблизился к завалу и, двинулся на него, ломая ветви. Треск ломающихся ветвей, был очень громким, В ночной тиши он мне показался оглушительным. Что он делает? Но этот боец, вдруг швырнул в нас гранату и, с криком — "Сталин, капут!" — побежал к немцам. Этот свой крик он повторял и повторял и с каждым разом слова предателя становились все тише и тише.

Бросаюсь на землю и прижимаюсь к ней так плотно, как только мог. Лежим с Зайцевым ждем взрыва. В своей звериной злобе он перестарался, Граната шлепнулась далеко сзади, рванула, осколки просвистели над нами.

— Ты не ранен — спрашиваю старика.

— Цел и невредим — ответил старик. — Ты мне лучше скажи, что будем делать? Этот гад сейчас расскажет немцам, что мы здесь лежим и, они возьмут нас тепленькими.

— Что делать, что делать? Ясно что, будем уходить!

— Куда?

— Как куда! — непонятливость старика начала меня бесить — к своим, конечно!

— У тебя теперь нет «своих»! Неужели тебе не ясно? Ведь теперь тебя замордуют за то, что ты упустил предателя!

— А что я мог сделать?

— Это мы с тобой понимаем, а те, кто будет тебя допрашивать, этого не поймут! Ты, сынок, решай! Если чего решишь, я с тобой. Вместе будем горе мыкать в немецком плену! В плену, да живые! А эти, как ты говоришь «свои» тебя искалечат, а потом расстреляют и все дела. Плен все же лучше, чем расстрел!

— Только к своим! — отрезал я. — Пошли!

— Эх, не думал я, что ты такой глупый!

Много позже, вспоминая этот разговор, снова и снова убеждаюсь в правильности своего решения. Те, кто волей или неволей, оказался в плену, получили искалеченную жизнь. Их страдания на чужбине несопоставимо тяжелее, того, что пришлось пережить мне.

Да, что на чужбине! И после освобождения из плена они подвергались неслыханным издевательствам. Позже приведу

рассказ сослуживца, побывавшего в плену..

Сейчас, когда пишу эти строки, мне так и хочется воскликнуть:-"Великое счастье жить в своей стране!".

Мы с Зайцевым двинулись назад, к своей траншее. Добрались без приключений. Доложил все, как было

— Что — заорал на меня ротный — он убежал или ты его послал к врагам? Не финти, отвечай! Почему не пристрелил?

— Так ведь темнотища! Сделал два шага и уже не видно. К тому же он еще гранату в нас бросил. Не прижмешься к земле, получишь осколки в затылок!

— Хватит врать! Говори правду!

— Если ко мне нет доверия, спросите его — указываю на старика.

— Ну, что ты скажешь, говори! — в голосе ротного звучал гнев и злоба.

— Да, все так и было, как рассказал он! — с нотками отчаяния сказал старик. Чувствовалось, что он всей душой хочет мне помочь, но не знает, как это сделать.

— Спелись! За сколько, он тебя купил? За понюшку табака! Ничего, в Особом отделе разберутся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. В ОСОБОМ ОТДЕЛЕ

В страданиях родной своей земли
Мы правду золотую обрели.
Нас мудростью война обогатила,
Нам верность нашу волю берегла...
А ненависти — той, что душа жгла —
На два бы поколения хватило.

Поэт Илья Авраменко

Ротный начал названивать по телефону комбату. Из их разговора понимаю, что дело мое плохо. Капитан Рудь приказал снять с меня погоны и под конвоем двух бойцов отправить в тыл, в Особый отдел.

У меня отобрали оружие, гранаты, сняли с головы каску, срезали погоны. Теперь все процедуры превращения честного воина в преступника завершены.

Ротный поручил старшине возглавить конвоирование.

Старшина встал передо мною и скомандовал: — За мной!.

И вот, автор этих строк, скрестив руки за спиной, шагает к месту своего позора, где над ним должна свершиться экзекуция. Теперь мне было ясно, что все идет к этому. Какая — то слабость разлилась по всему телу. С трудом переставляю свои ноги, которые стали деревянными.

Сзади меня на два шага и чуть правее с винтовкой наперевес шагает Пигольдин, а чуть левее его также с винтовкой наизготовку идет Пошивалов.

Поворачиваю голову к Пигольдину, И сразу же его окрик

— Нечего головой крутить! Побереги ее для Особого отдела! Там тебе ее навсегда открутят!

— Ну, чего ты так рассвирепел, Пигольдин? Может все и обойдется! Допросят, увидят, что он не виноват и, отпустят!

— Чудик ты, Пошивалов! Из Особого отдела выносят только ногами вперед! Понял!

— Отставить, разговоры! — рявкнул старшина, — Устроили базар!

Этот разговор окончательно добил меня. Чувство обреченности овладело всем моим существом.

Шли мы долго, может быть час, а то и больше. Все в мире имеет конец и, моей дороге на эшафот подошел конец. Мы выходим на небольшую поляну — конечную точку нашего пути.

Перед нами автобус. В нем и помещался этот отдел.

В дверях автобуса появился рослый офицер в чистом обмундировании. Тыловики все ходят во всем чистом. Этим они отличаются от нас.

— А! Привели этого типа! Давайте его сюда! Да, поживее! Конвой! Отправляйтесь в свою роту!

. Меня втолкнули в автобус. Испугано озираюсь. Сидений в автобусе не было. Стоял стол, несколько табуреток и металлический ящик с висячим замком. Догадываюсь, что это у них сейф.

Эта обстановка и поведение офицера окончательно убедили, что дело мое — хуже не придумаешь.

Офицеры Особого отдела слегка прищурились, осматривают меня со всех сторон.

— Хорош гусь! — сказал один офицер, капитан по званию, обращаясь к присутствующим. Позже узнал, что это начальник Особого отдела по фамилии Овчинников. Кроме него в автобусе находился офицер этого отдела старший лейтенант Анисимов и сержант. Начался допрос. Ох, уж и страшен допрос в этом трижды проклятом отделе!

Вопросы сыпались, как из рога изобилия.

— Назови свою фамилию, имя, отчество! Откуда родом? Кто родители, дедушка, бабушка?.

Вслушав мои ответы, они, потирая руки, радостно переглянулись. Мне стало понятно, что они очень хотели найти врага и нашли его. У них появилась возможность показать себя настоящими патриотами, не жалеющими живота своего в борьбе с врагом. Когда они слышали, что мой отец был арестован в 1937 году, как враг народа, то от радости подпрыгнули вместе с табуретками. Какая удача — думали они! Вот это настоящая работа.

Капитан, скосив глаз, посмотрел на свой левый погон. Один просвет и четыре маленьких звездочки. Он прикрыл глаза и сразу же перед ним появился погон с двумя просветами и с одной большой звездой. Буду майором как только выбью из него признательные показания. Это будет проще простого! — размышлял Овчинников.

— Твой отец действительно враг народа? За что его посадили? Ты что — нибудь знаешь о его гнусных делах?

— Нам ничего не сказали. Пришли ночью с обыском и увезли отца. Мама ходила в НКВД, но ничего не узнала. Потом мы получили его письмо из Волголага, а через два года узнали, что он обморозился и умер.

— А теперь расскажи нам об этом случае с предателем...Кто

этот изменник? Почему ты взял именно его?

— Не знаю! Когда командир роты поставил передо мной эту задачу, он напросился идти со мной.

— Ты его до этого видел?

— Вроде бы, нет!

— Что значит «вроде?» Да или нет? — в голосе капитана чувствовалась злоба и ненависть ко мне.

— Не видел!

— Как же так? Никогда не видел этого предателя, а сразу же взял его с собой на такое опасное дело? Что — то ты мудришь, но мы тебя выведем на чистую воду! Говори всю правду. Только откровенным признанием ты сохранишь себе жизнь!

— Но, кто же мог подумать, что так все получится!

— Какое задание ему дал? В устной форме или в письменной? От кого получил это задание? Кому это задание должен передать предатель? С кем ты здесь связан?

Всех вопросов и не запомнил.

— Ты что же не понимаешь, что мы от тебя ждем откровенного признания. Еще раз повторяю, честно все расскажешь, мы сохраним тебе жизнь. Будешь молчать — пустим в расход!

Сильный удар кулаком в левое ухо свалил меня с ног. Поднимаюсь и говорю: —Я все рассказал!

— Не увиливай от ответа!

— Я больше ничего не знаю!

Удар в зубы. Из носа хлынула кровь. Потом удар левой с поворотом туловища. Этот удар был самым мощным. Отлетаю к противоположной стенке автобуса и ударяюсь об нее головой.

— Мне нечего сказать! — проглатывая кровь, текущую из носа, простонал я

Капитан стоял надо мной, окровавленным мальчишкой, упиваясь своей неограниченной властью. Эта власть пьянила его! Как сладка эта власть! Он понимал, что может сделать со мной все, что пожелает: забить до смерти. стереть в порошок, проглотить живьем, расстрелять! Он всемогущ! Ему эту власть дала родная Коммунистическая партия, ее ленинский Центральный комитет и лично Великий Сталин!

Не удивляйтесь, читатель! Эта формула, начиная со слова «родная...» была общепринятой вплоть до падения коммунистического режима.

Ну. а в отношении того, что ему власть дала родная партия? Может быть, автор этих строк выдумал все это? Нет! В тридцатых годах, когда шла титаническая борьба с «врагами народа» ЦК партии принял постановление, которое разрешало применение

пытках при допросе этих врагов. А этот окровавленный мальчишка был не только сыном врага народа, но и сам был таким врагом.

Мне было совершенно ясно, что он в это время думает о том, как ему повезло в жизни! Мог ли он, босоногий мальчишка, мечтать о таком всеисии над ЧЕЛОВЕКОМ. Капитан не понимал, что это всеисие не что иное, как всеисие ЗВЕРЯ над ЧЕЛОВЕКОМ и ему обязательно придет конец. И этот конец будет страшным, что и произошло в скором времени.

Как он, Овчинников, получил такую власть? Это заслуга его отца. Он замолвил словечко там, где надо и, этим открыл двери органов контрразведки. К словам такого заслуженного человека, каким был его отец, нельзя было не прислушаться! Ведь это он, вместе с доблестными латышскими стрелками, сбрасывал живьем Великих князей и других аристократов в шахту в Альметьевске. В настоящее время стало известно, что палачи перед казнью хорошо поживились за их счет.

Совсем недавно на аукционе Сотби продавались расписки красноармейцев в получении денег от этих аристократов. Эти невзрачные клочки оберточной бумаги шли по цене 10 тысяч долларов каждая.

А сколько Овчинников — старший лично расстрелял офицеров белой армии? Лучше не считать! Все равно собьешься со счета!

Отец капитана Овчинникова делился своим опытом с сыном. Тыча пальцем в голову сына, он говорил, что если выстрелить сюда, то голова разлетится на части. Лучше стрелять в затылок! Потом показывал болевые точки на теле допрашиваемого врага. А еще отец внушал ему, что не нужно церемониться с врагами. Их надо убивать! Только так можно защитить свою Родину и свой народ от происков врагов. Капитан хорошо усвоил поучения отца!

Это и вдохновляло Овчинникова. Он остервенело, со звериной злобой, наносил мне удар за ударом своими хромовыми сапогами. А мне оставалось только одно вскрикивать при каждом пинке и, сжавшись в комок, ждать следующего удара.

Как было бы хорошо, если бы этот мальчишка подписал признательные показания, — думал капитан. Тогда погоны майора ему обеспечены! А там, глядишь, и подполковник! Можно до самых верхов дойти! Образование у него хорошее — 7 классов. Вон нарком внутренних дел Ежов — ни одного класса!

Овчинников остановился. Утомился бедолага! Тяжелая эта работа — бить врага! Переведя дух, он обратился к старшему лейтенанту Анисимову.

— Ну что? — В расход?

— А куда еще?

— Посади его под деревом. Выставь двух часовых для охраны — сказал контрразведчик сержанту, который присутствовал на допросе — Приготовь веревки, чтобы привязать его к дереву. Будем его кончать!

Меня охватил ужас. Мысль о предстоящем расстреле, заставила меня сжаться в комок. С трудом выдавливаю из себя этот липкий страх. Защищаться надо, но как?

— Я все расскажу, только не знаю чего рассказывать — пытаюсь выкрутиться из положения, в которое попал. — Я ничего плохого не делал. Я сделаю все, что вы прикажете только не расстреливайте меня!

Меня вывели из автобуса, посадили под деревом, принесли веревки. Вокруг стали собираться бойцы. Их становилось все больше и больше. Но мне было не до них. Через окно автобуса было видно, что офицеры совещаются. Потом начали звонить по телефону. Вышли из автобуса и капитан, и старший лейтенант. Посмотрели на меня с нескрываемой злобой. Бросили сержанту::

— Привязать!

— Отставить! — послышался голос откуда — то сверху и справа от меня.. Поворачиваю голову в том направлении и вижу. На коне подъехал командир полка, майор Титов. Он посмотрел на меня строго. Сразу же понял, что он в курсе дела. Пытаюсь встать. Ничего не получается. Ноги подкосились и плюхаюсь на землю.

— Почему не пристрелил предателя?

— Темно было, ничего не видно. А потом он бросил в нас гранату и, мы прижались к земле.

— Ты что же в штаны наложил при виде гранаты? Поэтому не выстрелил?

— Нет, не наложил! Штаны то сухие!

Пытаюсь встать и повернуться спиной, чтобы продемонстрировать свои сухие штаны, но опять ничего не получается. Ноги совсем атрофировались.

.-Сколько тебе лет? — спросил он строго, оглядев меня с головы. до ног.

— Скоро будет 18 — едва выдавливаю из себя, дрожа всем телом.

— Я спрашиваю, сколько полных лет? — металлическим голосом спросил майор.. Видно было, что командир полка свирепеет.

— 17!

Стоявшие вокруг бойцы, видимо, переживали за меня. Послышались негромкие реплики: парень он не плохой, за спины других в бою не прячется, последним куском хлеба поделится...

Замечаю, что майор Титов прислушивается к этим репликам. Злобное выражение лица командира полка сменилось на нейтральное, а затем вроде бы он смягчился. Повернувшись к офицерам Особого отдела, он сказал:

— Надо посоветаться!

Все офицеры ушли в автобус. Соображаю, что они там решают мою судьбу. Совещались так долго, что мне показалась — прошла целая вечность. Как хорошо, что еще живой! Может быть, пронесет! — мелькнуло в моей голове.

Вышли все одновременно. Мне стало ясно — это конец. Сразу же слабость разлилась по всему телу. Чувствую, что теряю сознание. Мелькнула мысль: — потеряю сознание — это хорошо. Легче будет принять смерть! Начальник особого отдела обратился к сержанту:

Отведи его в роту!

Иду с сержантом и думаю. Что же это получается? Ни в чем не повинного человека избили до полусмерти! А как же открытый мною закон о победе справедливости? И вдруг меня осенило! Это не конец! Все еще впереди! Справедливость все равно восторжествует! От этой мысли даже идти стало легче. Все — так жизнь прекрасна и удивительна.

Несколько слов о репликах бойцов.

Когда меня призвали на службу в армию, а это было 8го января 1943 года, моя мама сказала: — «Сынок, если ты собрался поесть, а рядом голодный, разломи кусок хлеба и отдай половину голодному!»

— А если голодных рядом много? Как быть?

— Отдай половину хлеба тому, кто к тебе поближе! Ты увидишь, сынок, что тебе это потом обернется добром!

Вот так всегда и делал! Поэтому остался живой!

Пока в моей голове роились эти мысли, мы подошли к расположению роты, мне вернули погоны. Уселся их пришивать.

Так закончилась эта эпопея. После этих событий, у меня на голове появились первые седые волосы. К сожалению, с каждым переживанием их становилось все больше и больше. Мама после войны удивлялась — такой молодой, а уже седые волосы!

Но все же это был только допрос. Дело на меня не заводили. Это было большой удачей для меня. Ведь дело — это клеймо, вернее ярмо, на всю жизнь!

Совсем недавно мне стало известно из газет, что за время войны, на фронте было заведено 700 тысяч дел! Много это или мало?

Для ответа на этот вопрос приведу несколько цифр

Во время войны в вооруженных силах страны служило 30

миллионов человек. Эта цифра очень часто упоминалась в печати. На фронте было 10 миллионов. Откуда взялась эта цифра? Она получена мною в результате расчетов, сопоставлений, анализа появляющихся сведений в печати или в выступлениях высших офицеров. Если читатель не верит, то пусть проверит!

Так вот, отвечаю на поставленный мною вопрос: 700 тысяч от 10 миллионов будет 7%! Я в эти проценты не попал!

Чувствую, что у читателя возникает вопрос, Зачем заниматься этими расчетами? Что это дает?

Отвечаю! Это мое хобби! Чтобы доказать это, приведу еще один пример..

В фашистских лагерях смерти женщин перед уничтожением остригали. Эти волосы, после обезжиривания, использовались для изготовления тюфяков и других изделий. Помню, в кинохронике тех лет показывали огромные хранилища женских волос. Сверху лежала толстая светлая касса. Видимо ее отрезали с головы какой — то красавицы!.

В печати сообщалось, что в таком — то лагере смерти было уничтожено столько — то женщин. С них настригли такое — то количество тонн волос. Делением величины настрига на количество уничтоженных женщин мною был получен средний настриг с одной женщины — 70 грамм. Думаю, что никто не делал таких расчетов и приведенные цифры будут откровением для читателей.

В настоящее время это звучит кощунственно, но в те годы это было естественным и очень распространенным явлением.

Все это тоже война.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. БОЙ ЗА ГОРОД К.

Помню ночь, какой не знали люди
В войнах давних, отошедших лет:
Ярки вспышки тысячи орудий,
Дым в селеньях, пламенем объятых...

Поэт Виссарион Саянов

Каждый эпизод фронтовой жизни больно ударял по психике, но события, которые будут описаны далее, оказали несопоставимое ни с чем, эмоциональное воздействие на меня. Последствия этого дают о себе знать до сих пор. Впрочем, читатель сам во всем разберется.

К окрестностям города, за который нам предстояло вести бой, мы вышли ночью. Рота стояла на небольшой высотке над левым флангом противника.. Нам хорошо был виден бой между нашими подразделениями, наступающими вдоль шоссе и, противником, оборонявшем город.

Ночной бой это удивительно красивое зрелище! Светящиеся трассы огненные, красные, синие, зеленые прочерчивают ночную тьму. При выстреле из стволов стрелкового оружия вырываются небольшие клубочки огня. Особенно впечатляет пламя, вырывающееся из стволов артиллерийских орудий и минометов.

Все это создает великолепный узор в черном ночном небе.

Каждый боец со своей винтовкой, каждый пулемет, каждое орудие вносили свою лепту,. в эту огненную феерию. Впервые с удивлением вижу, что из выхлопных труб танков вырываются снопы искр. Это танкисты форсируют работу двигателей.. Окаменев от этого великолепия, впитываю невиданную мною, до той поры, красоту

Сразу бросилось в глаза наше огневое превосходство. Снопы огненных трасс с нашей стороны были гуще, чем со стороны противника. Вывод: надо атаковать фрицев! Естественно в голове возник образ Лермонтова в военном мундире с эполетами поручика и слова из «Бородино»

Не могут что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?

Но вдруг появляется Шота Руставели в остроконечной меховой шапке со своей знаменитой поэмой «Витязь в тигровой шкуре» и, укоризненно покачав головой, говорит со сталинским акцентом: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны!»

А тут еще бородатый Лев Толстой говорит басом: — «Дубина народной войны поднялась и опустилась на головы врага». Это надо понимать так, что надо еще решительнее наступать....

Впрочем, прозаиков цитировать трудно. И в голову сразу полезли другие Великие, вступившие в полемику с первыми Великими. Что тут поднялось! «Вперед!» кричали одни. Выигрывает тот, кто умеет ждать — возражали другие.

И вдруг, появилась народная мудрость в виде согбенной старушки, одетой во все черное. Указывая корявым коричневым пальцем на наши подразделения, она проскрипела: «Не лезь раньше бабки в пекло!»

Боже мой, такое началось в моей бедной голове, что с ужасом подумал: — Сейчас она лопнет от нахлынувших воспоминаний и непреодолимых противоречий!

Лирическое состояние моей души прервал грубый окрик командира роты:

— Ты что оглох! Команда была вперед!

Очнувшись от созерцания, вижу, как по склону вниз бегут наши бойцы, стреляя на ходу. Противник не выдержал нашего удара по левому флангу и отошел в город, чтобы там дать нам отпор.

В темноте смутно угадывались силуэты городских зданий. Командир роты дает мне задание прочесать правую сторону улицы. Сейчас сказали бы «зачистить.» В то время такого термина не было. Прочесать левую сторону он поручил Пигольдину.

Каждый бой страшен, но бой в городских условиях страшнее во много раз. В полевых условиях противник ведет огонь с одного направления. Это позволяет нашей артиллерии подавлять его огневые точки. Пулеметным огнем можно заставить фрицев спрятаться в траншее, что приводит к снижению интенсивности их огня. В городе все не так! Огонь ведется отовсюду: справа, слева, сверху с крыш и чердаков, снизу из подвалов. В таких условиях, невозможно сориентироваться и решить в каком направлении надо вести огонь, где он — противник. Да, он ведь везде!

Передо мной улица одноэтажных домов. Мостовая выложена булыжником. Противник вел огонь вдоль улицы и пули, ударяясь о булыжники, высекали из них снопы искр. Это тоже красивое

зрелище.

Некоторые пули шли рикошетом и, вместо привычного короткого свиста, слышалось длительное однообразное жужжание. «Словно жук майский!» — подумал я. Все было серым: дома, заборы. Окна закрыты ставнями. Нигде ни огонька Жителей тоже не видно.

Выполнялся приказ ротного так. Подбегаешь к калитке, и, изо всей силы, ударяешь по ней стопой ноги. Калитка отлетает в сторону, а в открывшийся проем даешь короткую автоматную очередь. Расчет очень простой, если есть фриц, то он обязательно откроет ответный огонь. У него не выдержат нервы. В моем случае, ответного огня не было, а это привело к снижению нервного напряжения. Кое — где, впереди, горели дома и, улица была немного освещена.

Сколько было «зачищено» домов, три или пять, не имеет значения для дальнейшего повествования. Только, когда моя нога должна была ударить по очередной калитке, она сама распахнулась и в проеме появилась фигура немца с винтовкой в правой руке. Мундир расстегнут — виднеется грязное белье и волосатая грудь. Мое положение было лучшим, так как мой автомат оказался напротив его груди. У фрица не было времени взять винтовку наизготовку и он, бросив ее, поднял вверх руки и закричал хриплым голосом: « Не убивай, русс, семья, дети!» Неожиданно, наши взоры встретились. В глазах фрица было столько мольбы, столько неподдельного ужаса, что у меня чуть не выпало из рук оружие.

То, что наши взоры встретились, имело роковое значение и существенно осложнило всю мою жизнь, но об этом позже.

Появление фрица было столь неожиданным, что у меня остановилось дыхание Волосы под каской встали дыбом..

Все, что описывается, заняло секунды времени. У меня не было другого выбора, как нажать на спусковой крючок. Допустим, он был бы взят в плен. Ну и что с ним делать? Вести под конвоем на пункт сбора пленных, который находится в двух или трех километрах от передовой? Это было бы самое неправильное решение.

Во — первых, не известно, где находится пункт сбора пленных. Можно проплутать всю ночь и его не найти.

Во — вторых, немец мог внезапно повернуться, вырвать у меня из рук оружие, прикончить меня и скрыться, так как мы были в разных весовых категориях. Автор этих строк был щуплым худым юношей, а немец был огромным сформировавшимся мужиком средних лет.

В — третьих. неизвестно, как бы оценили такие мои действия

товарищи по оружию, «Это, что же получается? Мы ведем бой за город, подставляем свои башки под пули, а ты всю ночь проболтался с одним единственным фрицем?» Скорее всего, они так бы сказали. Портить отношения с бойцами в боевых условиях — самое последнее дело. Ведь у каждого в руках оружие, а оно стреляет. Это каждому ясно! Далее события развивались так.

Автомат выплюнул огненную струю в грудь фашисту. Но что такое? Указательный палец судорожно нажимал и нажимал на спусковой крючок. Палец свело и разогнуть его было невозможно. Это продолжалось до тех пор, пока не кончились патроны в магазине автомата. Замок автомата хлопнув, застыл в крайнем переднем положении.

И тут произошло самое невероятное. Немец, наштигованный пулями, бросился на меня. А может быть, мне это показалось? Он просто падал. Ужас, охвативший меня, заставил совершить огромный прыжок в сторону. До сих пор твердо убежден, если бы этот прыжок зафиксировали спортивные судьи, это был бы мировой рекорд по прыжкам в длину. Вижу, что немец лежит неподвижно на земле. От страха у меня снова остановилось сердце и дыхание или мне это опять показалось? Ведь у страха глаза велики, как говорят в народе.

Придя в себя, побежал по улице дальше, но, пробежав несколько шагов, оглянулся и увидел, что убитый пристально глядит на меня. Новая волна страха овладела мною. Промелькнули в голове жуткие истории, которые нам в детские годы рассказывали взрослые

Что делать? Не хочу, чтобы он смотрел на меня! Чем все это обернется? На дрожащих от страха ногах, возвращаясь к убитому. Все нормально — лежит неподвижно. Голова у покойника повернута в мою сторону. Глаза открыты и, с каким то укором, смотрят на меня. Нагибаюсь и полою его мундира закрываю лицо. Теперь все будет в порядке! Он ничего не увидит!

Побежал дальше. Ряды деревянных одноэтажных домов упирались в поперечную улицу. На ней виднелся двухэтажный кирпичный дом, из всех окон которого фрицы вели шквальный огонь трассирующими пулями. Снопы огненных трасс прочерчивали темноту ночи. Они заполнили всю улицу. Высекали искры из булыжной мостовой.

Откуда — то сбоку выбежал ротный с несколькими бойцами. Мы прижались к стенам домов по обеим сторонам улицы. Командир роты приказал Гуляеву сбегать на выход из города и попросить помощь у командира противотанковой батареи.

Через несколько минут появилась противотанковая 45 миллиметровая пушка. Она имеет очень длинный ствол, что

обеспечивает высокую точность стрельбы. Укрывшись за щит, артиллеристы без труда катили ее по булыжной мостовой. Два бойца несли ящики со снарядами.

Командир роты указал на кирпичный дом, да артиллеристы и сами сообразили зачем их позвали. Работали они хорошо и, мы увидели, как снаряды рвутся на стенах этого дома

Этот дом был, видимо, дореволюционной постройки с толстыми стенами и не все снаряды проламывали их. Самый большой эффект достигался, когда снаряд попадал в окно. Вспышки выстрелов сразу же прекращались.

Один за другим загорались деревянные дома по обе стороны улицы Горящие бревна катятся по дороге. Чувствуется сильный запах гари. Едкий дым застилает глаза.

— Вперед! — скомандовал ротный.

Повинуясь его команде, мы устремились к кирпичному дому, в некоторых окнах, которого все еще мелькали вспышки выстрелов Бежать по улице невероятно трудно Горячий воздух обжигает лицо и руки. Даже вдыхать этот раскаленный воздух невозможно! Кажется, что шинель сейчас загорится.

Справа и слева от нас, на соседних улицах, вели бой 7ая и 8ая роты нашего батальона, которые наступали вдоль шоссе при подходе к городу. Они продвинулись вглубь города значительно дальше нас. Немцы, противостоявшие нам, увидели, что им грозит окружение и оставили двухэтажный кирпичный дом, мешавший нашему продвижению

Бой переместился к центру города, который был застроен кирпичными домами в два и три этажа. Здесь наше продвижение вперед приостановилось. Появился комбат Рудь. Он приказал командиру батареи противотанковых пушек открыть огонь по зданию, из окон которых фрицы непрерывно обстреливали нас.

Подоспела полковая артиллерия. Ее 76ти миллиметровые орудия имеют короткий ствол, что обеспечивает им подвижность, но дальность их стрельбы. незначительна. В этом бою она и не нужна.

2, 3 выстрела по дому. Сразу же обваливается часть стены. Загораются межэтажные перекрытия. Стреляя на ходу, мы по развалинам продвигаемся вперед. Иногда попадались тяжело раненные фрицы, а иногда и убитые.

Немцы всегда своих убитых и раненных при отступлении забирали с собой. В этом бою были брошенные раненные. Это означало не отступления фрицев, а бегство. С нашей стороны тоже были потери. Погибли двое из четырех бойцов, которые остались из пополнения, прибывшего к нам после боя у деревни «Грибовы Дворы»,

Постепенно двухэтажные здания сменились одноэтажными, пожарища остались позади, стрельба противника прекратилась.

— Девятая, ко мне! — скомандовал ротный

Мы столпились около него. Рядом со мной оказался Зайцев.

— Кажись фрицы — то сгинули! Тапереча нам прямая дорога к Брянску. Верно я говорю, сынок? — обратился ко мне старик.

— Вижу, что так оно и есть!

— В колонну по три, становись! Шагом марш!

Рота двинулась по улочке на выход из города. Оглядываюсь назад. Небо освещено уже меньше. Это значит, что пожарища пошли на убыль

Как-то быстро мы оказались на противоположной стороне города. Город — то небольшой!

— Влево, в цепь!

Мы быстро приняли боевой порядок. Ротный пробежал вдоль цепи, проверил правильно ли выполнена его команда и приказал окопаться.

Хлынул дождь. Грунтовые воды в той местности стояли высоко, да еще дождь, Наши окопчики быстро наполнились водой.

Немцы открыли по нашим позициям методический минометный огонь. При методическом огне разрывы мин следуют через равные промежутки времени. Это очень плохо действует на нервы. Окопчики заполнены ледяной водой, уровень которой все время повышается. Сидишь в воде, да еще сверху поливает дождь. Где выход? Осмотревшись, увидел невдалеке от моего окопа разрушенный дом. На развалинах виднеются листы металлической кровли. Решение возникло мгновенно. Выскакиваю из окопчика и бегу к развалинам.

— Куда побежал! Назад! — слышится грозный окрик ротного.

У меня всегда вызывало недоумение — как он успевает все увидеть! Не спит — что ли?

Все же успеваю схватить два листа кровельного железа и пару досок. Бегом назад к своему месту. Теперь избавиться от воды сверху и снизу дело несложное. В стенках окопа делаю небольшие ниши, в которые вставляю доски. Усаживаюсь на эти доски и, вытащив из воды ноги, чувствую себя почти счастливым человеком. Два листа железа образуют надо мной двухскатную крышу. О таком комфорте можно только мечтать! Даже сразу стало теплее. Какое счастье!

Но счастье мое, к сожалению, было не долгим. Под тяжестью моего тела и пудовой шинели, насквозь пропитанной водой, стенки окопчика под досками начали осыпаться и, снова плюхаюсь в воду. Кошмар! Ну что же! Буду вычерпывать воду

каской. Вскоре замечаю, что уровень воды в окопчике не снижается. Значит, вся моя работа, мартышкин труд!

Весь остаток ночи прошел в борьбе с водой. Эта борьба закончилась моим поражением. Такому волевому парню всегда было немудрено сознаться в своем поражении. Это было моим вторым позорным поражением. Первое поражение потерпел от крыс. На войне признавать свое поражение приходилось очень часто..

Наступил рассвет. Взошло солнце, прекратился минометный обстрел. Дождь перестал лить, как из ведра.

— Вперед! — командует командир роты.

Команду надо выполнять, а то сочтут за труса. Всегда боялся этого ярлыка, хотя бы потому, что трусов пристреливали. Хватаюсь руками за бруствер, пытаюсь подтянуться. Бруствер — сплошная глина и после дождя стал скользким и липким. Неудача! Вторая попытка, третья.

Вижу, по полю движутся наши бойцы, все дальше и дальше удаляясь от меня, а мне не удается выбраться из окопа. Не иначе, как песенка моя спета! Трус! Другого определения быть не может! Вся шинель, руки и лицо в глине. И тут появляется блестящая мысль — надо вылезать не вперед, где глинистый бруствер, а в бок, где трава. Вылез из окопа и едва распрямился под тяжестью шинели. Три пуда — не меньше!

Поле, по которому мы шли быстрым шагом, было изумрудно — зеленым. Одно удовольствие идти по такому полю! Промытый дождем воздух был невероятно чистым и даже густым. При вдохе, попадая в легкие, он буквально пьянил меня.

Поле было не только зеленым, но еще и бриллиантовым! Крупные капельки дождя на каждой травинке сверкали, как крошечные зеркальца. Травинки колыхались от легкого ветерка и, эти капельки непрерывно вспыхивали и гасли..

Останавливаюсь, как вкопанный, не в силах оторвать глаз от этого великолепия

— Не отставать! — рявкнул ротный в мой адрес.

Несчастный человек он не видит этого великолепия! Значит надо обратить его внимание на эту красоту. Ведь Солнце высушит травинки и бриллиантовая роскошь исчезнет!

— Товарищ старший лейтенант, посмо... — начал.

— Отставить разговоры! — злобно сверкнул глазами в мой адрес командир роты.

Создает же природа таких несчастных людей! — мне оставалось только, горестно вздохнув, укоризненно покачать головой в сторону ротного. Горбатого только могила исправит!

Однако, надо идти, а не любоваться травинками. Моя мама

говорила: — «Работе время, потехи час!»

Далеко, далеко слева темнел лес. От него, нам наперерез, языком вытягивался сосновый бор, который обрывался не доходя до дороги, идущей на Брянск, метров на сто. Вдали виднелся второй такой язык, а там угадывался третий...

Со стороны противника огня не было, шинель стала высыхать, идти становилось все легче и легче. Оставалось только напевать «Как прекрасен этот мир, как прекрасен...»

Но этот мир оказался не таким прекрасным, как подумалось вначале, а уж, если быть совсем точным, то ужасным! То, что произошло потом, было настолько тяжким, что опускаются руки и, ужас, как не хочется вспоминать. Но тут на ум приходит народная мудрость — взялся за гуж, не говори, что не дюж! Приходится продолжать работу. События, которые происходили на войне, все время всплывают в памяти, не дают спать по ночам. Хочешь, не хочешь, а пиши. Такова моя судьба!

То, что показывают по телевизору, только, очень отдаленно можно назвать войной. По экрану движутся солдаты и офицеры в светлых чистых дубленках, в красивых шапках — ушанках, в валенках! Лица их чисты, как утренний снег. А где прожженные шинели с засаленным левым плечом? Оно не может быть не засаленным! Винтовку носят на левом плече, когда подается команда: «На плечо!» Где измученные не выспавшиеся грязные лица? Наконец, где крысы и вши? Решительно скажу, фильмы ставят люди, которые ни одного дня не были на передовой! В титрах, перед фильмом, показывают имена военных консультантов: генерал — майор такой — то, полковник такой — то, которые появились на свет через десятилетия после окончания войны!

Опять отвлекся!

Цепь идет по полю и вдруг из того соснового лесочка, к которому мы приближаемся, раздается выстрел и один боец, на самом левом фланге, падает убитым. Второй выстрел и снова убитый тот, что шел правее него. Все-таки немцы неисправимые педанты! Этот снайпер ведет огонь точно так же, как та артиллерия, которая расстреливала нас ранее: последовательно слева направо.

Мое место в цепи ближе к левому флангу, а снайпер все время перемещает свою черную работу с левого фланга к центру боевого порядка роты. Смерть приближается ко мне..

Боец, который шел слева от меня, ткнул носом в землю и застыл. Теперь моя очередь. Жить мне осталось шесть секунд. Столько требуется снайперу времени, чтобы перезарядить винтовку, подвести перекрестие нитей оптического прицела в

грудь своей жертвы и нажать на спусковой крючок. Это мне известно. Что делать? Идти вперед погибнешь от пули снайпера. Залечь? Пристрелят свои! Как поется в одной послевоенной песне "Куда теперь пойти солдату и где искать судьбу свою!.

На прощание с жизнью мне хватило двух секунд. Еще одной, двух секунд хватило на мысленное прощание с мамой. Вот и кончилась моя жизнь! Впереди небытие! Мысли скачут в голове с невероятной скоростью.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ШЕСТЬ СЕКУНД

Еще идя сквозь ужасы войны,
Мы испытали все и в полной мере,
Кому — нибудь потомки не поверят,
Кому — то не поверят, нам должны!

Поэт Александр Прокофьев

Итак, жить мне осталось шесть секунд.

Вдруг раздается команда ротного.:

— Ложись!

Ох, как страстно мне хотелось услышать эту команду! Видимо, все-таки существует передача мыслей на расстояние! Если бы все было не так, то не было бы меня на свете!

Бросился на землю с космической скоростью. Над головой просвистела пуля снайпера. Первая мысль, которая промелькнула в голове — живой!

Ротный двум бойцам дает приказ, скрытно, лесом, который был слева от нас, продвинуться в лес перед нами и захватить в плен или уничтожить снайпера. Этот приказ был выполнен прекрасно.

Через некоторое время мы увидели, что из лесочка появляется фриц, которого ведут с винтовками наперевес наши бойцы. На пленном был мундир насыщенного зеленого цвета — точнее цвета хвои. Такого цвета мундир мне никогда не доводилось видеть на фрицах.

Что же это такое получается? По полю к нашему расположению движется солдат противника, который только что убил нескольких моих товарищей. Таких хороших веселых остроумных парней! Видеть это было свыше моих сил и, поднявшись, кричу, обращаясь к ротному:

— Немца надо бы пристрелить! Столько наших бойцов угробил, гад!

Дальше произошло то, чего никак нельзя было предвидеть. Просто нечто невообразимое. Все бойцы роты вскочили, как по команде вскинули винтовки и, передергивая затворы, начали кричать конвойным, чтобы они отошли от пленного. У каждого палец на спусковом крючке. Конвойные в нерешительности остановились. И тут раздался зычный голос ротного:

— Отставить! Прикрыть своими телами пленного!

Обращаясь ко мне, злобно рявкнул:

— Ко мне!

Подбегаю и вижу, что ротный весь красный от злобы. Это самый точный признак того, что он взбешен.

— Ты где служишь? В Красной Армии или у батьки Махно?

— В Красной Армии!

— Тогда какого черта ты роту мутишь? Под военный трибунал захотел?

— Так ведь он столько наших бойцов убил!

— Есть Гаагская конвенция, которая запрещает убивать пленных! Иди, а если еще подобное сделаешь, под трибунал отдам!

Вясняв, что снайпер голодный, не ел со вчерашнего дня, ротный приказал покормить пленного остатками хлеба, который был у запасливого старшины. После того, как пленный утолил голод, его отправили в тыл на пункт сбора пленных.

Рота без приключений вступила в густой сосновый бор. Приехала кухня.

И тут к кухне подъезжает на коне командир полка майор Титов и приказывает показать суп, которым нас кормят. Повар помешал черпаком в котле, затем поднял черпак с супом и поднес его к командиру полка. Майор придирчиво осмотрел содержание черпака. Суп ему не понравился и, он грозно закричал — «Капитан Рудь, старшину батальона ко мне!»

Здесь нужно объяснить, что такое старшина батальона и старшина роты. С последним все ясно. Он является , как бы, завхозом в роте.

На батальон полагается одна кухня, которая поочередно кормит каждое подразделение батальона. Не случайно в тексте применен термин «подразделения батальона», так как, кроме трех стрелковых рот в батальоне имеется минометная рота 82х мм минометов, пулеметная роты станковых пулеметов системы «Максим», батарея 45 миллиметровых противотанковых орудий, взвод связи, медсанвзвод и другие подразделения. Старшина батальона заведует кухней и получает продукты для нее..

Комбат тут же приказал старшине батальона предстать перед светлыми очами майора.

Прибежал перепуганный на смерть старшина.

— Ты чем кормишь бойцов, скотина? — заорал страшным голосом комполка.

— Какие продукты дают, такие и закладываем в котел! — заикаясь от страха, пролепетал старшина.

Плеть, которой командир полка погонял коня, со свистом,

легла на плечи старшины. Он даже присел от удара.

— В строй его, в рядовые! Капитан, приказываю назначить нового старшину и впредь контролировать качество пищи!

Тогда мы думали — какой заступник наш полковой. Теперь же, печатая эти воспоминания, думаю, как ловко он сыграл на популярность. В юности был романтиком, теперь стал прагматиком..

Поели.

Вдруг, вижу, по лесу бежит Гуляев, а над его головой туча свирепых пчел. Несчастный махал руками, отгоняя от себя этих озверевших насекомых. Потом стало известно, что он обнаружил пчелиное гнездо на дереве. Не долго думая, Гуляев полез в дупло, надеясь полакомиться медом.

Два бойца бросились на выручку несчастному. Они сбили его с ног и набросили на него шинель. Пчелы тотчас уселись на шинель и стали ползать по ней, надеясь найти хотя бы самую маленькую щелку, чтобы прикончить своего врага. При этом они недовольно жужжали. Однако, убедившись в тщетности своих поисков, поднялись в воздух и, сделав над поверженным врагом круг почета, улетели восвояси.

Гуляев, сделав маленькую дырочку в укрывавшей его шинели, спросил тихим шепотом: — «Что, улетели эти гады?» Услышав положительный ответ, вылез из — под шинели Бойцы стали обсуждать происшедшее и пришли к выводу, что пчелы хуже фрицев. Ведь от фрицев можно отбиться оружием, гранатами, а на этих хищников нет управы.

Затем в центре внимания оказался Пошивалов. Обращаясь ко мне, он сказал,

— Вот ты своим предложением чуть не вызвал самосуд над фрицем! До взятия меня в плен в нашей роте произошел похожий случай.

Сидевшие рядом с ним бойцы, стали просить его рассказать об этом и он начал свой рассказ.

— Было это за месяц до моего пленения. Наша рота обедала в небольшом лесочке. Среди нас оказался пленный фриц. Может быть, он отстал от своей части или еще по какой — то причине, но оказался в нашем плену. Ротный решил после обеда отправить его в тыл на пункт сбора пленных.

Мы спокойно обедали. Дали поесть и пленному. Все бы хорошо, но он вдруг заговорил на чистом русском языке. Это было настолько странным, что все даже оторвались от еды и с удивлением рассматривали необычного пленного.

А ведь было чему удивляться. Если он русский, то почему воюет против нас? Если не русский, то почему так свободно

говорит на нашем языке? Бойцы переглядывались и на их лицах было выражение недоумения

Эту общую растерянность нарушил старшина роты, Опустив ложку в котелок, поставил его на землю и , встав с земли, пошел к пленному.

Подойдя вплотную, он сильно размахнулся и, вlepил фрицу оплеуху. И тут произошло нечто совсем необычное. Все вскочили и бросились на пленного. Начался самосуд. Каждый стремился ударить пленного, да побольнее. Офицеры с криком — Отставить! Разойдись! — бросились к этой свалке, пытаясь остановить самосуд. Они хватали за гимнастерки отдельных бойцов, пытаясь оттащить их в сторону. Но куда там! Бойцы так разъярились, что остановить их было невозможно.

Командир роты выхватил пистолет и несколько раз с криком — Разойдись! — выстрелил в воздух. Но все попытки остановить бойцов и прекратить расправу не дали результата.

Короче говоря, когда с пленным было покончено, все стали расходиться по своим местам.

Ротный приказал построить роту. Он прошелся вдоль строя, остановился и начал нас отчитывать.

— Мы, что же? Армия или банда? Если он в чем — то виновен, то для этого есть военные юристы. Они определяют меру наказания, А вам, кто дал право — чинить самосуд? Это же зверство! Беспредел! В какое положение вы поставили меня? Что же я за ротный командир, если в моей роте творятся такие безобразия? Как мне объяснить командованию этот случай? Ты, старшина, дал сигнал для расправы над пленным. С тебя командование и спросит!

— А что я плохого сделал? Я же не знал, что все бросятся на расправу! Только по морде ударил, да и то не так сильно, — оправдывался старшина.

— Чем же все это кончилось? — спросил Гуляев,

— А нечем! Пришли из Особого отдела осмотрели место расправы. Сказали ротному, что пленного следовало отправить на пункт сбора пленных без промедления. То, что осталось от этого пленного, закапали и, рота двинулась дальше. И все дела.

— Эх! Поторопился ты со своим предложением пристрелить фрица, — сказал Гуляев, обращаясь ко мне. Вот, если бы ты предложил прикончить этого снайпера, когда его привели расположение роты, то было бы то же самое, что рассказал Пошивалов...

— Того же самого не нужно, — сказал Зайцев —. Может у него детишки, жена, Для них потеря была бы большим горем. А так, закончится война и, этот пленный вернется домой. Все будут

радоваться. Чай они тоже люди!.

В это время в центре внимания оказался боец, который прибыл в нашу роту в составе пяти человек. Ими пополнили нашу роту после боя у деревни «Грибовы Дворы»..

Он рассказал, что у них тоже был похожий случай. Вот его рассказ.

В одном бою они захватили в плен пять фрицев. Их сразу же обезоружили, проверили не прячет ли кто из них под одеждой оружие. Казалось, что все в порядке.

Пришел в роту командир батальона капитан Морозов. Это был всеобщий любимец. Он никогда не отделялся от бойцов. Даже питался из общей кухни в отличие от нашего комбата капитана Рудь. У нашего были барские замашки. Даже еду ему готовили отдельно. Проходя мимо его ячейки, бойцы видели, как ему жарят на костре американскую свиную тушенку.

Морозов заботился о бойцах и к каждому относился как к сыну. Видно было, как он переживает за каждого убитого. А уж о раненных и говорить нечего. Были случаи, когда он сам делал перевязку раненному бойцу. Рассказы о его благородстве передавались от одного бойца к другому из уст в уста. Эти его качества обеспечили капитану всеобщую любовь.

Бойцы говорили, что за таким командиром можно идти в огонь и в воду, а в случае опасности можно и прикрыть его своим телом.

Вот какой замечательный был у них комбат.

Первым делом он похвалил бойцов, взявших в плен фрицев. Объявил, что всех представит к наградам. Затем он приказал построить пленных в одну шеренгу и, пошел вдоль шеренги, всматриваясь в лица пленных. Зачем ему это нужно было, никто не мог понять.

Вдруг один из пленных выхватил, откуда — то, из — под одежды, маленький пистолет и выстрелил в упор в голову капитана. Морозов рухнул, как подкошенный. Не было, ни стоны, ни крика. Наступило всеобщее оцепенение. Никто даже помыслить не мог, что может произойти такое страшное событие у всех на глазах.

И тут один из бойцов, сибиряк, подскочил к убийце и, сильным ударом свалил его с ног. В одно мгновение он выхватил из рук пленного пистолет и отшвырнул его далеко в сторону.

Затем началось самое страшное. Сибиряк вытащил из — за пояса острый нож и начал кромсать фрица. Первым делом он выколол ему глаза, отрезал уши, нос. Так он мучил фрица до тех пор, пока тот не испустил дух. Все присутствующие оцепенели и никак не реагировали на эту расправу.

Сибиряк встал, вытер о мундир убитого нож и сказал: — «Собаке собачья смерть!»

Все молчали и, только командир роты сказал одно слово: — «Закопать!»

Пленным дали лопаты и они быстро выполнили это дело.

Едва закончился этот рассказ, как произошло другое событие, касающееся меня.

Сажу под деревом и вижу — к командиру роты подошли контрразведчики — мои старые знакомые. Капитан Овчинников и старший лейтенант Анисимов. О чем — то, поговорили. Посмотрели на меня, потом, по очереди, на какую — то бумагу и направились ко мне.

— Встать! Пойдешь с этими офицерами в Особый отдел! Возьми с собой вещмешок! Оружие оставь. Старшина! Взять оружие!

— Есть! — беру под козырек.

Вот дела! В армии порядки такие же, как в тюрьме. Если говорят — с вещами на выход — значит куда — то переводят. Не иначе, как хотят перевести на другое место службы! Может быть в Особый отдел? А что? Образование у меня хорошее, парень дисциплинированный. Да такого парня днем с огнем не найдешь! Вот счастье! Пули над головой свистеть не будут. Крысы по ночам по мне бегать не будут! От вшей избавлюсь. А, может быть и, обмундирование заменят. Ведь на мне не обмундирование, а какой — то прожженный засаленный хлам. Решительно скажу — мне в жизни повезло. Глядишь, так и всю войну удастся пережить без всяких ран и увечий! А сколько будет наград! Как поется в песне — «золотистых орденов не сосчитать!»

.Со мной идет только капитан Овчинников. Краем глаза вижу, что Анисимов остался на том месте, откуда меня взяли и, тщательно осматривает каждый квадратный сантиметр земли. Вот чудак! Что он там потерял?

Смотрю, навстречу идет какой — то боец. Расправляю плечи и гордо вскидываю голову. Взглядом полного презрения, сверху вниз, смотрю на этого несчастного. Мысленно команду: — «Стоять по стойке смирно! Контрразведчик идет!»

Наконец пришли к моему новому месту службы. Гордо вскидываю голову — теперь я не просто пушечное мясо, а контрразведчик!

Автобус, в котором помещается Особый отдел, мне хорошо знаком. Увидев этот автобус, испугался! Чувствую, что ноги подгибаются от страха.

— Шагай, шагай!

Когда вошли в автобус, капитан сказал:

— Ну, что снова встретились! Сейчас ты у нас заговоришь! Расскажи, давно ли ты занимаешься мародерством? Много ли вытряс из карманов убитых? А знаешь ли ты, что за мародерство на войне, полагается расстрел?

Вот такой поворот событий! Вместо нового места почетной безопасной службы — новый допрос!

— Я не понимаю, о чем Вы говорите?

— Сейчас поймешь! Есть очевидец, который видел, как ты вытрясал карманы убитого немца.

— Я ничего не вытрясал! Мне ничего не надо! Делаю то, что приказывает ротный и, стараюсь делать это, как можно лучше!

— Хватит морочить мне голову! Один боец, не в пример тебе, настоящий патриот, все твои проделки нам описал. Он все видел своими глазами. Смотри!

У меня перед глазами появился листок из ученической тетради в линейку. На нем карандашом было что — то написано. Капитан моментально убрал листок..

— Сейчас я тебе прочту сообщение о твоём мародерстве! Слушай!

Из прочтенного с ужасом узнаю, что, увидев убитого немца, «...он начал трясти полы его мундира, для того, чтобы заполучить все, что было в карманах убитого...»

Боже мой, а мне было неизвестно, что такой преступник, как я, затаился в нашей роте!..

— Все было не так! Зачем врать? Зачем на меня возводить такой поклеп?

— Ну, так расскажи, как было на самом деле! Интересно узнать, как ты будешь выкручиваться! Твой отец — враг народа и, ты с детства пропитался звериной враждой ко всему честному! Ты в силу своего рождения не можешь быть честным человеком! Послушаю, как далеко зайдет твоя фантазия! Говори!

Чувство обиды и мысль о том, что в отношении меня совершается несправедливость, страх перед неминуемой расправой, сделали мой рассказ неубедительным и бестолковым. Было совершенно ясно, что, если в прошлый раз, как — то обошлось, то уж теперь доказать свою невиновность будет невозможно. Дополнительной сединой дело не кончится.

Появился старший лейтенант Анисимов. Капитан бросил на него взгляд и, в этом взгляде, нетрудно было прочитать вопрос. Анисимов отрицательно покачал головой. Много позже догадался, что Анисимов осмотрел место, на котором я сидел до своего ареста и ничего припрятанного не обнаружил.

— Много видел на своем веку негодяев, но такой встретился впервые! Ты не только очищал карманы убитых, но еще присвоил

себе уничтожение солдата противника. Герой, да и только! Объясни, зачем тебе понадобилось прикрывать голову убитого полой мундира?

— Так он же на меня смотрел! Мне стало страшно!

— Кто на тебя смотрел?

— Убитый немец!

— Ты что же, подлюга, нас, совсем идиотами считаешь? Мертвый не может смотреть! — в голосе контрразведчика улавливалась смесь злобы и обиды.

— Все было так, как я рассказал!

Страшный удар в левое ухо свалил меня с ног. Поднимаюсь. Новый удар в зубы и снова на полу. Из носа хлынула кровь. Поднимаюсь. Опять удар под вздох и снова на полу. Все, что меня окружало, начало совершать круговое движение. Подняться не смогу! Забьют, гады, до смерти, как пить дать, забьют. Выход один — прикинуться мертвым.

На войне этот способ применялся довольно часто, в том числе и мною. Об этом рассказал ранее

Были случаи, когда приходилось прикидываться мертвым моим однополчанам. Один такой случай был настолько страшным, что о нем лучше не вспоминать.

В этот раз прикидываюсь мертвым. Не шевелюсь, не дышу, не открываю глаза. Чувствую, что меня взяли за руку и, прощупывают пульс.

— Пульс есть, сознание потерял! Как думаешь? Может его в расход?

— Другого выбора нет. Приведем в сознание, скажем, беги в свою роту. Обрадуется, побежит! Ну, а потом составим акт — при попытке к бегству. Понял, что его положение безвыходное, ждет его трибунал — вот и подался в бега. Все будет чисто!

— Лучше не придумывай! Сержант! Неси воду!

Чувствую, что меня поливают водой. Дальше прикидываться нельзя. Открываю глаза.

— Ну, вот и порядочек! Видим, что ты ни в чем не виноват. Беги в свою роту пока не передумали! Марш, марш!

— Без командира роты никуда не побегу!

— Ну и фрукт! Он нам еще условия выдвигает! А ну катись отсюда, пока цел!

Пинок сапогом в бок вызывает страшную боль и непроизвольный стон.

— Без ротного никуда не пойду!

Пинки сапогами посыпались на меня, как из рога изобилия. Сначала после каждого пинка вскрикивал, а потом только стонал. Кричать уже не было сил.

Контрразведчики недоуменно переглядываются, пожимают плечами. Такого развития событий они не ожидали. Подумать только! Забитый окровавленный мальчишка сопротивляется им, опытным маститым контрразведчикам! Чудеса, да и только! Делать нечего. Один крутит ручку телефона и орет в трубку:

— Беркут, Беркут! Да что вы там оглохли! Беркут мне нужен! Ястреб говорит! А это ты, Беркут. Давай ко мне быстренько! Одна нога там, другая здесь!

Если читатель не знает армейских порядков, то сообщаю. Каждую неделю начальник связи полка составляет список, в котором каждому офицеру присваивается позывной. Обычно это названия хищных птиц или зверей. Больше всего офицеры не любят позывной «Шакал!».

— Забирай своего хлюпика! — сказал Овчинников пришедшему ротному. Обращаясь ко мне:

— Иди и больше нам не попадайся! Иначе не сносить тебе головы!

Стираю с лица кровь рукавом шинели и покорно иду за командиром роты. Чувство обиды гложет меня. Подумать только! Счастье было так близко! Оно осязалось всеми клетками моего тела, душа пела от радости. Какой ужасный финал! Самое обидное — нет моей вины в том, что произошло!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Передний край умолк перед атакой.
О, как невыносимо тяжело...
Смотреть на пламя, вставшее из мрака,
Что заревом над городом легло.
Но трижды тяжелее от сознания,
Что перед нами, рядом, в трех шагах,
За рощей, растворившейся в тумане,
Злорадствует и тешет душу враг.

Поэт Илья Авраменко «Ночь на переднем крае»

Нашу роту перевели в боевое охранение. Но сначала несколько слов о том, что такое боевое охранение. Это воинское подразделение, занимающее позицию на стыке наших частей или соединений. Оно находится впереди нашей первой траншеи.

Немецкое боевое охранение находилось, напротив. Расстояние между этими позициями составляло, примерно, 50 метров. Задача боевого охранения — не дать противнику незаметно проникнуть в тыл наших войск через стыки между частями или соединениями. Из этого вытекает и название.

Многочисленные попытки захватить языка в ночное время, заставили немцев усилить бдительность и отказаться от сна по ночам. Командованию стало известно, что фрицы отсыпаются днем, выставив часовых. Так как в боевом охранении немецкие позиции находятся очень близко от наших позиций, можно броском преодолеть эту полосу и захватить языка.

Из первой траншеи в траншею боевого охранения мы перешли по ходу сообщения в дневное время. В боевом охранении уже было наше воинское подразделение, бойцы которого нам рассказали, что немецкая позиция находится настолько близко, что по вечерам слышен разговор фрицев. В этом боевом охранении было восемь бойцов во главе с лейтенантом Усталовым.

Ставлю каску на бруствер траншеи и начинаю откапывать для себя ячейку в ее стене. Так мы делали всегда. Если не оборудовать для себя ячейку, то будешь мешать проходу по траншее. Вдруг слышу щелчки разрывных пуль. Фрицы стреляли по каске и разрывные пули, ударяясь о ветви сосенки, которая росла на

противоположной стороне траншеи, взрывались. Взрыв разрывной пули не громкий и напоминает щелчок. Что бы остановить стрельбу по моей каске, пришлось ее убрать. Щелчки тотчас же прекратились.

Командир роты собрал нас около себя и сказал, что завтра днем мы пойдем на немецкое боевое охранение без стрельбы. Время, когда начнется эта операция, он объявит завтра.

На фронте все, и командиры, и рядовые проявляют повышенную бдительность, что меня всегда удивляло. Мне казалось, что все вокруг свои и эта осторожность неуместна. Но это было моей ошибкой, так как потом стало известно, что противник не дремлет и его разведка тоже работает. В последующем будет показано, что немецкая разведка работала и в нашей роте...

У нас в роте было три коммуниста. Ротный сказал, обращаясь к одному из них:

— Ты пойдешь позади цепи на левом фланге.

Второму он приказал идти за цепью в центре, а третьему выделил правый фланг.

— Я вам приказываю пристреливать каждого, кто струсит или ляжет. Пристреливайте без всякого предупреждения.

Вспоминаю стихотворение, опубликованное после войны. Там имелась такая строка.

«Коммунисты вперед, коммунисты вперед!»

Вполне возможно, что были ситуации, когда подавалась такая команда, но в нашей роте команда была другая: — «Коммунисты назад, коммунисты, назад!»

Надо сказать, что коммунисты в нашей роте всегда выполняли эту работу. Они всегда держались особняком и никогда не выпускали из рук оружие. Когда они садились отдохнуть или покурить, то всегда располагались треугольником, с тем чтобы был круговой обзор. Видимо, они боялись бойцов.

А каково же было наше положение? С немцами все ясно и понятно. Они находятся перед нами. Их обмундирование отличается от нашего, да и говорят они совсем на другом языке.

Но вот сзади тебя идут, вроде бы, свои. Обмундирование такое же, как у нас. Говорят на одном с нами языке. Однако, идти на врага и чувствовать, что в твою спину направлена винтовка, невыносимо тяжело. В таких случаях приходилось смотреть не только вперед на засевших в траншее немцев, но и назад на человека, который целится в твою спину. Вдруг он решит, что перед ним трус и, нажмет на спусковой крючок. А может быть ему не нравится моя физиономия? У меня эта ситуация вызывала шквал отрицательных эмоций!

Когда говорил ротный, никто не предполагал, что завтра, все сидящие вокруг, будут трупами или ранеными. А все так и получилось!

Что самое главное в завтрашнем бою? Оружие! Поэтому автомат был тщательно вычищен и хорошо смазан. Стены траншеи были песчаными и, чтобы песок не попал в автомат, его пришлось обернуть бинтом из индивидуального перевязочного пакета. Как уже сообщалось у меня их было два. Один пакет остался и пригодился позже.

Вечерело. Медленно, но верно, ночная тьма опускалась на землю. Стою на каком-то возвышении и напряженно всматриваюсь в ту сторону, где находились позиции противника. Небольшие сосенки хорошо маскировали меня от вражеских наблюдателей.

Местность, по которой предстояло завтра идти, была довольно ровной, только местами виднелись кусты и совсем небольшие неровности почвы. Вот здесь завтра разыграется бой. Здесь найдут свою смерть или увечье мои товарищи. А что ждет меня? Не знаю почему, вдруг на меня нахлынуло какое-то непонятное чувство тревоги и обреченности.

Сразу же в голове возникли стихи:

Что день грядущий мне готовит?
Его напрасно взор мой ловит,
В глубокой мгле таится он,
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она.

Стихи это хорошо. «Евгений Онегин» Пушкина, совсем замечательно! И вдруг мне стало совершенно ясно, что стрела мимо меня не пролетит. В предстоящем бою меня ждет смерть. Чем больше размышляю, тем больше утверждаюсь в этом. Теперь мне было точно известно, что завтра меня не будет на этом свете.

Чувство обреченности овладело всем моим существом. Все так же будет на небе сиять Солнце, все так же будут плыть по небу белоснежные облака, трава и листья деревьев будут радовать своей зеленью людей, а меня уже не будет. Есть еще вариант — буду искалечен. Лишусь рук или ног. Тогда лучше пулю в висок. Это лучше чем инвалидность!

Подошел командир роты

— О чем задумался, махновец? — после инцидента с пленным снайпером, ротный называл меня только так. Однако, тон у него в этот раз, был миролюбивым и даже немного отечески

добрым.

— Чувствую, всем своим существом, всеми фибрами души, что завтра в бою меня ждет смерть.

— Отбрось эти предчувствия! Надо думать о жизни, о победе. Война очень жестокая вещь. На ней может случиться всякое, но надо думать и надеется только на лучшее. Скажи сам себе — у меня все будет хорошо и увидишь, что все так и будет! С этими словами он пошел к своей ячейке, оставив меня стоять на том же месте и думать о своем.

Подошел старик Зайцев...

— О чем задумался, сынок? — спросил он.

— Вот смотрю в сторону противника и вижу далеко, далеко на самом горизонте кроваво — красную полоску. Она тянется вдоль всей линии горизонта. Думаю, что это дурное предзнаменование! Французский король Генрих Четвертый перед сражением увидел, что Солнце садится в такие же кровавые облака.

— Это дурное предзнаменование! — сказал король

— Что Вы, сир! — сказал ему один из приближенных — это обычный закат Солнца

На следующий день в сражении король был убит! Может и меня ждет такая же участь!

— На этот раз все не так. Солнце давно уже село! Просто фашисты жгут у себя в тылу города и деревни. Сжигают, гады, все, что может гореть. Знать, будут отступать. Они нам оставляют выжженную пустыню. Они хотят сбить нашу сознательность, чтобы плохо нам было. Ведь идти по безжизненной земле — ох, как тяжело! А сейчас лучше пойди да поспи. Ротный разрешил перед завтрашним боем малость поспать

Снимаю шинель, расстегиваю хлястик и, вот уже лежу на дне траншеи завернутый в шинель. Приготовился ко сну. Но, что это? Едва закрыл глаза, как передо мной возник фриц, убитый при освобождении города. Совершенно явственно вижу фрица и слышу: — «Не убивай, русс, семья дети!» Мгновенно вскакиваю и ору не своим голосом. Тут же ко мне подбежало несколько наших бойцов.

— Что случилось? Чего ты орешь?

— Фриц! Фриц! Он ко мне пришел!

— Так, где он? Что ты трясешься, как в лихорадке?

— Пришел тот фриц, которого я шлепнул в городе!

— Ты, что с пупу или с глупу? Как убитый может придти!

Приснилось тебе все это!

В разговор вмешался Зайцев.

— У нас в деревне был мужик, который еще на той войне, в

14 году, пристрелил немца. Так к нему тоже приходил этот, пристрелянный! Убитый завсегда приходит к своему душегубу! Такой закон! Никуда от этого не уйдешь! Так — то, сынок, тапереча жди его в гости, каждую ночь!

Обращаясь к бойцам, он, примирительно, сказал

— Уж вы его простите, молодой он еще не все понимает! С каждым может быть такое!

Все это так потрясло меня, что до утра не сомкнул глаз. Боялся опять придет этот немец.

Утром принесли водку. Как всегда, ее разливал Хаджиханов. Он делал это таким образом, что большая часть водки, доставалась ему.

— Дай мне твою ложку! — обратился ко мне Хаджиханов — я буду ей разливать водку!.

Ложка у меня была огромная отлитая из олова. Где мне удалось раздобыть ее, уж и не помню. Ее размеры были предметом многочисленных острот бойцов..

К концу этой процедуры было видно, что Хаджиханов с трудом передвигает ноги. Отказываюсь от водки, так как понимаю, что можно потерять контроль над собой

По окончании водочной процедуры, Хаджиханов сильно размахнулся и швырнул мою ложку далеко в кусты.

— Что ты наделал! Как же я теперь без ложки?

— Она тебе больше не понадобится! Погибнешь ты в этом бою!

— С чего ты это взял?

— Все будем на том свете! Понял? — заплетающимся языком сказал этот виночерпий. На убой нас гонят!

По траншее пробежал старшина и сказал, чтобы все заняли свои места. Рядом со мной, правее, оказался Зайцев. Оглядевшись по сторонам, он тихо сказал: — Все на местах, кроме Пигольдина! На мой недоуменный вопрос, он тяжело вздохнул и горестно посетовал: — Эх! Молодежь, молодежь! Ничего — то вы не видите! Беда с вами, да и только!.

В 12 часов дня ротный подал команду. «Приготовиться к атаке!»

Снять бинт с автомата — дело секунд. Последовала новая команда: — Вперед!

Мы выскочили из траншеи и цепью двинулись на немецкие позиции. В центре нашей цепи шел лейтенант Усталов. Ему было поручено командовать не только своими бойцами, но и нашей ротой. Ротный остался в траншее боевого охранения. Он должен был поддерживать связь с артиллеристами и комбатом..

Скорее всего, противник растерялся, потому что огня с его

стороны не было. Очень быстро мы оказались перед их траншеей. А вот и бруствер перед нами.

Как потом выяснилось, в траншее немецкого боевого охранения было шесть человек. Трое из них выбежали с их правого фланга, который был у нас левым. Из выбежавших, двое были убиты, а один взят в плен. Он и стал тем языком, за которым мы так долго охотились.

Еще двое выскочили из траншеи и были убиты выстрелами наших бойцов. Шестой — офицер по ходу сообщения перебежал в первую траншею, где и нашел свою смерть. Об этом будет рассказано ниже.

У нас потерь не было.

Лейтенант Усталов скомандовал: «Вперед!» и мы, перепрыгнув траншею немецкого боевого охранения, устремились к первой траншее противника. Фактор внезапности был исчерпан и, немцы открыли интенсивный огонь из всех видов оружия. До немецкой первой траншеи добежали не все. То один боец, то другой, ткнувшись в землю лицом, застывал навсегда.

Перед немецкой траншеей было проволочное заграждение. Мы были в шинелях. Бойцы стали их снимать и набрасывать на проволочное заграждение. Не всем это удалось и, кое — кто из бойцов остался висеть на колючей проволоке, а мне все-таки удалось перевалить через заграждение.

У нас проволочное заграждение устанавливается в 40 — 50 метрах от траншеи с тем, чтобы противник, находясь за проволочным заграждением, не мог забросать гранатами наши позиции. У немцев это расстояние составляет 20 — 25 метров. Очень часто эта полоса минируется, но на этот раз мин не было, что позволило нам быстро добраться до их траншеи.

Вот мы уже на бруствере. Из траншеи показалось небритое лицо фрица. Всего на одно мгновение, но этого времени ему было достаточно, чтобы швырнуть гранату. Она упала перед моими ногами и, мне сразу стало ясно, что это моя смерть. Значит, мои предчувствия были верными! Так вот как выглядит смерть! Этот маленький кусочек металла на длинной деревянной ручке. Сейчас он оборвет мою жизнь!

Надо действовать! Но как? Граната взрывается не сразу. Должно пройти 5 — 5, 5 секунд. Спаситься бегством не успею. Радиус поражения осколками 50 метров, а то и больше.. Оставалось только одно. — швырнуть ее обратно. А если не успею? Во всех случаях меня ожидает смерть. Швырнуть ее назад — это хоть небольшой, но все же шанс!

Мысли вихрем проносятся в голове. Наклонюсь, чтобы взять ее рукою, а она в это время рванет! Моя голова будет вблизи

гранаты. Останусь без головы!

Пинком швыряю гранату назад фрицам. а сам бросаюсь на землю и быстро ползу в небольшое углубление, которое было у меня за спиной. В это время боковым зрением замечаю, что граната перелетела через траншею и упала недалеко от нее. Бруствер немецкой траншеи будет моей защитой, если успею сползти с него в эту выемку. Вполз уже до пояса! Еще мгновение и спасен! Не тут — то было! Граната не оставила мне этого мгновения! Она взорвалась!

Первое, что врезалось в память, это сильный удар по бедру левой ноги. Впечатление такое, как, будто кто — то швырнул в меня камень или, с размаха, ударил молотком.. Одновременно вижу, что Зайцев, который был справа от меня, примерно в восьми шагах, катится по брустверу и громко кричит.. Правее Зайцева был Хаджиханов. Он тоже увидел эту гранату, спасаясь от нее, прыгнул в немецкую траншею. Голову сверлит одна мысль — что это со мной. И, вдруг, мне стало совершенно ясно — это ранение. По левой ноге течет что — то горячее. Кровь! Перекатом отодвинулся от траншеи

И снова мысли лихорадочно пронзают голову. Кровью изойду, как Балабанов! Оставалось одно быстрее уползти подальше от этой траншеи.

Прополз совсем немного, услышал голос нашего санинструктора:

— Ты чего ползешь назад?

— Ранен!

— Ползи за мной! Можешь?

Могу!.

Санинструктор полз впереди меня, выбирая место, где бы он мог сделать перевязку. Вот он заполз в выемку, поросшую небольшими кустами, а я за ним.

— Ложись на землю! — сказал санинструктор и подвинулся в сторону, освобождая место на дне выемки.

— Куда ранен?

— В левую ногу!

— Быстро снимай шаровары! Ух, как обильно хлещет кровь, но ничего мы ее сейчас остановим!

Санинструктор быстро наложил повязку. Позднее выяснилось, что эта повязка наложена с таким мастерством, что во всех медицинских подразделениях, через которые мне пришлось пройти, говорили, что повязка до того хорошая, что ее не следует трогать.

Нас, видимо, засекли немцы. Разрывные пули защелкали по веткам кустов, прикрывавших эту выемку. Мелкий осколок попал

мне в кисть левой руки. Это даже ранением нельзя считать. Крошечный осколок засел неглубоко. Потом образовался нарыв и осколок сам вышел..

Позднее выяснилось, что в меня попало два осколка немецкой гранаты. Второе ранение было намного выше первого также в левую часть тела в мягкие ткани. Этот осколок проник очень глубоко. Он не вызывал боли и рана не кровоточила.

— Дай мне твою каску, ведь теперь она тебе не нужна — попросил санинструктор — и автомат мне отдай!.

— Каску бери, а автомат не отдам. Как же без автомата? Нам говорили, что без оружия в медсанбате не примут!

— Скажешь, что отдал автомат санинструктору и все дела.

Мне его слова показались убедительными и, я отдал ему свой автомат..

— Ты ползи прямо в первую траншею, там тебя примут, отправят дальше. Для тебя война закончилась и, видать, надолго.

— Почему сразу в первую? Можетсначала заползти в траншею боевого охранения?

— Ни в коем случае! Там что — то твориться, а что и не поймешь! Я тебе толком говорю: только в первую и никаких гвоздей! Добра тебе желаю — вот что!

Ползу. Вот и наша первая траншея. Спускаюсь в нее и пытаюсь встать на ноги. Ничего не получается — сильная боль заставила меня лечь на дно траншеи.

И тут вижу, что по траншее бежит комсорг батальона Завьялов.

— Ты, что? Ранен? Рану тебе перевязали?

— Санинструктор перевязал.

— А почему без оружия?

— Санинструктор забрал!

— Ты, что же не знаешь, что без оружия тебя не примут ни в одном лечебном подразделении?

Оглядевшись по сторонам, он увидел брошенную винтовку и подал ее мне.

— Ты ползи дальше, а я бегу в боевое охранение.

Он побежал дальше. Эх, не знал младший лейтенант, что бежит на встречу со своей смертью. Но об этом мне стало известно только через десять лет.

Ползу по траншее дальше. На дне траншеи боец. Прошу его подвинуться и пропустить меня. Но он даже не шелохнулся. Поднявшись на локтях, вижу, что гимнастерка на его спине разорвана по всей длине. Но какая — то странная у него спина. Серовато — желтоватая! Только тут до меня дошло, что это мертвец.

Переполз через него и тут же увидел второго мертвеца. При попытке переползти через него, застыл, от увиденного. У него не было части черепа. Приглядевшись, увидел, что срез на голове довольно ровный, как у арбуза, когда срезают верхушку. Внутри виднелся мозг серого цвета. Срез мозга был таким же ровным, как и у черепа. Делать нечего, переваливаю через него, стараясь не угодить рукой в его мозги.

Ползу дальше, но вдруг, меня окликают по фамилии. Оглянувшись, увидел в ответвлении траншеи лежит, вернее, полулежит, навалившись на стенку траншеи, Хаджиханов. Первое, что меня поразило — это цвет его лица. Оно было неестественно желтым.

— Хаджиханов! Что с тобой?

Он мне рассказал, что, увидев гранату, упавшую мне под ноги, в один момент протрезвел. Спасаясь от гранаты, прыгнул в траншею и сразу оказался лицом к лицу с офицером. Это был тот самый офицер, который сбежал из боевого охранения.

Хаджиханов воспользовался тем, что его положение было более выгодным и, убил этого офицера. На боку его была офицерская сумка. Там обязательно должны быть документы, нужные нашему командованию. Приставив винтовку к стенке траншеи, Хаджиханов наклонился и отрезал эту сумку. Но в этот момент, из — за поворота траншеи, появился другой фриц. Хаджиханову стало ясно, что схватить винтовку он уже не успеет, Бросился на бруствер. Однако, фриц все же успел дать очередь из автомата и три пули попали ему в правый бок.

Но он все же сумел перевалить через бруствер и пополз в тыл. Санинструктор сделал ему перевязку. Хаджиханов дополз до нашей первой траншеи. Там он встретил еще двух раненных бойцов. Дальше они поползли втроем. Тут в траншею прямым попаданием влетела мина. Их убило, а его опять ранило. Полностью перебита нога — висит на одних мышцах. Еще осколки попали в бок. Новые раны очень кровоточат. Сумка офицерская при нем. «Увидишь, кого из командования — скажи» — попросил он.

Ползу дальше. На встречу мне по траншее бежит комбат Рудь с двумя офицерами. Прижимаюсь к стенке траншеи, чтобы пропустить их. Рассказал им про офицерскую сумку у Хаджиханова. Они побежали к нему.

Полз довольно долго, не встретив ни одного человека. Подумал, что так доползу до Черного моря, ведь траншея тянется с севера на юг. Все! Хватит! Надо ползти в тыл. Сказано — сделано! Выполз из траншеи и пополз в тыл под прямым углом к траншее. Сзади шел бой. Отчетливо слышались выстрелы. Вот и

сосны! Прополз совсем немного и выполз на поляну.

В это время на поляну с тыла выбежал офицер в чистой шинели. В голове мелькнула мысль, что такие шинели бывают только у тыловиков...

И в этот момент послышался вой мины. По звуку определил, что она упадет левее меня. и впереди. Недалеко от того места, где бежит офицер. Вжимаясь в землю, увидел, что офицер не залег, а продолжает бежать. В голове, как молния, пронеслась мысль, что он делает? Надо же залечь! Тыловики частенько попадают в такие переплеты. Они по звуку не могут определить, когда и где рванет мина или снаряд. Прижался к земле так сильно, как только мог. Мина. рванула. Взвизгнув, надо мной пролетели осколки.

Поднял голову и вижу, что офицер лежит на земле и корчится, видимо, от боли. Пополз к нему, На моем пути воронка от мины, если это можно назвать воронкой. Земля, выброшенная взрывом, уместится в ладонях. От центра этой воронки во все стороны, как лучи, протянулись борозды, оставленные разлетающимися осколками. У самой воронки борозды глубокие, а потом они становятся все менее и менее глубокими. Осколки разлетаются от места взрыва под острым углом к земле. Подумал, если лежать, прижавшись к земле, в тридцати или сорока метрах от взрыва, то осколки и не заденут. Раненный офицер как раз и находился на таком расстоянии от места взрыва. Выходит, он сам виноват в ранении..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. СНОВА ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

На краю зелена поля солдат раненный лежал!

Припев.

Эх вы поля, широкие поля
Красна кавалерия садись на коня
Над ним вился черный ворон,
Чуя лакомый кусок

Припев

Ты не вейся, черный ворон,
Я солдат еще живой!

Слова из солдатской песни довоенного времени

Подполз к раненному поближе и увидел, что это мой старый знакомый капитан Овчинников! Сразу же перед моим мысленным взором пронеслись все картины избиений и издевательств, которым мне пришлось подвергнуться в его проклятом отделе.

Вот он стоит надо мною. окровавленным мальчишкой. У него неограниченная власть. Он упивается этой властью. Сквозь зубы процеживает: — Будем кончать!

Ненависть к этому изуверу захлестнула меня всего с головы до ног. Какая замечательная возможность рассчитаться за жестокое обращение со мною! Звук выстрела заглушат сосны. Передернул затвор винтовки, загоня патрон в патронник.

Капитан Овчинников заметил мои действия.

— Что? Убить меня хочешь? — прохрипел он. — Крепко я тебе всыпал! Я заслужил твою месть. Но ты пойми — это же работа такая! Думаешь, нам легче приходится? Мордобой идет сверху до низу!

И тут замечаю, что капитан легким движением, как бы невзначай, расстегнул кобуру своего пистолета и деланно застал.

— Капитан, оставь в покое свой пистолет! Выхватить его ты уже не успеешь! Ты обладал неограниченной властью надо мною в своем проклятом отделе Теперь моя власть над тобою! Ты хотел

кончить меня, теперь у меня есть возможность кончить тебя

После этих слов внимательно смотрю на него. И вдруг мне так стало жалко его. Жена станет вдовой, дети сиротами. По миру пойдут просить подаяние

В те годы очень много детишек ходило от дома к дому выпрашивая кусочек или хотя бы корочку хлеба.

Помню, незадолго до войны, сижу у открытого окна. Подходит маленький оборванец. Протягивает руку и просит кусочек хлеба.

— Подайте, Христа ради!

Эта формула была общепринятой у всех нищих в довоенные годы.

Спрашиваю:

— У тебя есть папа?

— Мой папа в турме. Слово «тюрьма» он не смог выговорить.

— А мама?

— Она больная лежит на вокзале. Ждет, когда я принесу ей хлеб. Голодные мы!

— У тебя, что же, нет дома, квартиры?

— Дом был! А, как только папаню забрали ночью в турму, нас выгнали из дома! С тех пор мы побираемся. А, тут еще мамка заболела, лежит на лавочке на вокзале. Стонет. Милиционер ее все время гонит. Она бы ушла, да не может.

Вот такой печальный эпизод вспомнился мне в тот момент.

Война своеобразно повлияла на психику нищих: до войны просили только хлеб, а после войны — деньги.

Нельзя без слез смотреть на этого стонущего и корчащегося от боли человека..

А что мне даст это сведение счетов? Сейчас ко мне по ночам приходит фриц, а будут приходиться двое! Один наш! Да и совесть замучает Добить раненного это же зверский поступок!. Такого себе не простишь никогда! Да, и человек — то он наш. Хотя и жестокий, но наш! Отбрось мысли о мести и помоги ему!

— Давай соображать, капитан. Мы оба раненные и нам не следует устраивать бой. Так будет лучше обоим.

— Ты прав!

— Нужно было залечь, услышав вой мины? Мы на передовой научились по звуку определять, где упадет мина или снаряд!

Он повернул ко мне искаженное болью лицо и прохрипел:

— Думал, что она пролетит мимо и рванет за лесом. В траншею боевого охранения торопился. Там идет смертоубийство!

— Ошибка! Смертоубийство идет перед немецкой первой траншеей! Только что оттуда.

— В том — то и дело, что не ошибаюсь! Звонок по телефону был из боевого охранения.

— Однако, хватит разглагольствовать! Надо делать перевязку. Осколками вам оторвало обе ноги ниже колен. У меня есть один перевязочный пакет. Его хватит на одну ногу.

— У меня тоже есть такой пакет. В кармане гимнастерки. А смертоубийство идет все же в траншее боевого охранения. Там убиты два наших офицера.

— Сомневаюсь!

— Было бы хорошо, если бы я ошибался! Однако, помоги мне. Прошное забудь. Прости меня!

— Да, что там! Прошное, прошлое! Я тоже ранен, но полегче. Вот сейчас перевяжу вам обе ноги, кровь перестанет хлестать и, , будет полный порядок!

Чтобы сделать перевязку, мне нужно было сесть, а не лежать. Легко сказать, а сделать это очень трудно. Превозмогая боль, со стоном, заставил себя сесть и принялся за перевязку.

Пока шла моя работа в голове капитана началась борьба. Овчинников с удивлением осознал, что в нем борются между собой два человека. Один повыше ростом, пошире в плечах напористо доказывал, что перевязку делает враг.

— Это он делает для того, чтобы замаскировать свою вражью сущность!

Второй ростом пониже возражал.

— Да, будет тебе! Ну, что ты мелешь? Парень он хороший, обиду простил, а теперь оказывает помощь!

— Но он передернул затвор винтовки, загнал патрон в патронник! Неизвестно, как он поступит дальше. А если он все же нажмет на спусковой крючок? — настаивал первый.

— В таком случае, зачем перевязывать раны человеку? Можно и без перевязки пристрелить! — парировал второй.

— Мой отец говорил, что враг никогда не станет другом. А он настоящий враг и сын врага народа, — не унимался первый.

— Эх, ты! Да ему каждое движение причиняет боль! Ты видел, как ему тяжело было сесть? Что же, по — твоему, он терпит боль для маскировки своих злых намерений!

— Может быть это и так, но все же надо быть бдительным!

.Обрывки мышц и брюк мешали работе. Мне было ясно, что повязка должна быть тугой, очень тугой, иначе кровь не остановишь. От напряжения у меня на лбу выступили капельки пота. Весь измазался кровью капитана, но перевязку все же сделал.

— Ты, что, по — прежнему, на меня зол? — спросил капитан

— Не стоит вспоминать! Дело прошлое! Поползу дальше, а

как только встречу кого — сразу направлю сюда. Не надо падать духом! Еще поживем! Не горюйте по ногам. Кончится война и, наше правительство всех инвалидов возьмет на свое попечение. Будете жить, как у Христа за пазухой. Другие будут вам завидовать! — с этими словами оставил его и пополз дальше.

А, в это время Овчинников лежал, смотрел мне в след и, вся его душа, все существо наполнялись ненавистью к этому ползущему в окровавленном обмундировании мальчишке.

Но, что это? Вдруг мальчишка встал во весь рост! Да это совсем не мальчишка! Это огромного роста мужик во фраке, с сигарой во рту, с отвислым животом со звездно — полосатым цилиндром на голове. А ! Да это же буржуй! Злобный враг его народа, его страны! Он сошел со страницы журнала «Крокодил»! (Такой сатирический журнал издавался в нашей стране много десятилетий.) Капитан тряхнул головой, отгоняя ненавистное видение. И тут перед его мысленным взором появился его доблестный спившийся в конце жизни отец.

— Умирая — убивай! — сказал отец.

Вот уползает мой смертельный враг — думал Овчинников. Залечат ему раны и, он снова будет вредить народу, моему народу! Создаст подпольную организацию, а там и до гражданской войны недалеко. Снова миллионы убитых, моря крови. Мой долг не дать ему творить свои черные дела. Нет! Не дам ему такую возможность! Это мой долг перед Родиной, перед народом, перед отцом!

С этими мыслями капитан, забыв о невероятной боли, выхватил пистолет, дослал патрон в патронник, взвел курок. От этих резких движений потемнело в глазах. Капитан, сказал сам себе Овчинников, собери в кулак все свои силы! От этого зависит будущее народа, будущее страны.! Вот уже указательный палец его правой руки на спусковом крючке...

Характерный звук, когда загоняется патрон в патронник пистолета, заставил меня остановиться..Такой щелчок означает, что пистолет поставлен на боевой взвод. Поворачиваюсь и вижу в руках капитана пистолет. Теперь меня от смерти отделяли не секунды, а мгновения.

Вот она смерть! Сейчас оборвется моя жизнь! Но, что это? На меня нашло оцепенение от предчувствия неминуемой смерти! Надо действовать! Действовать!

Оцепенение прошло так же быстро, как и наступило Вижу. пистолет ТТ (это марка пистолета) в руках капитана совершает кругообразные движения. Он, закусив от боли губу, пытается поймать меня на мушку.

Резко, броском, перекидываю свое брненное тело в

направлении Овчинникова, Кидаюсь к нему и прикладом вышибаю из его руки пистолет. Он отлетел в сторону метров на 5. Подползет, поднимет! Собираю все оставшиеся силы, беру пистолет и, привстав, швыряю его, как можно дальше.

И тут мой взгляд упал на Овчинникова. Даже оторопь взяла от неожиданности! Лицо его было искажено злобой. Точнее, невероятной звериной злобой!

— Откуда такая злоба, капитан? Ведь я сделал доброе дело — перевязку. Может быть эта перевязка спасет от смерти!.

— Твоя взяла! — прохрипел капитан — Как же я тебя ненавижу! Как жалко, что тогда не пустил в расход!

— Отблагодарил, мразь ты этакая! Не буду марать об тебя руки. Судьба жестоко отплатит тебе за твою подлость! — с этими словами пополз дальше.

Ползу, а голову сверлит мысль. Почему на добро, которое мною сделано, он ответил злом?

В последующие годы мне неоднократно приходилось сталкиваться с этим. В народе говорят — Не делай добро, не получишь зло! И такое зло, в ответ на добрые дела, мне досталось от моей сестры Софьи и ее сына, моего племянника Саши Чехонадского..

Но все по порядку..

Детство Саши было беззаботным. Отец, кадровый военный, хорошо обеспечивал семью. Его мама, моя сестра, была домохозяйкой. У них было три сына и, все они были ухожены, ни в чем не нуждались, хорошо учились, получили высшее образование

Младший сын Саша довольно быстро защитил кандидатскую диссертацию, а это не только повышало его статус, но и резко улучшало материальное положение.

Но вот, наступило время политической нестабильности и, в 1993 году Саша, польстившись на большие деньги, взял в руки оружие и встал на сторону мятежных политиков. Он в составе вооруженного отряда оборонял Белый Дом, в котором в то время находился наш парламент. Средства массовой информации сообщали, что этот отряд насчитывает 3 — 4 тысячи вооруженных человек.

По телевизору показывали, как это вооруженное формирование, подъехав на автомашинах к Останкинскому телецентру, разбив стеклянные двери, въезжают в его вестибюль. Сообщалось, что эти бандиты (так их называли в СМИ) захватили 2 этажа и грабили буфет и т. д.

Эта афера закончилась поражением мятежников. Саша все — таки получил деньги за свою службу у мятежных политиков и,

вернулся к своей прежней работе. Однако, мысль об участии в этом мятеже не давала покоя и наш герой, решил уйти в монастырь. Там, наверняка, не найдут его.

Не буду перечислять все его хождения по мукам. Закончилась эта позорная эпопея тем, что он стал выполнять какую — то работу для церкви за мизерную оплату. Большую часть времени он находился дома в квартире своей матери.

Его мама, моя сестра, страдала болезнью ног с трудом передвигалась по квартире и, как — то утром, делая зарядку, упала и сломала шейку бедра.

Узнав об этом несчастье, сразу же мчусь к ней. Моя сестра сидела на кровати, плакала и, говорила о своей скорой смерти. Передо мной старая женщина. Космы седых волос на голове. Страдальческое выражение лица. Все это так растрогало меня, что тут же объявил о своем решении ежемесячно помогать сестре деньгами.

Сумма, которую получала от меня сестра, была не на много меньше ее пенсии. Моя помощь сестре и ее сыну продолжалась 10 месяцев. Она продолжалась бы и дальше, если бы не одно событие.

И вот, как — то в электричке, у меня случился тяжелейший приступ мерцательной аритмии По сотовому телефону позвонил сестре. Трубку взял Саша. Прошу его подъехать в медпункт Ярославского вокзала, куда меня доставили сердобольные пассажиры.

В медпункте пробыл часа 2 или 3 и все ждал, что подъедет Саша Ч., но напрасно.

К слову сказать и, моя сестра и мой племянник Саша. глубоко верующие люди. Православные до мозга костей! А племянник к тому же закончил богословское учебное заведение и певческую семинарию.

После такого жестокого поступка, всякую связь с ними прекратил.

Опять отвлекся.

А в это время капитан Овчинников смотрел мне вслед. Мысли вихрем проносились в его голове. Уползал его заклятый враг. Картины прошлого всплывали в его памяти

Вот перед ним отец. Он объясняет ему, что главные враги народа это гнилые интеллигенты. Всякие там инженеры, врачи, учителя, Особенно опасны профессора университетов. Да и студенты тоже не лучше. Они все время думают и в их головы приходят крамольные.мысли, ну, например: —куда идет страна? Тут и думать не о чем! Ведь Сталин сказал, что страна идет к коммунизму!

И этот будет таким же интеллигентом! — с ненавистью думал капитан.

Как много здесь, на фронте, врагов! Майор Титов — враг! Заступился за этого враженка! Подполковник Масонов — командир дивизии — враг! Это он выдвинул Титова. Комбат капитан Рудь — враг. Как — то в разговоре высказался отрицательно о командире девятой роты старшем лейтенанте Сергееве, а ведь он, Сергеев, настоящий патриот. Есть и другие настоящие патриоты, например рядовой Пигольдин в 9ой роте. Сколько раз командир 9ой роты восторженно отзывался об этом патриоте! О! Если бы он вернулся в строй, всех этих врагов вывел бы на чистую воду.

Размышляя таким образом, капитан смотрел на кроны сосен, которые были правее его. Но что это? Кроны сосен стали двоиться, мелькать и потом пошли двигаться по кругу. Постепенно все вокруг стало погружаться во тьму, расплываться и наступила полная темнота. Овчинников потерял сознание.

Оставим его в этом состоянии и вернемся к нашему повествованию.

Ползу дальше. И оказываюсь в сосновом бору. Через некоторое время звуки выстрелов ослабли, а потом наступила полная тишина. Меня со всех сторон окружали великаны деревья. Куда не посмотришь везде стволы и стволы деревьев! Чувствую себя перед этими стволами, как букашка перед слоном. Они теснили меня со всех сторон. Казалось, что они медленно, но верно, наступают на меня. Еще мгновение и они меня раздавят! Ужас охватил меня. Однако, деревья мирно стояли на своих местах. Наступило успокоение.

Стволы и кроны деревьев глушили звуки выстрелов. Стояла такая тишина, что казалось можно услышать шелестение травинки от малейшего дуновения ветра. Однако, ни одной травинке не было, дуновения ветра тоже не было.

Вдруг мне стало ясно, что не знаю куда ползти. Совершенно сбился с пути! Ничего не оставалось делать, как любоваться соснами. В таком бору мне никогда не приходилось бывать

Вверх тянулись совершенно прямые бронзовые стволы. Высоко, высоко стволы заканчивались кронами. Кроны были сравнительно небольшими. Они не сливались и, даже местами голубело небо. В лесу стоял полумрак

Больше всего меня поразил воздух. Он был кристально чистым, даже немного густым и невероятно приятным. Легкий аромат хвои и смолы, царивший в бору, вызывал желание вдыхать воздух еще и еще. Казалось, что никогда не наступит пресыщение этим воздухом.

Подо мной была коричневая подстилка из опавшей хвои. Меня заинтересовало, какова же толщина этой подстилки? Ведь даже трава не может пробиться через нее! Попытка докопаться до земли оказалась безуспешной. Подстилка была очень толстой.

И тут мне стало ясно, что это глухой сосновый бор, в который, возможно, никто не заходит. Получалось, что меня ждет смерть от голода и ран. Вспомнил, что у меня в левом кармане гимнастерки, пять кусочков сахара. Если съесть по одному кусочку в день, то можно протянуть целых пять дней. О том, что без воды жить невозможно, и в мыслях у меня не было..

Появилось совершенно твердое убеждение, что меня ждет смерть. Но ведь покойники лежат на спине, сложив руки на груди. Ложусь на спину, вытягиваю ноги, руки на груди. К смерти полностью готов! На память пришли слова Некрасова.

Скоро стану добычею тленья
Тяжело умирать, хорошо умереть.
Ни у кого не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть!

Возможно, Некрасов процитирован не совсем точно, но ведь прошло много лет с тех пор, как мы в школе изучали его творчество. Закрываю глаза, ведь покойники всегда лежат с закрытыми глазами и, пытаюсь вспомнить что — нибудь еще подходящего содержания. В голове всплыли стихи Маяковского.

Я волком бы выгрыз бюрократизм
К мандатам почтения нету.
К любым чертям с матерями катись
Любая бумажка, но эту!

Тут же, сходу, отказываюсь от его стихов, потому что мне они всегда не нравились. Уж очень они не музыкальны! Со мной всегда на эту тему спорила старшая сестра. Она мне все доказывала, что в то время, о событиях того времени, нужно было писать только так, как писал Маяковский. Но, будучи упрямым мальчиком, все ее высказывания с гневом отвергал.

Мама слушала наш спор и всегда была на стороне старшей сестры. Видимо, на нее действовало то обстоятельство, что сестра закончила пединститут по специальности «Русский язык и литература».

Вспоминать стихи мне надоело, захотелось есть, а когда человек голоден ему не до стихов. В голову лезли мысли о том,

что так бесславно прошла моя жизнь. Мне стало так жалко самого себя, что даже прослезился.

От нечего делать рассматриваю бронзовые стволы сосен. Мне было приятно на них смотреть. Не знаю, сколько бы так пролежал, но вдруг увидел, что от ствола к стволу тянется проволока. Это телефонная линия — стало ясно мне.. Раз это телефонная линия, то она проходит от одного абонента к другому. Это было спасение!

Ползу, стараясь не упустить из вида эту нить жизни — теперь так называлась в моей голове эта проволока. Через некоторое время пошло мелколесье, деревья сменились кустарником. А вот и опушка леса. Передо мной была широкая, залитая солнцем, поляна. Посередине поляны стояли артиллерийские орудия. Около них сустились артиллеристы.. Меня охватила бурная радость. Спасение! Спасение! Мне очень хотелось жить и никак не хотелось умирать.

А где провод? На радостях потерял его из вида. Вот он! Провод шел по земле к артиллеристам.

Несмотря на жгучую боль, поднимаюсь и кричу. Что кричал, не помню, но тут же упал и потерял сознание.

Очнулся в повозке, которая стояла недалеко от артиллерийских позиций.

Подняв голову, говорю.

— Мне нужен командир батареи. Должен сообщить ему кое — что очень важное!

Подошедшему старшему лейтенанту, сообщил о капитане Овчинникове и, указал, где он находится.

Командир батареи кивнул головой и приказал отвезти меня в медсанвзвод. В каждом батальоне было такое медицинское подразделение. Возглавлял его военфельдшер в звании лейтенанта или старшего лейтенанта, у которого было несколько повозок и немного бойцов, которые помогали ему. Здесь проходили лечение легко раненные или заболевшие бойцы, хотя случаев. заболеваний на фронте не припомню.

Фельдшер осмотрел повязку, похвалил ее и приказал отвезти меня в медсанроту. такое медицинское подразделение было в каждом полку. Там уже были врачи, даже хирурги, которые делали операции.

Здесь записали в книгу мои исходные данные и заполнили карточку передового района, без которой ни в один госпиталь не примут.

У меня было более тяжелое ранение и хирург, похвалив повязку, распорядился отправить меня в медсанбат, который был в каждой дивизии.

О медсанбате надо сказать подробнее. Это было уже не подразделение, а довольно крупная воинская часть. Как у любой другой воинской части, санбат имел свой номер. Там был довольно большой персонал: врачи — хирурги, медсестры и санитары. Они делали все виды операций, включая самые сложные.

Санбат нашей дивизии находился на окраине деревни, но все его хозяйство помещалось в больших брезентовых палатках: операционная, помещения для оперированных и для медперсонала и все остальное

Нас, раненных, положили у плетня, рядочком. Впрочем, раненных подвозили непрерывно и клали здесь же. Наша, небольшая по численности задействованных людей операция, переросла в наступление на широком фронте

Недалеко от меня, два офицера выясняли отношения на повышенных тонах. Один из них пожилой подполковник медицинской службы — начальник санбата, а второй наш комбат, капитан Рудь.

На войне офицеры между собой говорят, как правило, на повышенных тонах. Это вполне естественно — все нервные, дерганые. Война — сплошные нервы!

— Почему раненные без шинелей? — кричал подполковник — есть приказ — раненные должны поступать с шинелями и оружием!

— Их шинели остались на немецком проволочном заграждении — парировал наш комбат.

И тут вижу, ко мне приближается молоденькая симпатичная медсестра в военной форме, которая великолепно сидела на ней. Военная форма на женщинах всегда сидит лучше, чем на мужчинах. Это объясняется особенностями женской фигуры. Она приближалась ко мне и при этом мило улыбалась.

Сразу видно, что понравился этой девушке, поэтому она идет прямо ко мне. Это замечательно! Сейчас мы познакомимся. Между нами завяжется переписка, а если выйду живым из этой мясорубки, то может быть после войны и поженимся. Это подарок судьбы! А почему бы и нет? Парень я рослый, но, к сожалению, уж очень худощав. Снимешь гимнастерку, и нижнюю рубаху — все ребра можно пересчитать. Но это поправимо. Будет достаточно еды, быстро поправлюсь.

Внешний вид у меня не очень. Нет на лице бровей и ресниц. Да и на голове спереди волоса сгорели. Опять же на лице красные пятна от лопнувших волдырей. Не беда! До свадьбы заживет!

Обмундирование на мне грязноватое, засаленное, местами прожженное, но не в одежде дело. Это тоже поправимо. От этих

мыслей радостно улыбаюсь. Мне нет еще и 18 лет и, в меня никто не влюблялся. А, теперь, пожалуйста! Пришло мое время!

Эти размышления заставили меня почувствовать себя счастливым. Даже рана перестала болеть. Улыбаюсь изо всех сил, а голову сверлит мысль: интересно, как она начнет? Скорее всего, запоет: — Я вся горю не пойму от чего! Так пела моя старшая сестра.

А что же ответить мне? Может быть словами романса: — Гори, гори моя звезда!

Пока, размышлял таким образом, она оказалась прямо передо мной. Присела около меня и взяла мою левую руку. Моя рука была ужасной. Ладонь покрыта твердыми, как камень, мозолями. Гвозди можно забивать такой ладонью! А ее ладонь? Какая она мягкая и нежная! Ох! Как приятно это прикосновение! Чтобы полностью насладиться, прикрываю глаза. От счастья даже лишился не только дара речи, но и способности мыслить. Сердце мое учащено билось. На глаза навертывались слезы умиления. Таким счастливым никогда себя не ощущал! Как мне хотелось, чтобы это продолжалось вечно!

Вдруг, из — за спины, появляется ее рука со шприцем. Ничего не успеваю сообразить, как она вонзила в мою левую руку повыше кисти иглу шприца

— От столбняка — сказала она и, также мило улыбнувшись, удалилась.

Меня поразило ее коварство до такой степени, что долго не могу придти в себя. Просто остолбенел, несмотря на то , что только, только получил укол от столбняка...В таком состоянии был очень долго, но увидел, как она подошла к раненному бойцу, который лежал слева от меня. Точно с такой же очаровательной улыбкой она всадила шприц и ему. Так она двигалась мимо раненных и, каждому улыбалась и делала свое черное дело.

Подъехала повозка. Оказалось, что привезли капитана Овчинникова. Подошел начальник санбата, придирчиво посмотрел на повязку и ворчливым голосом обругал санинструктора, который накладывал эту повязку. Втягиваю голову в плечи, так как чувствую свою вину. Подполковник обратился к ездovому с вопросом.

— Почему капитан без оружия?

Ездовой ответил, что так с расстегнутой кобурой и нашли капитана Спросить не могли потому, что он был без сознания..

Начальник санбата взял правую руку раненного и, осмотрев ее, сказал: — Гематома и довольно обширная. Предполагаю, что капитан держал в руке пистолет и какой — то негодяй, сильным ударом по руке выбил его. Вернется сознание к капитану, все

узнаем! Зверя этого обязательно найдем! Срочно на стол! Сам буду оперировать!

Два санитар в один миг отнесли его в операционную палатку.

Вот так дела! Ясно, что Овчинников возведет на меня поклеп. Ему поверят, а мне нет! Ждет меня тюремный лазарет, а потом трибунал. А могут без лазарета расстрелять. Ведь расстреляли одного парторга, несмотря на то, что у него рука была ранена. Эх, жаль, что эта проклятая граната не отправила меня на тот свет.

Теперь мне стало совершенно ясно, что расправа надо мной будет скорой и не правой. Где выход из положения? Что надо предпринять, чтобы оправдаться? Выхода из сложившейся ситуации не было!.

Капитана вынесли из операционной палатки. Сжимаюсь в комок перед неминуемой расправой. Но, что это? На носилках капитан прикрыт шинелью полностью, с головой! Ничего не понимаю!

К носилкам подошли два или три офицера. Среди них подполковник — начальник санбата со спущенной со рта марлевой повязкой Тихо о чем — то говорят. Напрягаюсь изо всех сил, чтобы услышать о чем они говорят. Из разговора медиков мне стало понятно, что капитан умер от потери крови, не приходя в сознание.

Сразу же наступило чувство облегчения. Опасность миновала!

Вот, подумалось мне, «Судьбы свершился приговор!» Кажется, так говорится в стихотворении «На смерть поэта». Чувствую себя чистеньким и перед законом, и перед своей совестью. Ну а он? Как говорить в пословице: «Что посеешь, то и пожнешь.»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. В ЛАПАХ ЭСКУЛАПОВ

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет
Здесь красный крест и белые халаты;
Здесь воздух состраданием согрет,
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие прострелянную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть..

Вера Инбер. «Пулковский меридиан»

Все раненные просили пить. Потеря крови вызывает дефицит влаги в организме — отсюда и постоянное чувство жажды. Пить не давали. Только после операции хирург определит, кому можно дать воду. Мне это положение было известно, поэтому пришлось мобилизовать всю свою волю и стойчески терпеть жажду. Порядок — есть порядок и его нельзя нарушать.

Переносили раненных бойцы, которые назывались санитарями. Они не пользовались носилками, а, взвалив раненного на спину, несли в операционную. Обращались они к раненным: — «Май милый» Видимо в их местности такое произношение. Санитары очень дорожили своей службой. Санбаты обычно расположены в 15 — 20 километрах от передовой и вероятность быть убитым или раненным ничтожно мала.

Дошла очередь и до меня. Санитар взвалил меня на спину и со словами «Май милый» — понес в операционную. Около хирургического стола он сказал:

— Ложись на стол!

Стол был залит кровью. Прошу вытереть его Медсестра со словами — «Ишь, ты какой!» — выполнила мою просьбу..

Ко мне подошел молодой обросший бородой до самых глаз, хирург и медсестра. У них рот и нос были прикрыты марлевыми повязками. Поглядев на хирурга, подумал, что у него нет времени побриться. Все время приходится оперировать раненных. В наступлении их очень много.

На пальцах левой руки врача блестели хромом многочисленные хирургические инструменты. Спустив мои шаровары, они похвалили повязку. Но потом, к величайшему моему изумлению, начали усердно рассматривать мои шаровары.

Чтобы лучше рассмотреть, они даже наклонились над столом и, вдвоем, усердно изучали каждый квадратный сантиметр шаровара. Они шумно дышали. Их лица были сосредоточены.

Тут меня осенило: они ищут дырку от осколка, который ранил меня. Скорее всего, они заподозрили, что мое ранение дело моих рук.

В то время шла борьба с самострелами. Так назывались военные, которые сами себе наносили ранения. Их всегда расстреливали или отправляли в штрафные роты, что равносильно расстрелу.

Это недоверие мне очень не понравилось. Чувство унижения не покидало меня все это время. Меня подозревали в совершении такого гнусного преступления! Оставалось только молчать. Наконец оба, и хирург, и медсестра облегченно и шумно вздохнули — дырку от осколка в моих штанах они все же нашли.

Потом началось самое мучительное. В рану запустили зонд, чтобы определить, где осколок. Реакция с моей стороны была не совсем мужской. Если быть совсем точным, то — позорной. Каждое движение хирурга сопровождалось моим громким криком. Этот крик вызван двумя причинами: во — первых болью, а во — вторых страхом. Мне было не ясно, что они еще сотворят со мной!.

Операцию обслуживали несколько медсестер. Одна из них держала мою голову. Ей, видимо, было жаль меня. Чувствую, как ее слезы падают на мое лицо. Другая медсестра держала руки. Еще одна держала меня за ноги. Впечатление было такое, что меня, как Иисуса Христа, распяли на кресте.

Затем начали замораживать ногу. Для этого в ногу толстыми шприцами сделали несколько уколов тоже очень болезненных. Уже потом, после операции, с удивлением увидел, что бедро моей ноги стал толстым, как у женщины,

А вот, когда хирург начал резать, боли совсем не было. Чувствую, что меня режут, а боли нет. Даже растерялся. Для порядка надо орать, а орать не хочется.

Хирург сделал продольный разрез и, ухватив щипцами осколок, пытался его вытащить. Несмотря на то, что это был молодой и сильный парень, вытащить осколок ему не удалось. Он отпустил его и сделал поперечный разрез. После чего, без труда, вынул из раны кусочек металла, который причинял мне столько страданий. Осколок он бросил мне на грудь.

Рассматриваю этот кусочек металла и, удивляюсь, какой он маленький! Не больше ногтя на указательном пальце и не толстый! Края зазубрены. Все ясно! Своими краями он рвал мышцы ноги и, поэтому было больно.

— Еще ранения есть? — спросил хирург.

Во мне находился еще один осколок, но, понимая, что вторую такую операцию не перенесу, соврал: — Больше ранений нет!

Приказав медицинской сестре, сделать перевязку с каким то хитрым названием, он ушел из палатки.

Красавица медсестра сноровисто наложила повязку и, два санитары положили меня на носилки и направились к выходу из операционной. При выходе из палатки чья — то заботливая рука влила мне в рот немного водки и сунула в зубы кусок копченной очень вкусной колбасы. Совсем отвык от такой вкусной еды. С началом войны с Финляндией даже хлеб был дефицитом. С, трудом, повернув голову, увидел ту же красавицу медсестру

С тех пор шрам на бедре моей левой ноги, имеет форму креста. Думаю, что этот крест оберегал меня все эти годы

Меня перенесли в палатку, где находились уже прооперированные бойцы. Мы лежали рядочком на земле. Страшный холод бил нас. После некоторых раздумий пришел к выводу, что этот озноб вызван, как потерей крови при операции, так и действием хладагента, который распространился по всему телу. Санитары принесли огромный брезент, которым прикрыли нас всех. Сразу стало теплее.

Наступило утро. Нас положили в кузов грузовика и повезли в ППГ, что расшифровывается так — Полевой передвижной госпиталь. Не надо путать с ППЖ, что расшифровывается — Полевая походная жена. Очень распространенный термин у штабных работников.

В ППГ меня не оставили, а в товарном вагоне перевезли в Тулу в стационарный госпиталь. Здесь меня остригли, сняли с меня обмундирование и нижнее белье. Нужно отметить, что мое нижнее белье было не белым, а серым. Вернее темно — серым. Никогда, до этого, да и после, у меня не было такого грязного белья. Раздевали меня женщины и, мне стало нестерпимо стыдно.

— Белье мое грязноватое. Я с передовой. Там всякое бывает: то землей засыплет, то в пыли катаешься!

— Разве мы не понимаем? С фронта привезли! Иначе быть не может! — тактично ответили санитарки.

Затем понесли в ванну. При виде ванны меня охватил страх, что вода попадет в рану. Но женщины рассмеялись и заверили меня, что все будет в порядке. Они прикрыли повязку клеенкой и, вымыли меня. Эта процедура мне очень понравилась! Затем переодели в чистое белье. Такого удовольствия мне никогда не приходилось испытывать!

Других бойцов, заросших щетиною, брили, а мне это не требовалось. С горечью заметил, что по всем показателям отстою

от других бойцов. Точнее говоря, все процессы в моем организме идут замедленно. Мужчины растут обычно до 22 лет. У меня этот процесс закончился только в 25! Да и бриться стал позднее других.

Палата, в которую меня положили, была довольно просторной. Когда — то здесь была классная комната. Коек было очень много. Все сияло белизной и, мне было очень приятно находиться в такой чистоте, от которой на фронте совсем отвык.

Во время войны раненных в госпиталях называли «раненный — больной». Этот термин применялся во всех случаях и при обращении к пациенту и в официальных бумагах..

О пребывании в этом госпитале, надо остановиться особо. Здесь мне исполнилось восемнадцать лет. Вот, когда только стал совершеннолетним и, по закону, меня могли призвать на военную службу. То обстоятельство, что был призван, до этого возраста, объясняется войной.

В настоящее время, при встречах с молодежью, узнав о моем ранении в бою несовершеннолетним, объявляют: — он пошел добровольцем на фронт! Конечно, приятно слышать такие слова в свой адрес, но их. приходится опровергать, Правда, мне дороже незаслуженной славы Или, как сказал великий древнегреческий мыслитель: — «Платон мой друг, но истина для меня дороже!».

Проснувшись утром уже восемнадцатилетним, подумал, что это событие надо отметить. Но как? Вспомнил, как отмечалось это событие моей старшей сестры Надежды. О, какое это было торжество! Было много гостей.

Стол ломился от яств. Много ели, пили, танцевали. Тогда самыми распространенными танцами были краковяк и подьэспань. Гости, во время танца, пели: — «Подьэспанец хорошенький танец, его очень легко танцевать!» Думаю, что в настоящее время, не найдется ни одного человека, который смог бы исполнить эти танцы. Даже само название этих танцев поставит в тупик любого танцора. Во всяком случае, компьютер точно поставлен в тупик. Слово «подьэспань» подчеркнул красной чертой, как грамматическую ошибку.

Вспоминаю, какие пили вина в то время. Виноградных вин не было и в помине. Преобладали наливки: малиновая, вишневая, черносмородиновая. Их крепость составляла 30% Водки были настояны на травах и их название было производным от наименования травы: зубровка, зверобой, тминная.

Отец, еще не был арестован, подарил имениннице толстую, претолстую книгу — «Мироздание». Это большой, великолепно оформленный, труд по астрономии. Он написан крупнейшими учеными того времени. Фундаментальное издание стоило очень

больших денег

Этот подарок не был случайностью. Моя старшая сестра всем говорила, что будет астрономом. Однако она поступила в пединститут на специальность «русский язык и литература». На мой вопрос: — почему она изменила астрономии, ответила, что там сплошная математика. С математикой она была не в ладах.

На чистом листе, который следует за переплетом, рукой отца была сделана дарственная надпись. Часть листа с этой надписью сохраняю до сих пор, как священную реликвию. Это единственная бумага, на которой имеется надпись, сделанный рукой отца Вот содержание этой надписи:

г. Уфа 1935 г. Февраля 18 дня. Понедельник.
Моей дочери Надежде Ивановне Беляевой.
За ее привет и ласку в подарок от отца
И. Беляева..

Подпись: И Беляев.

Переписав содержание дарственной надписи, тут же прячу эту бумагу в папку с самыми дорогими и важными документами. Для меня все, что связано с родителями, священно!.

Эта книга по астрономии вызывала у меня восхищение и огромный интерес. Там было много цветных изображений Марса, Венеры, Юпитера, Сатурна с его знаменитыми кольцами и других планет. Для меня читать эту книгу было большим удовольствием. Вот было время!

Во время войны, когда было очень голодно, сестра отнесла ее в букинистический магазин. Вырученных денег хватило на полбуханки черного хлеба. Целая буханка стоила 500 рублей. Инженер получал около 600 рублей, главный бухгалтер на стройке 950, а главный инженер строительства — 1050. Невероятно огромные деньги! Услышав такие суммы, глаза людей становились квадратными и, придя в себя от шока, они с трудом выдавливали: — !Вот это деньжищи! Живут же, люди!" Почему мне так хорошо запомнились эти цифры? Очень просто — мой отец до ареста работал на стройке кассиром.

1500 рублей — это была уже астрономическая сумма. В то время, в нашем городе, из уст в уста передавалась такая история. В пригороде, в землянке, жила семья, которая продала корову за 1500 рублей. Грабители ночью убили всю семью и завладели этими деньгами.

У читателя возникнет вопрос. что такое землянка? Бездомные

люди отрывали в земле яму прямоугольного сечения, перекрывали ее подручными материалами, оставляя лаз для проникновения в землянку. Этот вход занавешивался. В таких землянках в то время некоторые люди жили всю жизнь. Бедно жил народ!

Воспоминания это хорошо, но все же, как мне отметить это важнейшее в моей жизни событие? Наверное, надо съесть, что — то вкусненькое. А где его достать? На рынке, конечно!

Проверил свои капиталы. Совсем мало! Все — таки, можно попросить нянечку, купить на рынке хоть немного вкусненького. Подзываю нянечку и, даю ей деньги. Она их взяла и пообещала купить. Совсем упустил из вида, что нянечки сутки работают, а потом двое отдыхают. Медицинское начальство решило разгрузить этот госпиталь, отправив большое количество раненных, в том числе и меня, в глубокий тыл...

Нас погрузили в санитарный эшелон. Это были пассажирские вагоны очень хорошо оборудованные — белоснежные простыни и подушки, хороший уход. В этом эшелоне нас привезли в Казань.

Из вагонов нас выносили на носилках и клали на привокзальной площади очень пожилые женщины. На площади было много автобусов, оборудованных для перевозки раненных, и те же женщины переносили нас в эти автобусы. Когда они подошли к моим носилкам, мне стало стыдно, что такого молодого парня понесут старушки. Со словами — «В автобус пойду сам» — встал и тут же упал. Из моего благородства ничего не вышло!

Старушки увидели мое фиаско и дипломатично сказали: — Ничего! Мы Вас сейчас отнесем в автобус!

Эвакогоспиталь в Казани помещался в четырехэтажной школе. Это было типовое здание из силикатного кирпича. Такие школы строили по всей стране. Мы с сестрой в своем родном городе учились точно в такой же школе.

Эти здания были двойного назначения: в мирное время — школа, а во время войны — военный госпиталь. Классы были палатами. В каждой такой палате помещалось довольно много коек — 20 или 25 уж точно и не помню..

Всем известно, что вход в классную комнату находится справа, если смотреть на доску. Моя кровать была второй от этого входа, а ближе к входу лежал раненный боец Белоногов. У него, в результате контузии, был нарушен какой — то центр в головном мозге, что привело к недержанию мочи. Каждое утро санитарки меняли простыню на его постели, но ни одного раза его не упрекнули.

На противоположной стороне классной комнаты, там, где

окна, стояли койки с молодыми ранеными бойцами. Мы сразу же познакомились. Койки и на их стороне и на нашей стояли изголовьем к стене, поэтому общаться было очень удобно.

Точно напротив моей койки была койка Василия Новикова. У него была ампутирована нога. Как — то он заявил:

— Пятка на отсутствующей ноге чешется. Хочу почесать, а ноги нету! Что делать?

Его сосед Анатолий Дементьев возмутился:

— Ну, что ты мелешь Васька! Сам подумай, разве может чесаться пятка на ноге, которой нет!

Чувствую, что мне надо заступиться за Новикова.

— Анатолий! Ничего необычного в этом нет. В головном мозгу записаны ощущения, которые время от времени всплывают. Думаю, со временем это пройдет.

— Только одно мне неясно, что мне делать без ноги? Как зарабатывать на хлеб? — не унимался Василий

Тут в разговор вмешался боец по фамилии Хирург.

— Подаяние просить будешь!

Мне не понравился этот прогноз Хирурга, поэтому своим высказыванием решил его опровергнуть..

— Я так думаю, Раз человек стал инвалидом на войне, значит государство обязано взять его на свое иждивение. Будут платить какое — нибудь пособие или пенсию. Жить — то человеку надо!

Хирург был неумолим:

— А ты много видал инвалидов гражданской войны, которым платили бы пенсию? Ни одного! И нам ничего платить не будут! Новиков — выжитый лимон. Он никому не будет нужен. Отдал свое здоровье Родине и катись на все четыре стороны.

Мне отступить не хотелось

— А, я все — таки верю в справедливость.

— Блажен, кто верует, тепло ему на свете! — завершил разговор Хирург.

— Эту же цитату мне на передовой сказал мой приятель по роте, Гуляев.

— А, где он теперь? — спросил Хирург.

— Остался висеть на колючей проволоке перед первой немецкой траншеей.

— А. раз ты остался живой, значит, перевалил через проволочное заграждение. Расскажи, как все там было! — попросил Хирург.

Мне ничего не оставалось делать, как рассказать свою историю. Конечно, о том, что я увидев начальника Особого отдела, загнал патрон в патронник, ни слова. Зато подробно рассказал о том, как меня избивали в Особом отделе.

— А, по мне, так я этому зверю не стал бы перевязывать ноги, — сказал Васька.

— Пристрелить его надо бы и все дела! — заявил Анатолий.

Тут в разговор вмешался боец Лукьянов. Его койка стояла за проходом в палату у самой стены. Это был худощавый, небольшого роста пожилой человек.

— Эх, вы! Молодежь, молодежь! Да нешто можно быть такими жестокими. Ведь начальник Особого отдела тоже человек. Ему, поди, тоже хотелось жить!

— А, что же парню, которого он ни за что, ни про что избивал, не хотелось жить?

— Так у них работа такая! — не унимался Лукьянов.

— Какая бы не была работа, а надо оставаться человеком! — сказал Новиков.

— Хватит базарить! Услышит кто — нибудь и нас таскать будут по этим отделам! — завершил разговор Хирург.

Несколько слов о Лукьянове. Мы с ним познакомились в один из первых дней после моего прибытия в палату. У раненных первый разговор всегда о ране.

— Я ранен в левое бедро. Рана большая 3, 5 см на 7. В истории болезни пишут «с обильными гнойными отделениями», — похвастался автор этих строк.

— Разве это рана? — сказал Дементьев. У меня рана 17 см.

— А у меня — сказал Хирург — 27 см! А какая рана у Вас, Лукьянов? Он был старше нас всех и к нему всегда обращались на Вы.

И тут Лукьянов рассказал, что ранение у него смертельное. Пуля прошила икру правой ноги навывлет

— А, как кость? Ее не задело? — не унимался Хирург.

— Кость то цела! Но там проходят все жилы, кровеносные сосуды! Это смертельное ранение..

Все вокруг стали убеждать старика, что ранение пустяковое, ничего смертельного в этом ранении нет. Однако, старик был неумолим — его ранение смертельное.

Мне во время войны часто приходилось наблюдать, как люди подбадривали друг друга в тяжелую минуту. Поразмыслив немного, пришел к выводу: срабатывает инстинкт выживания вида..

Что касается старика Лукьянова, то это типичный пример самовнушения. Много раз мне пришлось убеждаться, что самовнушение имеет огромное значение для человека.

Старик начал медленно угасать. Вызвали его жену. Она все время сидела у его койки. Но однажды, проснувшись, все увидели, что его тюфяк свернут. Оказалось, что старик ночью

начал умирать. Раненных, находящихся в предсмертном состоянии, перевозили в особую палату, которая называлась изолятор и, находилась на первом этаже. В эту палату его и отправили.

Как — то возникла дискуссия о том, чем закончится война. Начал ее Новиков. Задумчиво он произнес.

— Вот выйдут наши войска к границе и встанут. Зачем нам идти за границу? И своей земли хватает!

Сразу же вся палата всполошилась.

— Ты, что с ума сошел? Как только наши перестанут их гнать, они сразу же начнут готовиться к новому наступлению. Наклепают танки, самолеты, артиллерию, призовут в армию молодежь и снова на нас, — горячился Дементьев.

Его сразу же поддержала вся палата.

— Уж, если мы их догоним до нашей границы, надо гнать их дальше до самого Берлина, — заявил Хирург.

— Почему только до берлина? — раздались недовольные голоса. Надо всю Германию к ногтю. А может быть перебить всех немцев, чтобы даже их языка не было! Вот тогда наступит мир!

Но тут раздался голос, которого до сих пор не было слышно

— Я так думаю. От германии до Атлантики рукой подать. Вот надо и двигаться до берега океана!

— Братцы! — раздался чей — то голос. Раз мы выйдем на берег океана нужно сразу же на корабли и в Штаты.

— Голова твоя садовая! А знаешь сколько потребуется кораблей, чтобы перевезти такое войско? Не тысячи, а может быть сто тысяч! Со всей Европы не собрать столько.

Обсуждение продолжалось еще очень долго, но постепенно все пришли к одному мнению: Германию разгромим и остановимся. Прекратилось это бурное обсуждение только тогда, когда в палату вошла медсестра и сказала, чтобы все шли в столовую на обед.

В качестве столовой служила одна из классных комнат. Там стояли длинные столы, на. которые ставились тарелки с едой, клали хлеб и ложки. К нашему приходу всегда все было приготовлено.

Однажды, Хирург обратился ко мне с вопросом.

— Вот у тебя нога располосована вдоль и поперек. У Новикова нет ноги. Да и у лругих тоже шрамы огромные. Я так думаю — все эти ранения обязательно должны сказаться со временем.

— Как это сказаться? Начал разговор, Хирург, так растолкуй, что ты имеешь ввиду! — перебил его Новиков.

— Всем, конечно, известно, свежая кровь движется по

артериям и попадает во все части тела: в ноги, руки и везде, куда надо. Но вот на ее пути нож врача перерезал кровеносный сосуд и, ей дальше пути нет. А снабжать кровью оставшуюся часть тела надо? И тогда поток крови идет по другим сохранившемся сосудам в обход поврежденного участка. Все бы ничего, но там уже движется свой поток, а тут еще дополнительный поток крови. Сосуд должен расшириться, чтобы пропустить удвоенное количество крови. Пока человек молодой, кровеносные сосуды эластичные и легко расширяются и сужаются, если это требуется. С годами они потеряют эластичность и снабжение кровью затруднится. Поврежденная нога будет страдать от недостатка питания. Вот это я и имел ввиду.

— Хирург, а откуда ты это все знаешь? — спросил Новиков.

— А у меня фамилия медицинская. Это меня обязывает разбираться в вопросах медицины.

— А вот у меня ноги нет! Это тоже препятствие для движения крови? — не унимался Новиков.

— Конечно! Все, что я рассказал, распространяется и на тебя и на всех остальных.

— А может быть в действительности все будет не так страшно? — вставил реплику Дементьев.

— Страшно, не страшно, а от судьбы никуда не уйдешь! — сказал Новиков.

— Кстати! Что такое судьба? Кто, как думает?

В это время мне пришла в голову мысль ввязаться в дискуссию

— Судьба! Это надо понимать так — суд Божий,

— Это что же получается? Бог устроил эту войну, а мы жертвы ее? За что он так жестоко поступил с нами? — недоумевал Новиков.

— Да ведь все говорят, что Бога нет. А, если его нет, то выходит, что виноваты в этой кровавой войне руководители государств, Гитлер, Чамберлен, Сталин! — тихо произнес Дементьев.

— А, если этих руководителей поставил Бог? Выходит, что война все — таки суд Божий? — вмешался Хирург.

Дискуссия продолжалась еще довольно долго. К единому мнению мы все — таки не пришли. А может быть по такому вопросу и невозможно иметь единое мнение?

Все медсестры, которые обслуживали нас, были молоденькими девушками. Одна из них мне очень понравилась. Это была высокая стройная девушка с открытым добрым лицом.

Мне доставляло удовольствие смотреть на нее. Хотя это любовование, мною тщательно скрывалось, видимо, она заметила

мое внимание к ней. Каждый раз, проходя мимо меня, она всегда одаривала меня внимательным взглядом и здоровалась. Через некоторое время мне другие медсестры сказали, что ее зовут Татьяна.

Однажды в коридоре, встретив меня, она сказала.

— Я посмотрела Вашу историю болезни. Там Ваше здоровье оценивается, как очень хорошее. Легкие и сердце в полном порядке и заживление раны проходит очень успешно. Организм хорошо преодолевает ранение.

— Но там написано, что рана с обильными гнойными отделениями. Как это понимать?

— Организм энергично борется с инфекцией. Вот, как это надо понимать, — сказав это, она очень мило улыбнулась.

Надо отметить, что врачи всегда уходили от ответа, если их раненный спрашивал о своем здоровье. Поэтому то, что Татьяна посмотрела мою историю болезни и проинформировала меня, было большой любезностью с ее стороны.

После этого разговора меня стали одолевать сомнения. Она такая видная, красивая, не в пример мне. Да я просто недостоин этой красавицы. Не парень, а одни кости, обтянутые кожей. Уж лучше сидеть на своей койке и не думать о такой красавице!

Всегда считал своим долгом перед сном чистить зубы. Для туалета раненных была оборудована отдельная комната. Там были две или три раковины, а за ширмой находилась ванна.

Однажды, перед сном, зашел в эту комнату почистить зубы. Слышу в ванной кто — то плещется. В такое время никто не принимает ванну, а тут на тебе. Заглянул поверх ширмы и увидел там Татьяну. Сразу же понял бестактность своего поступка и вихрем сбежал в свою палату, оставив зубную щетку и порошок на раковине..

Через некоторое время дверь палаты открывается и на пороге появляется Татьяна в белом халате, накинутом на голое тело. Подойдя ко мне, она сказала шепотом, чтобы не беспокоить спящих.

— Вы забыли принадлежности для чистки зубов. Вот они. Она наклонилась, чтобы положить на тумбочку зубную щетку и порошок. При этом халат на груди немного открылся и белые круглые груди предстали перед моим взором. Вид ее груди мне очень понравился, но сразу же отвожу глаза в сторону.

— Спасибо большое, — промямлил тихо и, улегся под одеяло..

..К нам приходили лекторы, которые информировали нас о положении в мире Слушатели всегда задавали один и тот же вопрос — когда союзники откроют второй фронт? Все понимали

— откроют второй фронт и нашей стране сразу станет легче вести войну. А, что мог ответить горе — лектор? Думаю, на такой вопрос не смог бы ответить даже Сталин!

Однажды попросил такого лектора. рассказать о генерале Власове. На лице лектора появилось выражение недоумения и, мне стало понятно, что он ничего не знает об этом. В тылу совершенно не было никакой информации по этому вопросу. Много позже в печати появилась статья на эту тему. Привожу короткую справку о Власове.

На Украине механизированный корпус, которым он командовал, безуспешно оборонял Киев. Удача пришла к нему в декабре 1941 года. Войска, под его командованием, освободили город Солнечногорск. Фотография Власова появилась на первой полосе газеты «Известия». Сам Сталин принял его в Кремле, где ему вручили второй орден.

В январе 1942 года при попытке прорвать блокаду Ленинграда, 2-я ударная армия под его командованием почти полностью погибла у новгородской деревни Мясной Бор. Власов сдался в плен.

В листовках, сбрасываемых на наши позиции, он вспоминал о миллионах жертв ГУЛАГа, о рассказывании казаков и многое другое. Сообщалось, что их цель — свержение сталинской тирании, свобода слова и вероисповедования, освобождение политзаключенных. На последнем этапе войны он пытался сдать союзникам. Они его не приняли. Советская контрразведка его захватила. 2 августа 1946 года он был повешен в Лефортовской тюрьме, которая находится в Москве.

Весь микрорайон называется «Лефортово». Во времена Петра Великого здесь находилось немецкое поселение, жителем которого был немец Лефорт, ставший впоследствии русским генералом. Здесь же до сих пор находится знаменитая Лефортовская тюрьма.

У студентов была даже песня о Лефортове. Вот ее слова.

Среди улиц Москвы есть веселый квартал
Он Лефортовский Вал называется.
Там студенты живут, они горькую пьют
И еще кое — чем занимаются.

Припев.

Через тумбу, тумбу раз
Через тумбу, тумбу два
Через тумбу три, четыре спотыкаются.

На этом мои воспоминания исчерпаны..

У раненных всегда много свободного времени. Важное место в нашем времяпровождении играл фольклор. Фронтовые барды переделывали известные песни на свой лад. Например, казачья песня: времен первой мировой войны звучала так.

А первая пуля, а первая пуля, а первая пуля
Сразила коня.
А вторая пуля, а вторая пуля, а вторая пуля
Ранила меня

Припев:

Любо, братцы, любо, братцы, жить
С нашим атаманом не приходится тужить

Во фронтовом переложении это звучало так:

Первая болванка попала танку в лоб.
Механика — водителя загнала прямо в гроб

Припев:

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить
В танковой бригаде не приходится тужить
От второй болванки раскололась броня
И мелкими осколками поранило меня

Припев.

Третья болванка попала в бензобак
Я выскочил из танка, да и сам не знаю как

Припев.

Утром меня вызвали в Особый отдел
Почему, товарищ, ты в танке не сгорел?

Припев.

Товарищ начальник, — ему я говорю
В следующем танке обязательно сгорю!

Припев.

Вот такие издевательские песни распевали мы, когда не было поблизости врачей! Медсестры и нянечки слышали наши крамольные песни, но нас не выдавали.

Читателям, видимо, неизвестно что такое «болванка?» Разъясняю. Это особый вид бронебойного снаряда, который противник применил на последнем этапе войны..Обычные бронебойные снаряды заполнены взрывчатым веществом, которое взрывается, как только снаряд оказывается внутри танка. Болванка не имеет такого заряда и состоит только из металла, вернее из двух видов металла. В приведенной песне используется солдатский термин — «болванка». Правильное название — «подкалиберный снаряд». Но это уже тонкости, которые читателю неинтересны.

Были и другие песни, но разве обо всем напишешь?

Появился новый вид времяпровождения — карты. Один из раненных, Костя Багаев, был фанатом карточной игры и все время вовлекал в игру других. Постепенно, шаг за шагом, он обыгрывал свои жертвы.

Однажды, Костя Багаев подсел на мою кровать и предложил сыграть в очко. Так называлась игра в 21. У меня было несколько рублей. Про себя подумал, что это не деньги и предложение принял. К величайшему моему изумлению, мне все время везло и, через некоторое время, около меня появилась огромная куча денег.

Никогда, ни до этого, ни после этого у меня не было такого огромного количества купюр. От такого богатства у меня даже голова пошла кругом.

Но тут, как говорится, подул ветер перемен и, начался период проигрышей столь же стремительный, как и период выигрышей.. Закончилась эта игра для меня с теми же деньгами с какими началась.. Это привело меня к мысли, что картежник умышленно вначале проигрывал, чтобы вызвать азарт у партнера, а затем, только ему известными методами, забрал все обратно.

Костя играл в карты чуть ли не круглыми сутками на пролет и других всеми правдами и не правдами вовлекал в игру. И вдруг он исчез! При встрече с Татьяной в коридоре спрашиваю, куда делся Багаев. Она мне разъяснила, что его выписали из

госпиталя, но не в воинскую часть, а приказом начальника госпиталя направили в штрафную роту.

Для тех, кто не знает, что это такое разъясняю. Такие роты формировались из провинившихся бойцов. Среди них были самострелы, дезертиры и другие в том же духе. Вспоминаю, когда наша команда ехала в поезде из Казани в Марийскую АССР, в одном вагоне с нами ехали зрелые мужики, которых взяли прямо из тюрем. Отсидеть срок, к которому они были приговорены, им не дали. Их везли в штрафные роты.

Штрафники всегда находились под конвоем. Можно сказать им создавались почти тюремные условия. Эти роты направлялись на самые опасные участки фронта, где шансы остаться живыми были минимальны, или их не было совсем. Если штрафник в бою получал ранение, то считалось, что он свою вину смыл кровью. В этом случае штраф с него снимался.

Во время войны был в ходу такой анекдот. Генерал Рокоссовский, который позже стал маршалом, получил пополнение из тюрьмы. Он приказал тем, кто имеет одну судимость, построится справа от него. У кого две судимости — слева, а тем у кого три судимости перед ним. Все построились в шеренги и, только один ходил от одной шеренги к другой и не мог найти себе место.

— А ты, что ходишь? — спросил его Рокоссовский,

— У меня четыре судимости.

— Становись за мной! — сказал будущий маршал.

Этот анекдот отражал реальное положение дел. В 1937 году многие видные, в том числе и самые высокопоставленные, командиры были арестованы. Те из них, которых не успели расстрелять, с началом войны были освобождены и заняли высокие командные посты. Некоторые участники войны в своих воспоминаниях пишут, что он сбежал из госпиталя на передовую в свою воинскую часть. Это полная бессмыслица. Госпиталь это тоже воинская часть. Выше уже упоминалось, что отсутствие в воинской части более суток, согласно закону, является дезертирством, а как наказывалось дезертирство во время войны, каждому было хорошо известно.

Бегство из госпиталя невозможно и по ряду других причин. Мы были в халатах, да и без документов из госпиталя, никуда бы не приняли

Мое пребывание в госпитале продолжалось два с половиной месяца. Как — то в палату зашла Татьяна и сказала, что меня выписывают из госпиталя и мне нужно на первом этаже получить обмундирование.

Спускаюсь на первый этаж и захожу в комнату, где находится

склад обмундирования.

Женщина смерив меня опытным глазом сказала: — Размер 48, а какой размер обуви?

И вот автор этих строк одетый, обутый, в шинеле, подпоясанный широким ремнем, сидит и ждет, когда к нему спуститься медсестра с документами. Ждать пришлось недолго, передо мной появилась Татьяна..Она сказала: Вот вам справка о ранении, и еще справка о пребывании в госпитале, а остальные документы будут переданы военкому. Мы сейчас идем в военкомат.

Обе эти справки, переданные мне Татьяной, бережно храню до сих пор. При оформлении инвалидности они очень пригодились.

Мы с Татьяной шли молча, когда подошли к зданию военкомата, она посмотрела на меня очень внимательно и тихо сказала: — Мне будет не хватать Вас. Я буду очень рада получить от Вас письмо. Это же совсем нетрудно написать коротенькое письмо!

После этих ее слов мы вошли в военкомат и она положила на стол офицера мои документы. Попрощалась и вышла.

Смотрю ей вслед и чувствую, как сжимается мое сердце и на глазах выступают слезы.. В военкомате из оправившихся после ранения бойцов, сколотили небольшую команду и отправили по новому месту службы в 363ий запасной стрелковый полк.

Затем, места службы, не по моей воле, менялись много раз.. Закончил воинскую службу в офицерском звании в середине 1948 года.

Но это уже совсем другой рассказ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тот час помиримся.

А.С. Пушкин. "Пирующие студенты"

С сентября 1949 года автор — студент московского института Студенческие годы самое веселое время в жизни человека. Все молоды, так и пышут здоровьем и все знают, что вся жизнь впереди.

Жизнь еще не очень поправилась после войны. Можно, даже, так сказать, бедновато жил народ. У большинства студентов лыжные костюмы были единственной одеждой, Зачастую эти лыжные костюмы были залатаны на коленях или на локтях, а иногда, и на коленях, и на локтях. Купить новый костюм было недостижимой роскошью!

Эти костюмы были двух цветов: синие или коричневые Ткань костюмов была хлопчато — бумажная утепленная. Вспоминаю, она называлась фланель. Рукава застегивались на пуговицу у запястья. Штанины также застегивались на пуговицы у самой стопы. В то время не производились лыжные костюмы с использованием резинок вместо пуговиц.

С продуктами питания положение тоже было не очень хорошим. Тем не менее, мы — студенты были оптимистами и не унывали.

Жили мы в общежитии в студенческом городке. Этот городок был большим: 12 четырехэтажных корпусов. Все корпуса располагались параллельно друг к другу и выходили одним торцом на улицу, а другим в проход, который отделял корпуса общежитий от сплошного забора. За этим забором находился хлебозавод.

По проходу между забором и торцами корпусов к началу занятий в институте двигалась плотная масса студентов. Поэтому

этот проход мы в шутку называли «Проспект Фартушного» (Фартушный — фамилия директора студгородка).

Через несколько десятилетий, прихожу на этот «проспект», останавливаю первого попавшего студента и, спрашиваю о проспекте Фартушного. На лице студента прочитал полное недоумение. Ничего не подделаешь! Наступили другие времена! Забыты наши шуточные названия.

Помню, 31 августа 1949 года, выхожу на улицу и иду вдоль всех корпусов. Стоял теплый вечер Смотрю на корпуса, на небо и думаю о том, что здесь мне предстоит провести 5 с половиной лет и стать инженером.

Во времена моего детства, людей с высшим образованием было очень мало. Помню, когда был еще ребенком, к моим родителям пришел мужчина. Когда он ушел, мама сказала, что это был инженер. И по ее тону мне стало ясно, что быть инженером очень почетно. Вот тут — то и зародилась голубая мечта — стать инженером.

Вспоминаю стихотворение, которое декламировала моя старшая сестра Надежда.

Принц Гамлет, товарищи, родился в Дании
И первое время нормально рос,
Но принцу стал причинять страдания
Один принципиальный вопрос.
Принц не знал — куда ему кинуться,
Принц сомневался — быть или не быть?
Конечно, в принце мы узнаем принцип,
Но учтите его королевский быт!,
Учтите какие у принца предки!
Конечно, в разгаре второй пятилетки
У нас не найдется таких чудачков!
Нынешний юноша он не таков!
Он рассуждает другим манером,
Быть, обязательно быть инженером!
Представьте, товарищи, лет через двадцать
И мужчины и женщины все инженеры
Инженеры мужья, инженеры жены
Сидит инженер инженерами окруженный
Представьте, товарищи у вас появляется детка,
А у нее и сказать — то неловко
Вместо грудной, подъемная клетка
Циркулем ножки, цилиндром головка...

.....

Без инженера на стройке прорыв

Инженер нужен, во — первых,
Но и врач с педагогом нужны, во — вторых.
Пропуск в тексте стихотворения объясняются тем, что
несколько строк мною забыты.

Такие стихи, конечно, тоже способствовали формированию тяги к высшему образованию.

Стремление к повышению своего образовательного уровня было свойственно мне всегда. Как только я прибыл в воинскую часть на офицерскую должность, то сразу же поступил в 9 класс заочной средней школы в городе своей службы.

Уволившись из армии в мае 1948 года, с 1го сентября этого года поступил в школу рабочей молодежи в 10й класс. Это была вечерняя школа. Днем я работал инструктором стрелкового спорта в местной организации ДОСАРМ, а вечером занимался в школе.

Чтобы расшифровать слово ДОСАРМ, придется сделать короткий экскурс в историю организации начальной военной подготовке молодежи в нашей стране.

До войны и в первые годы после войны в стране существовала организация со сложным названием Осоавиахим, что расшифровывается так Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

По всей стране существовали отделения этой организации, а там уже были кружки: стрелковые, парашютные, конные, радистов и другие. Во многих городах были аэроклубы, у которых были небольшие двухместные самолеты — биплан У — 2.. Кстати, автор этих повествований, до войны ходил в конный кружок городской организации Осоавиахима. У нас были 2 или 3 лошади, шашки, которыми мы учились рубить лозу. Эти занятия мне очень нравились.

Тот, кто заканчивал учебу в этих кружках, после сдачи экзамена, получал красивый значок, который с гордостью носил на груди. Эти значки были предметом зависти всех мальчишек.

В 1948 или в начале 1949 года Осоавиахим был упразднен и вместо него в стране были созданы три организации: ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ. Расшифровываю: Добровольное общество содействия армии. Два других названия, соответственно, авиации и флоту. Позднее эти три общества слили в одно — ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

Выбранный мною институт был престижным и пользовался большим успехом у молодежи. Это в значительной степени повлияло на мой выбор.

Мест в общежитии было недостаточно, поэтому при сдаче вступительных экзаменов, на документе, который предъявлялся экзаменаторам сверху была надпись чернилами «с о.» Это понимать надо так, что абитуриент нуждается в общежитии и спрашивать с него строже, а оценку ставить ниже по сравнению с москвичами, которые не нуждались в общежитии..

Как у участника Великой Отечественной войны, у меня было право поступить в любой институт без конкурса. Однако, экзамены мною были сданы на 5, что обеспечивало мне поступление в институт даже по конкурсу.

Учебные занятия, выполнение многочисленных домашних заданий, которые мы называли ДЗ, требовали больших усилий и отнимали много времени.

Первое время моя дисциплинированность проявлялась в том, чтобы выполнять все домашние задания. Но вскоре до меня дошло, что, даже работая до 2х часов ночи, все равно все задания выполнить невозможно. Естественно, возникла мысль выполнять не все, что задано. Но преподаватель ходил вдоль столов и просматривал, как выполнены эти задания. Что бы не вызывать гнев преподавателя, мною выполнялась только часть заданий, а оставшуюся часть удавалось переписывать у приятелей, в перерывах между лекциями.

При первой же возможности мы устраивали пирушки и распевали песни. Например:

Студент бывает весел
От сессии до сессии,
А сессии всего два раза в год

Песни, которые были популярными в то время, мы тоже не щадили и переделывали на свой лад. Пример: грузинская песня. Эту песню в те далекие годы, исполнял певец Канделаки — грузин по национальности.

Где в горах орлы да ветер, нани на, нани на
Жил Вано — старик столетний, нани на, нани на
Смерть пришла порой ночью, нани, нани на
Говорит — пойдем со мною, дели во дела.
Старику куда деваться, нани на, нани на
Жалко с жизнью расставаться, нани на, нани на
Подожди, кацо, немного, нани, нани на
Надо ж выпить на дорогу, дели во дела.
Сели рядом генацвали, нани на, нани на
За боченком цинандали, нани на, нани на

Ночь плывет, светлеют дали, нани, нани на
А старик все пьет, да хвалит, дели во дела
Смерть пьянеет, еле дышит, нани на, нани на
Ничего уже не слышит, нани на, нани на
И к утру, страдая тяжело, нани, нани на
Уползла в кусты бедняжка, дели во дела.
И с тех пор, вы мне поверьте, нани на, нани на
Смерть сама боится смерти, нани на, нани на
Приезжайте, генацвали, нани, нани на
Посидим за цинандали, дели во дела.
В исполнении студентов это звучало так.
Много лет до нашей эры, нани на, нани на
Стали нужны инженеры, нани на, нани на
Мудрецы совет собрали, нани, нани на
Институт образовали, дели во дела.
Стали думать, стали мыслить, нани на, нани на
Как людей туда зачислить, нани на, нани на
Чтобы каждый здесь был равен, нани, нани на
Мы придумаем экзамен, дели во дела
Говорит мудрец старейший, нани на, нани на
Чтоб халтуры было меньше, нани на, нани на
Не жалеем мы ресурсы, нани, нани на
Будет здесь начальник курса, дели во дела.
И с тех пор вы мне поверте, нани на, нани на
По земле пошли студенты, нани на, нани на
Шли года менялись эры, нани, нани на
В жизнь вступали инженеры, дели во дела.

Другая популярная песня фронтовых журналистов звучала так (отрывок)

От табака и водки сохнут наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет
С наше поучите, с наше позубрите
С наше по сдавайте, хоть бы год!
Что за предрассудки есть три раза в сутки
И ложиться в чистую кровать
Мы в своем рассудке, мы едим раз в сутки,
А на остальное наплевать
День мы прогуляем, два мы проболтаем,
А потом не знаем ни бум — бум.
Выпьем за сдувавших, за не посещавших
Сессию сдававших на о бум

На нашем курсе учился студент Моторин. У меня с ним сложились приятельские отношения. Хотя он и был не очень разговорчивым парнем, однако, для меня исполнил песенку, которая мне очень понравилась. В то время в западных странах ширилось забастовочное движение и это нашло отражение в фольклоре. Так появилась эта песня, написанная Джо Хилом (если мне не изменяет память). Думаю, что нынешнему поколению будет интересно с ней познакомиться. Вот эта песня.

Однажды объявили забастовку мы опять.

Лишь Кэйджи Джон, наш машинист, решил не бастовать.

Зачем бороться думал он, не лучше ль есть свой хлеб.

И стал штрейкбрехер Кэйджи Джон, короче скэб.

Кэйджи Джон с машины не слезает,

Кэйджи Джон привычный держит путь,

Кэйджи Джон послушный раб хозяев,

Они ему повесили медаль на грудь

Его стыдят со всех сторон — бастует целый свет!

Плевать! — ответил Кэйджи Джон, — до всех мне дела нет!

Но рельсы, кто — то, развинтил в глухую ночь одну

И с моста в реку Кэйджи Джон — бултых ко дну

Кэйджи Джон отправился на небо

Кэйджи Джон стучится прямо в рай

Кэйджи Джон, — сказал апостол скэбу

Мы ждем тебя давно уже, входи, давай.

В раю у нас давно уже не божья благодать

Здесь ангелы —хранители начали бастовать,

Волнуются, забросили дела ко всем чертям,

Но ты же ведь штрейкбрехер, ты поможешь нам!

Кэйджи Джон взял крылышки и тогу,

Кэйджи Джон взял арфу и венок,

Кэйджи Джон прислуживался Богу

Усердней, чем хозяевам служить бы мог.

Но ангелы хранители узнали, как назло

И райского штрейкбрехера поймали за крыло

Венок ему попортили и арфу пополам

И выпихнули вниз его ко всем чертям

Кэйджи Джон навек простился с небом

Кэйджи Джон работает в аду

Кэйджи Джон жалеет, что был скэбом

Это надо всем штрейкбрехерам иметь ввиду!

Эта легкомысленная остроумная песенка мне запомнилась и,

с тех пор, исполняя ее всякий раз, когда нахожусь в гостях.
Эффект колоссальный!

Очень популярны у студентов были шуточные песни, вроде такой.

На далеком севере
Эскимосы бегали,
Эскимосы бегали
За моржой.
Эскимос моржу поймал
И вонзил в нее кинжал
И вонзил в нее кинжал
Глыбоко.
Он содрал с нее кожу
И забросил на баржу
И забросил на баржу
Далеко.
Но моржа не стала ждать,
Взяла кожу и бежать
Взяла кожу и бежать
Босиком
И опять на севере
Эскимосы бегали,
Эскимосы бегали
За моржой...и все сначала.

Наш институт был мужским, а уж наш факультет — супермужским. На первом курсе, при численности 220 человек девушек было всего 20. Но мы не унывали! В Москве много суперженских институтов, только педагогических три: государственный, областной и городской. Кроме этих, есть институт иностранных языков, сокращенно ИНЯЗ и масса других. Познакомились со студентками суперженского института. Наши пирушки стали еще более веселыми, чем были до этого знакомства..

С первых дней учебы меня избрали профоргом группы. Потом в профбюро факультета, где я был председателем. На старших курсах был членом профкома института и, даже некоторое время исполнял обязанности председателя профкома. Общественная работа тоже требовала затрат времени и энергии.

Однажды, в перерыве между лекциями, ко мне подошел студент Геннадий Еремин.

— Ты мне дашь рекомендацию для вступления в партию? — спросил он.

Эта его просьба меня совсем не удивила. В то время занять какую — либо хорошую должность можно было только будучи членом партии, которая называлась ВКП(б). Расшифровываю: Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

— Геннадий, дать такую рекомендацию можно только в том случае, если знаешь человека по работе или учебе не менее года. Это требование Устава партии и его невозможно обойти! Надо подождать год, а потом вернуться к этому вопросу.

Это не был отказ. Однако, Еремин это воспринял, как отказ и возненавидел меня. До конца обучения в институте он делал мне гадости везде, где это было возможно и где было невозможно.

Будучи комсоргом группы, он устроил комсомольское собрание, на котором обвинил меня в отсутствии принципиальности.

— Где? Где его принципиальность? — кричал он, воздев руки к небу. Студенты лениво и неохотно слушали его. А один студент Рыбашов сказал обо мне, что он намного старше их всех и поэтому отличаюсь от них. Он обратился к Еремичу: — Геннадий, прекрати эту истерику!

Однако, Еремин не успокоился и продолжал меня ненавидеть до самого окончания учебы в институте.

Стипендия на нашем факультете была повышенной. Да и выбор на него пал по этой причине. Помощи мне ждать не от кого. Мама была уже неработоспособной.

На первом курсе мы получали 395 рублей, на втором 420 и так далее по 20 рублей надбавки вплоть до выпуска. Как отличнику, мне все время обучения выплачивалась надбавка к стипендии в размере 25%. Для сравнения: оклад начинающего инженера в то время составлял 1000 рублей.

Стипендию получали только те студенты, которые учились без троек. Этот порядок ввели совсем недавно и поэтому в ходу были различные анекдоты. Приведу один из них Вы, читатель, скорее всего, больше нигде не услышите этих анекдотов.

Троечники пошли искать хоть какие — то заработки. Студентка пришла в зоопарк спрашивает работу. Ей говорят, что работа есть, но только захочет ли она выполнять ее. Студентка отвечает, что согласна на любую работу. Кадровик ее говорит: — «В зоопарке умерла обезьяна, шкуру ее выделали и надо какое — то время посидеть в клетке в этой шкуре». Студентка согласилась. и вот ночью открывается дверь и в клетку входит лев. С криком студентка бросается на решетку. А лев говорит: — "Не вопи, Рита, это я из МИИТа. (Московский институт инженеров транспорта).

Студенты создавали, так называемые, коммуны. Складывали деньги, каждый по 250 рублей и, этого хватало на питание на весь

месяц. Чаще всего мы делали лапшу, иногда с мясом. Сливочное масло на столе было каждый день

На одежду денег, конечно, не хватало, а ведь гимнастерка и шинель надоели. Так хотелось пощеголять в костюмчике! Для решения этой проблемы мы подрабатывали. Днем слушали лекции, а ночью разгружали вагоны. Особенно нам нравилось разгружать картошку. Варили ведро картофеля, а соль нам давал охранник. Получается, что мы не только зарабатывали, но и подкреплялись перед лекциями.

Однако, вскоре стало ясно, что на разгрузке вагонов на костюм не заработаешь. Поэтому мне пришла мысль на летние каникулы устраиваться на работу.

И вот на период каникул поступил на работу рабочим в монтажную организацию на монтаж котлов.

В управлении мне дали адрес места работы и, на следующий день, прихватив комбинезон, приехал к началу рабочего дня по указанному адресу. Странная картина предстала перед моими глазами. Рабочие, спустив верхнюю часть комбинезона, лежат на штабелях кирпичей и загорают

Увидев меня, один из рабочих воскликнул: — А, новенький! Спускай комбинезон и ложись рядом с нами, загорать!

Такая «работа» мне понравилась. В один момент оказываюсь среди рабочих.

Час лежим, два лежим. Осторожно говорю рабочим, что работа сдельная и, если мы будем лежать, то ничего не заработаем. В ответ гомерический хохот. Закончив хохотать, они объяснили мне, что наряд больше чем на 115% не закроют, как бы не перевыполняли норму рабочие. Меньше, чем 100% тоже не заплатят, иначе они разбегутся. Рвать пупок за 15% нет смысла. "Так вот мы и «работаем!» — подвел итог один из рабочих.

Вот так «мы строим коммунизм!» — пришел мне на память распространенный в то время лозунг..

Наше благодушное настроение прервал начальник участка. Его истошный крик и угрозы заставили рабочих встать и, нехотя, приступить к работе. Начальник отбыл, восвояси и, рабочие снова легли загорать. Мне они рассказали, что у этого начальника несколько таких рабочих точек. Он их каждый день объезжает, но только по одному разу иначе ему не хватит рабочего дня. Это означает, что его сегодня не будет и можно позагорать.

В другое лето моим местом работы оказалась котельная в самом центре Москвы. Мы ремонтировали котел. Там для замены трубчатых поверхностей нагрева, рабочий на трубогибочном станке делал змеевики. Труба на обоих концах должна иметь фаску, то есть стенки торцов на специальном станке срезаются на

конус для последующей сварки. Ощущался дефицит таких обработанных труб и начальник попросил меня поработать ночью. Соглашаюсь.

Рабочие все ушли, мне надо приступать к работе. Знаю, что читателю это не интересно, но конец этой истории покажет всю дикость существовавшей в то время системы хозяйствования и оплаты труда. Сомневаюсь, что можно еще где — нибудь прочесть об этом.

В трех метрах от станка имеется опора, на которую кладется шестиметровая труба, так, чтобы один конец ее был у самого станка. Этот конец трубы зажимается в станке, включается станок и вращающимися резцами делается эта самая фаска. Когда фаска готова, резцы отводятся, станок выключается и труба освобождается от зажимов.. Теперь трубу нужно повернуть другим концом и повторить все операции в том же порядке.

Сразу же заметил, что все операции производятся правой рукой. Непорядок! Если двумя руками, то дело пойдет быстрее. Сказано — сделано! И опять непорядок. Чтобы повернуть трубу другим концом, надо отойти от станка. Это потеря времени. Выход нашелся. На опоре установил свободно вращающуюся вилку, в которую кладется труба. Теперь чтобы повернуть трубу необработанным концом не надо отходить от станка. Достаточно освободить конец трубы и толкнуть ее. Обработанный конец опишет в воздухе угол в 180 градусов, а необработанный конец окажется перед станком.

Уходя, начальник сказал, что нужно обработать 20 или 30 труб. Иначе мой заработок будет мизерным. Обработка каждой трубы стоит 52 копейки..

К утру мною было обработано 90 труб. После подсчетов выяснилось, что мною выполнено 500% нормы. Все пришли к выводу, что это невозможно. Растолковываю начальнику, что работу выполнял не просто рабочий, а рабочий с высшим образованием. Он мне в ответ, если закрыть наряд по факту, то руководство пересмотрит норму в сторону увеличения. Другие рабочие не смогут выполнить такую норму и устроят мне «темную». Он посоветовал распределить эту выработку на несколько дней, что и было сделано..

Прихожу получать зарплату, с удивлением вижу, что мне насчитали существенно меньше, чем положено. Кассир объяснила, что мною записана работа на те дни, когда на работе не был. Попытки доказать свою правоту результатов не дали. Вот такая дурацкая система существовала в то время..

В период учебы в институте, 3го марта 1953 года, скончался, как тогда говорили, «вождь народов», «великий гений всех времен

и народов» и т.п. и т. д. И. В. Сталин. Это псевдоним Джугашвили. Он был грузином. Слово «Джуга» арабского происхождения и означает «отбросы».

Сталин управлял страной, а вернее царствовал, почти 30 лет. В этот период все грузинское превозносилось, как говорится, до небес. Пышно отмечалась 625 годовщина грузинского поэта Шота Руставели. Его поэма «Витязь в тигровой шкуре» издавалась огромными тиражами. Грузию в средствах массовой информации именовали не иначе, как «солнечной». По радио часто исполнялись грузинские песни, например, очень грустная песенка — «Сулико» (женское имя). Она мне запомнилась. Мои воспоминания, весьма вероятно, будут единственными, в которых излагаются некоторые отрывки из этой песни.

Я могилу милой искал,
Но найти ее нелегко.
Долго я томился и страдал,
Где же ты моя Сулико?

Заканчиваются эти поиски так:

..... соловей на ветке
Носом клюнул розу слегка.
Ты нашел, что ищешь, он сказал
Вечным сном здесь спит Сулико

После смерти Сталина об этом поэте забыли. Забыты и все эпитеты, которые присваивались Грузии, все ее жалобные песни..

Как раз на 3.марта 1953 г у меня была договоренность с знакомой студенткой из другого института, пойти на каток, который действовал в парке МВО (Московского военного округа)..В настоящее время он называется по другому.

Как человек обязательный, взяв под мышку коньки, отправляюсь на каток в парк Но, подойдя к кассам катка, с удивлением увидел, что каток закрыт. Только тут до меня дошло, какое святотатство мною допущено.

Гроб с прахом вождя был выставлен в Колонном зале дома Союзов.

Огромное количество людей, желающих посмотреть на почившего вождя, заполнили все улицы. Мой приятель, Иноземцев, отправился в центр города с этой целью. Пришел только утром на следующий день Его вояж был успешным. Он рассказал, что милиция создала из очереди огромное кольцо,

даже несколько колец, по которым люди ходили, надеясь попасть в Дом Союзов. Известно, что у кольца нет ни начала, ни конца, но огромные массы людей ходили по этому кольцу. Конечно безуспешно!.

В этом колоссальном скоплении людей не обошлось без жертв. Погибло 2 тысячи человек

В эти студенческие годы появилось издевательское четверостишие. В стране был дефицит всего: продуктов питания, промтоваров, жилья и т.д. Впервые, это четверостишие мне исполнил сокурсник Миши Л.

Зато мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей
А в области балета
Мы впереди планеты всей.

В те годы Советский Союз, по сообщениям наших средств массовой информации разрабатывал и запускал в производство ракеты. Этот вид оружия демонстрировался на военных парадах, которые проводились в Москве два раза в год: 1го мая — день солидарности трудящихся и 7 ноября — годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. Такое написание было обязательным в те годы.

После парада всегда проводилась праздничная демонстрация трудящихся. Особенно уродливые формы эти демонстрации имели при жизни Вождя народов. Участие в этих демонстрациях было обязательным для всех работников московских предприятий, учреждений, учебных заведений и т. д. Солидный возраст, состояние здоровья не освобождало людей от участия в демонстрациях

Парад начинался в 10 часов и длился около часа. Демонстрации следовали сразу за парадом и заканчивались, примерно, в 17 часов Демонстранты собирались около своего места работы или учебы в 8 часов и, таким образом они были на ногах 9 часов. Люди в колоннах несли портреты Сталина, Ленина, членов Политбюро ЦК ВКП(б), многочисленные транспаранты, искусственные цветы и, проходя по Красной площади должны были кричать: —"Ура!"

У нас на работе был испанец Хосе Мария Гонсалес Мартинес Фернандес Альварес Хотя мне трудно было выучить эти имена и фамилии, но все таки с этим справился.. Запомнил на всю жизнь! Вот кому нравились демонстрации! Масса народа! Колонны время от времени идут или стоят, все шутят, смеются и, от нечего делать, поют! Улыбка восхищения не сходила с его лица в

течение всей демонстрации.

Итак, с ракетами все ясно. А перекрытие Енисея? Здесь надо остановиться подробнее.

В тот период сооружались мощные гидроэлектростанции на крупнейших реках страны и для сооружения плотин, русла рек перекрывались на время строительства. Вода рек пропускалась по временному обводному каналу. Перекрытие крупных рек было очень сложным делом и широко освещалось в средствах массовой информации. Каждое такое событие рассматривалось, как крупное событие в жизни страны.

И, наконец, о балете! В то время слава балета Большого театра гремела по всему миру. Даю свое объяснение этому явлению. Вспоминаю, что балет у нас появился в восемнадцатом веке.

Академик Тарле в своей книге «История дипломатии» пишет, что все попадавшее в Россию, приобретало закостенелые формы и не подвергалось изменениям столетиями. Видимо, это относится и к балету. В западных странах балет изменялся и стал неузнаваемым по форме исполнения. В нашей стране балет сохранился в неизменном виде.

Появление на западных сценах нашего балета было сенсацией и восторженно принималось западной публикой.

Великая балерина того времени Г. Уланова в танце очень талантливо предавала свои переживания, эмоции, чувства. Другие солисты балета старались не отставать от нее. Все это и обеспечило мировую славу нашему балету.

Для сравнения приведу такой факт. В 2006 г. по центральному телевидению показали выступление самой знаменитой пары парижского балета.

По середине сцены встала эта пара. Под музыку они очень талантливо поворачивали головы, выставляли в стороны руки или ноги, изгибались и, сделали одно очень сложное па, которое сопоставимо с акробатикой! Смотрю на экран и думаю, что нужно восхищаться, а этого у меня не получалось! С горечью признался сам себе, что не дал мне Бог способности разбираться в современном французском балете! А с другой стороны возможно и восхищаться нечем.

В последние годы жизни И.В.Сталина начались гонения на евреев. Появилось, так называемое «дело врачей — вредителей» Распространялись слухи, что врачи — евреи не лечат больных, а калечат их. В поликлиниках старушки отказывались идти к врачу, когда узнавали, что прием ведет еврей.. Выдающихся ученых медиков — врачей еврейской национальности, отправили за решетку. Обстановка все более и более накалялась, вплоть до

истерии.

Во всех этих событиях нужно учесть и то обстоятельство, что в западные страны поступала информация о состоянии здоровья руководства страны, несмотря на строгую засекреченность всего что относится к этому вопросу. Врачи — евреи кремлевской поликлиники и больницы были арестованы в первую очередь...

На нашем курсе было много студентов — евреев. Их лица стали сосредоточенными, мрачными. Они частенько собирались группами и о чем — то шептались. Появились слухи, что составляются списки евреев и готовятся лагеря для их изоляции. Большинство студентов относились к этим слухам скептически, но вслух высказывать свои сомнения никто не решался. Все понимали, что это очень опасно.

Обстановка существенным образом разрядилась, когда умер И.В.Сталин. Было объявлено, что дело врачей прикрыли, а из мест заключения вышли ученые — евреи. Вспоминаю, как — будто груз свалился с плеч. Даже дышать стало легче. Позднее этот тяжелый период в жизни нашего народа будет объявлен «Культом личности Сталина».

Вот так и жил наш народ и мы студенты вместе с ним. Непрерывные потрясения, уродливые выверты властей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. РАССКАЗ ПОШИВАЛОВА

В страданиях родной своей земли
Мы правду золотую обрели,
Нас мудростью война обогатила,
Нам верность нашу волю берегла.
А ненависти — той, что душу жгла —
На два бы поколения хватило

Поэт Илья Авраменко

Как — то вечером, поднимаюсь по эскалатору на выход из станции метро «Университет» и вижу в вестибюле рослого, хорошо сложенного офицера милиции в ослепительно — белом кителе с серебряными погонами (в то время такие были знаки различия).

Что — то знакомое! Он поворачивается ко мне лицом. Боже мой! Да это Пошивалов! Бросаюсь к нему. Но куда там! Он выставляет вперед руки и не дает мне обнять его.

— Ты же видишь китель чистый — говорит он, смахивая с левого рукава нивесть откуда взявшуюся соринку.

— Ну и встреча! Ты служишь в милиции?

— Конечно, и очень горжусь этим, а ты?

— Я студент.

— Живешь в общежитии ?

— Да! У нас общежитие хорошее. В комнате четыре человека. Кровати — двухэтажные.

— Недурственно! Недурственно! Но я смотрю на тебе офицерская форма цвета хаки. Купил что ли?

— Нет, не купил. До мая 48 года служил в армии офицером. Там и дали. Материал этой формы американский, называется «серж». Не мнется, не выгорает, просто прелесть, а не ткань!

— Так — то оно так! Но заплаты на коленях, почему из другого материала?

— Да, как тебе сказать. Протерлись! Такую ткань для заплат найти невозможно. Мы, студенты наловчились быстро и аккуратно накладывать заплатки. Края дырки обмазывают клеем БФ — 2 (в то время был такой универсальный клей). Потом кладется заплатка. Когда она присохнет, лишнее обрезаешь ножницами.

— Вот, так! Как идти на немецкие позиции и орать «Ура!» мы были нужны. А после окончания войны, катитесь подальше! В заплатах ходят офицеры — участники той кровавой войны!

— Все время вспоминаю разговор с Гуляевым. Будучи от рождения оптимистом, как — то сказал ему, что после войны правители изменят свою политику. И те несправедливости и зверства, которые были до войны, больше не повторятся. Он со мной не согласился. И правильно сделал. Сразу после войны начались аресты. Руководители страны не изменили своего отношения к людям. Бесправие народа только усилилось!

— А я пессимист и думаю, что будет еще хуже! Хватит говорить на эту тему. Нам с тобой надо пообщаться более основательно. Кое — что мне надо рассказать тебе.. Через час я сменяюсь, если хочешь, подожди.

— Конечно, подожду.

Через час Пошивалов сменился и мы с ним пошли к красным домам, которые находятся недалеко от станции «Университет»

Эти дома стоят квадратом или каре. Внутри этого каре уютные аллеи, скамейки. Там свой микроклимат. Летом всегда прохладно, так как много деревьев, а зимой не очень холодно, потому что нет ветра Мы уселись на скамеечку и наша беседа продолжалась..

Вот, что рассказал мне Пошивалов.

В том бою, у боевого охранения, нас в бой повел лейтенант Усталов, а старший лейтенант Сергеев — наш ротный — остался в траншее боевого охранения. Это он объяснил тем, что ему надо поддерживать связь с комбатом, а если потребуется, то и с артиллеристами. Кроме него там оказался и Пигольдин. Он заблаговременно спрятался в блиндаже, который находился в правом торце траншеи.

По предварительно разработанному плану, в нашу траншею должны были проникнуть фрицы. Их подразделение ночью скрытно сосредоточилось на нашем правом фланге, Чтобы после ухода роты в бой, по сигналу ротного, скрытно без выстрелов занять нашу траншею. Таким образом, мы оказались бы окруженными и уничтоженными.

Другая часть фрицев по ходу сообщения, должна была ворваться в нашу первую траншею и перебить всех, кто там находился. Это дало бы возможность немцам без потерь захватить первую траншею, а это уже прорыв нашей обороны..

Но в это время в траншее боевого охранения появился командир полка майор Титов. Рассматривая в бинокль поле боя, он сказал нашему ротному, что в прорыв он введет еще две роты.

Пигольдин скрытно приблизился к майору и убил его.

Казалось, что можно выполнять намеченный план, но тут в траншею появился комсорг батальона Завьялов. Так как, он мешал выполнить коварный план, Пигольдин убил и его. И в этот самый момент в траншею вбежал комбат Капи тан Рудь с двумя офицерами. Командир роты понял, что план провалился и с криком: — «Предатель!» пристрелил Пигольдина. Он не мог не пристрелить его, так как в случае ареста этого предателя сам оказался бы в Особом отделе..

Комбат заподозрил что — то неладное и позвонил в Особый отдел. Начальник отдела капитан Овчинников сообщил, что сейчас прибудет, но по дороге был тяжело ранен миной. Ему оторвало обе ноги ниже колен. В санбате он умер от потери крови.

В этот момент перебиваю Пошивалова и сообщаю, что был свидетелем этой сцены и сам сделал перевязку капитану Овчинникову.

Пошивалов продолжал свой рассказ..

Наш командир роты в начале войны попал в плен и его там завербовали немцы. Они предоставили ему выбор смерть или измена Родине. Сергеев выбрал второе. Немцы его с чужими документами переправили на нашу сторону. Ему удалось занять офицерскую должность. Так он стал командиром нашей роты. Пигольдин был его подручным.

— Откуда ты все это знаешь?

— Тебя и еще нескольких раненных не приняли в ППГ. Ранения у вас всех были тяжелыми. Вас повезли в Тулу. А у меня, хотя одиннадцать дырок в спине, да осколки мелкие проникли не глубоко. В санбате их вынули и, я в ППГ кантовался меньше месяца. Наклейки на спине еще не отвалились, как меня направили в управление армией, в службу ПФС. Помнишь, что это такое?

— Как не помнить! Продовольственно — фуражное снабжение. Значит, ты заведовал продуктами. Вот, красотища! Всегда был сыт!

— Ну, что ты! Заведовали офицеры, а мы охраняли. Или так — принеси, отнеси, погрузи, разгрузи..

— Хорошо, что мы с тобой вышли живыми из этой мясорубки. А куда девался ротный?

Ротный почувствовал, что он на подозрении, перебежал к немцам и служил у них в чине обер — лейтенанта. В Польше наши контрразведчики нашли его среди пленных. Его судили открытым судом и повесили. Пошивалов видел эту казнь.

— Помнишь, тебя мордовали за то, что ты упустил предателя? Ротный поручил тебе пустяковое дело — осмотреть

передний край немецкой обороны. С тобой еще увязался, этот чужак, такой рослый парень

— Как не помнить! Такое запоминается на всю жизнь! —

Дальнейший рассказ Пошивалова потряс меня.

Ротный с тем предателем, передал противнику план захвата траншеи нашего боевого охранения и первой траншеи, а также другие нужные им сведения. Он не случайно выбрал меня на это дело. Совершенно естественно, что сын врага народа мстит за своего отца и организует переход своего человека к противнику

Другой случай, когда меня с саперами умышленно дезориентировали, направив далеко в сторону от расположения роты. Было предусмотрено уничтожение всей нашей группы. В результате срыв операции.

Уничтожить группу должен был Пигольдин, который посылал сигнал трассирующими пулями вертикально вверх. Не получилось потому, что мы не дошли до предателя, свернув в сторону расположения роты. Были и другие случаи предательства командира роты

Этот рассказ привел меня в шоковое состояние, из которого меня вывел Пошивалов своей репликой.

— Ты многого не знаешь! Вас в кузове грузовика отправили в ППГ, а Хаджиханов двое суток был без сознания, Так и умер, не приходя в себя

— Ты тоже не все знаешь!

Рассказываю всю историю ранения Хаджиханова, включая второе ранение в нашей траншее Мне было интересно узнать судьбу других бойцов роты Спрашиваю Пошивалова:

— А другие? Зайцев, например?

— Та граната, которая ранила тебя, убила Зайцева. Ведь он был рядом с тобой, справа от тебя В отличие от тебя, он не сообразил, что нужно защититься от гранаты. Тяжело раненный, он скатился с бруствера немецкой траншеи, а когда к нему подполз санинструктор, был уже мертв.

— А, Гуляев?

— Остался висеть на колючей проволоке перед немецкой первой траншеей. Страшная картина!. Он висит грудью на проволоке, руки свешены за проволоку и вытаращенными глазами смотрит на немецкую траншею. Похоронная команда потом сняла его и закопала. Что мы толкуем о войне, да о войне. Лучше поговорим о житье — бытье. Отец твой «враг народа». Это все еще сказывается на твоей судьбе?

— Еще как сказывается! Врагу своему не пожелаю! Вот самый свежий пример Рассказываю Пошивалову об одном таком случае.

В нашем институте есть особый закрытый факультет. О его

существовании нигде не упоминается. Он располагается в отдельном корпусе и тщательно охраняется. Открытого приема десятиклассников на этот факультет нет. Студентов, окончивших первый курс других факультетов на отличные оценки, после проверки, зачисляются туда на второй курс. Меня, как окончившего первый курс с отличными оценками по всем предметам, направили на проверку в здание, в котором помещался этот факультет.

В большой аудитории нас, отличников, собралось человек семьдесят. Всем раздали анкеты на четырнадцать страницах. Один экземпляр испортил и получил второй, а первый припрятал и храню до сих пор. Каких только там вопросов не было! Например: служил ли в царской армии или в войсках, боровшихся против советской власти? Если служил, то в качестве кого, где и т. д. Состоял ли в других партиях, есть ли родственники за границей?. Главный вопрос о родителях. Написал все, как было.

Строгого вида мужчина прочитал мою анкету и, немного подумав, спросил, за что посадили отца? У меня всегда один и тот же ответ: нам ничего не сказали по этому поводу. Это действительно так! Задумался проверяющий и сказал, что я могу быть свободен. Ушел не солоно хлебавши! Есть и другие случаи! Разве все расскажешь!

Некоторое время мы сидели молча. Как в песне: — «И каждый думал о своем, припомнив ту весну»...Молчание прервал Пошивалов

— Все это очень печально и несправедливо. Но, что поделаешь? Такова жизнь! Другие родственники у тебя есть или ты один, как перст? Тебе хоть кто — то помогает?

Рассказываю, что в Подмоскowie живет моя сестра с мужем кадровым военным. Трое детей и мама живет с ними. Тяжеловато живут! На воскресенье езжу к ним. Из стипендии всегда кое — что выделяю. Стипендия у меня повышенная, да еще подрабатываю: на кафедре 2100 рублей и летом, где придется.

Зять подарил мне свой изношенный китель. Моей радости не было предела. Целую неделю в Москве мысленно примерял его на себя. Роскошь, да и только! Приехал в субботу вечером, а сестра из этого кителя сшила себе юбку. У нее тоже одежды раз, два, да и обчелся. Но не следует унывать, эта гимнастерка еще поносится. Ткань даже на локтях еще не протерлась!"

— Даа! — протянул Пошивалов. А ты помнишь, перед войной всюду были расклеены плакаты — Сталин с девчушкой на руках. Хорошенькая такая девочка — круглолицая с бантиком на голове. И надпись: — «Жить стало лучше, жить стало веселей!» Так вот у нас под этими плакатами умные люди подписывали: — «Шея

стала тоньше, но зато длинней!» Я вспомнил это потому, что все это и сейчас актуально.

А у нас распевали такую песенку.

Товарищ Ворошилов, война уж на носу,

А конница Буденного пошла на колбасу.

Ворошилов К. Е. — маршал, был наркомом (министром) обороны. Маршал Буденный во время гражданской войны командовал 1ой конной армией.

— У нас песенки распевали и похлеще, — похвастался Пошивалов. Могу исполнить!

— Что — то мы с тобой в крамолу ударились? Надо быть поосторожней с такими высказываниями. Ведь опять идут аресты. Строятся новые лагеря. Не дай Бог, кто бы не услышал.

— Устал я уже бояться! всю жизнь боюсь! Ну, ладно! Хватит жаловаться на жизнь! Ты вот едешь на электричке за город. Обратил внимание, сколько инвалидов?

— А как же! всю дорогу! Кто без руки, кто без ноги, а кто и без обеих рук или ног. В вагоне одновременно находится 2 или 3 нищих.

— Эти нищие, как ты говоришь, капитаны, майоры. Это они поднимали нас в атаку: — «За мной! За Сталина! За Родину!» Мы шли за ними на немецкие траншеи с винтовками наперевес и при этом орали — «Урааа!» А теперь вот они нищенствуют, чтобы не сдохнуть с голоду!

— Но у них же есть пенсия!

— Какая, к черту, пенсия! Разве на нее проживешь? Мы их отлавливаем, а разве они виноваты? Вот на днях задержал я инвалида. Он меня спрашивает: — «Ты воевал?» «Ясное дело, воевал!» — говорю «А в каком звании?» «Рядовой!» — говорю. А он мне — «А я майор командовал полком, а вот теперь побираюсь, чтобы не умереть с голоду!» Вот так — то дорогой сослуживец!

— Даже в сознании не укладывается, что можно таких заслуженных людей обречь на нищенство! А кого еще знаешь из наших сослуживцев?

— Комбата нашего знаю!

— Вот это да! Что ж ты сразу не сказал? Где он?

— В Туле!

— Как его найти? Обязательно поеду в Тулу и с ним поговорю. Напомню ему про случай с сумкой немецкого офицера, убитого Хаджихановым. Думаю, что комбат меня не узнает. В его батальоне таких гавриков, вроде меня, было много. Но это не важно. Все равно пообщаемся. Как его найти?

— Надо походить по винным магазинам и среди алкашей,

лежащих в канаве, поискать нашего комбата. Спился он! А вот историю Молчанова ты не знаешь!

— А что он — шлепнул пять фрицев, и все дела!

— Если бы так! Он тоже был легко ранен и, мы с ним вдвоем кантовались в ППГ. Только после того смертоубийства стал он, каким — то странным. Все старался уединиться, на разговор его не вытянешь. Я служил в ПФС, а он в боепитании. Однажды, мне с огромным трудом удалось вытянуть из него несколько слов. Он кратко рассказал мне, что убитые немцы приходят к нему по ночам.

Они идут гуськом друг за другом с поднятыми вверх руками и, кричат: — зачем ты убил нас!

— Ты бы видел, какой болезненной гримасой исказилось его лицо во время этого рассказа. Думаю, что это и явилось причиной его болезни. И вот, вдруг, он начал говорить какие — то непонятные слова, нечленораздельные звуки. Одним словом, сошел с ума. Хорошо, что удалось во — время вырвать у него из рук оружие. Он был очень буйным бросался на людей, что — то кричал. Пришлось его связать и отправить в тыл в психбольницу. Дальнейшие следы его потерялись.

Этот рассказ произвел на меня огромное впечатление

— А тебя тот фриц, которого ты шлепнул в том городе, который мы освобождали, не донимает? Тебя еще в Особый отдел таскали за него, Обвиняли в том, что ты, якобы, вытрясал его карманы.

— Еще как донимает! Он до сих пор является мне по ночам. Первое время это вызывало страх и лишало сна, но с годами эти посещения происходят все реже и реже. Да и сам посетитель становится менее агрессивным. В начале он меня все обвинял. «Ты, почему убил меня? Ведь я сдался. Бросил оружие и поднял руки. Я просил тебя не убивать.»

Естественно, в ответ: — «Ты пришел в нашу страну, как завоеватель. Убивал ни в чем не повинных людей. Грабил и сжигал дома. Надо было очистить нашу землю от таких зверей, как ты!» А он опять: — «Но я же сдался! Пленных нельзя убивать! Ты совершил военное преступление и должен за это ответить!» Это мною парируется так: "Неверно! Ты еще не был пленным! Это был бой. Ты в этом бою был убит!"

— Как ты думаешь, кто написал на тебя в Особый отдел о том, что ты, якобы, вытрясал карманы у убитого фрица? Пигольдин! Он много гадостей натворил! Еще такой вопрос. Как у тебя. со здоровьем? Последствия войны сказываются? — спросил Пошивалов.

— Еще как сказываются! При поступлении в институт мы

проходили медкомиссию. Врачи разных специальностей осматривали нас и выдавали свое заключение о годности к учебе. Тогда врачи определили, что моя нервная система в очень плохом состоянии. Они ее назвали «лобильной». Приписали в год два раза проходить курс внутривенного вливания, Выполняю. Спросил врача, как долго это будет продолжаться? Сказали до конца обучения в институте, а лучше всю жизнь.. Да и пребывания в окопах, заполненных ледяной водой, не прошли бесследно. Не приведи господь! Вот так — то, брат!

— У меня тоже проблемы со здоровьем. Ведь везде мы были с тобой вместе и в траншее, заполненной ледяной водой и, во всех других передрыгах. Однако, мне пора. — сказал Пошивалов. Жена, поди, совсем заждалась. Жалко мне ее! Мой оклад чуть — чуть побольше твоей стипендии с надбавкой. Да только ртов четыре. Жена работать не может. Дети очень малы. Ну, будь здоров! Встречаться мы с тобой будем?

— Обязательно!

Обменявшись своими координатами, мы договорились, как будем поддерживать связь. между собой После чего расстались Смотрю ему в след до тех пор, пока его белоснежный китель не растворился в темноте.

Совсем стемнело, а мысли обо всем, что услышал, терзали меня. А потом. пришел к выводу мир устроен несправедливо. Изменить его к лучшему невозможно!

Стоп! — мысленно закричал сам себе. А, как же с законом, который ты сформулировал. Ведь этот закон гласит: «В конечном итоге, всегда побеждает справедливость!» Что делать? Отказаться от этого закона? Тогда пошатнется и переломится стержень, который дает мне силы жить! Нет! Этот закон верен, действует и, будет действовать всегда! Иначе незачем жить! Жизнь теряет смысл! Буду! Изо всех сил буду придерживаться этого закона! Лучшие умы человечества тысячелетиями искали ответ на вопрос — в чем смысл жизни? Мой ответ таков: всегда, в конечном итоге, побеждает справедливость! Буду верить, что так будет и в этот раз! Однако, надо бежать в общежитие. Очень много учебных дел.

В нашем институте на каникулы была организована экскурсия в Ленинград так в те годы назывался нынешний Санкт — Петербург. Экскурсия была бесплатной за счет профсоюза. Мне удалось записаться в эту группу..

Замечательная экскурсия! Пять дней экскурсовод водил нас по бесконечным залам Эрмитажа. На шестой день мы посетили Особую кладовую (кажется так, она называлась.) в которой собраны несметные сокровища, как в денежном выражении, так и в историческом. Экскурсии заканчивались в середине дня, а

вторая половина дня была свободной. Мне пришла в голову мысль посетить своего приятеля по армейской службе.

Мы с ним после войны служили на офицерских должностях в одной воинской части. Должности наши были одинаковыми. Оба были командирами взвода автоматчиков, но в разных ротах.

При увольнении, этот офицер лейтенант Кудрявцев, дал мне свой ленинградский адрес. Этот адрес у меня хранится до сих пор. Вот по этому адресу и отправляюсь. «Вот эта улица, вот этот дом», как поется в песне. Иду по длинному коридору и, нахожу нужный номер комнаты. Стучу. «Войдите!» Вхожу. Вокруг стола сидят четыре мужика и играют в карты. Кудрявцев сразу узнал меня.. Встал из — за стола и сказал, что ему пора на службу.

Мы вышли из дома и молча пошли по улице. Молчание бывшего сослуживца вынудило меня задать вопрос

— Ты куда меня ведешь?

— На свою службу. Я теперь работаю в милиции. Думаю, что ты меня понимаешь...Я ничего не умею, только стрелять и поднимать бойцов в атаку — ответил он.

— А ведь стреляли мы с тобой отлично! — счастливо улыбаюсь, вспомнив годы военной службы.

— Не то слово! Помнишь, офицерский состав нашего батальона выполнял стрельбы из автомата. Расстояние 100 метров. Цель — бегущий стрелок — движется вдоль фронта со скоростью 3 метра в секунду. Дают 12 патронов. Условия: 4 попадания — отлично, 3 — хорошо, 2 — удовлетворительно. Так ты угодил в мишень 9 раз! Это был абсолютный рекорд, который никто не мог побить. — похвалил меня К.

— Насколько я помню, ты тоже попал в мишень 7 раз!

— Вот поэтому я пошел служить в милицию. Как никак, а все — таки при оружии.

Мы подошли к обшарпанному зданию милиции. Грязный коридор, облупившаяся штукатурка.

Через некоторое время мы молча вышли из отделения милиции. Задаю вопрос — насколько удачно ловятся преступники?

— Нам назначили нового начальника отделения и, сразу раскрываемость выросла.

— Почему?

— Начальник имеет своих людей в преступном мире. С каким — то преступником договаривается. Ему дают свободу, а он сообщает о готовящихся преступлениях. Вся шайка попадает в засаду, а осведомителю «удаётся» уйти. Правда, среди осведомителей убийц нет. Таких не вербуем.

Мы с приятелем мирно идем по улицам, беседуем, но

замечаю, что он заходит в магазины, пивные и другие заполненные людьми места. Он тщательно оглядывает каждого человека. На мой вопрос, зачем он таскает меня по этим местам? Достает узенькую полоску папиросной бумаги, на которой напечатаны приметы преступника. С удивлением слышу рассказ о том, что этот матерый насильник, отправил на тот свет, несколько женщин Он набрасывает на шею жертвы тонкую петлю и затягивает ее

— Ну, хорошо! Допустим, увидел человека, который подходит под описание преступника, что ты будешь делать?

— Спрошу который час? Когда он посмотрит на свои часы, я увижу их. Если это часы квадратной формы да еще из белого металла, как сказано в описании примет, попрошу его под каким — либо предлогом, пройти в отделение милиции. Там, разберемся, что к чему.

Мы попрощались и пошли в разные стороны

Моя судьба сложилась так, что, примерно, лет через 20, повторно женился. На этот раз на женщине, пережившей блокаду в Ленинграде. Она и после войны долго жила в нем. Задаю вопрос — не помнит ли она описанную ситуацию, когда в Ленинграде действовал такой преступник?. Отвечает, что весь Ленинград гудел по этому поводу.

Тогда, гордо выпятив грудь, говорю, что перед ней сидит человек, который участвовал в поимке этого преступника. И рассказал всю историю, не пропустив ни одной детали.

Этот рассказ произвел на нее большое впечатление и, она сказала, что будет гордиться мною всю жизнь! Вот какие последствия имел этот эпизод!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой
Большой дорогой столбовой, —
Кто цель имел и к ней стремился
Кто знал зачем он в свет явился
И Богу душу передал,
Как откупщик иль генерал.

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин». Ранняя редакция

Студенческие годы пролетели, как один миг. Наступило время работы над дипломным проектом. К этому времени будучи женатым над дипломом работал в доме своей жены.

На нашем курсе было к тому времени более ста человек. В начале повествования указывалась численность 220 человек. Наш факультет был разделен на 2 и, часть студентов оказалась на другом факультете.

Закончив работу над дипломным проектом первым, защищал его также самым первым 9 февраля 1955 года. Получил отлично.

В советское время существовала система распределения выпускников ВУЗов. Предприятия присылали заявки на молодых специалистов. Каждый выпускник, направленный по распределению, должен был отработать там не менее трех лет. По истечении этого срока специалист становился вольной птицей и имел право сменить место работы.

Список заявок был вывешен на стене в той аудитории, в которой заседала комиссия по распределению молодых специалистов.

На нашем курсе обучался сын крупного украинского руководителя, Дима Проценко.. Когда на наш выпуск пришло распределение, то для него было выделено особое место на одной киевской электростанции. Отец постарался.

Каждый имел право выбрать из списка заявок то, что ему нравится. Был установлен порядок, по которому отличники свой выбор делали первыми. Мне, как отличнику, было предоставлено право первым выбрать место своей будущей работы. У меня была предварительная договоренность с кадровиком одного

московского академического института. И в списке заявок на специалистов было наименование этого института, который и был мною выбран

Выхожу из аудитории, в которой шло распределение специалистов, ко мне подбегает этот Дима и тревожным голосом спрашивает меня, не выбрал ли эту киевскую электростанцию и, очень обрадовался, услышав мой отрицательный ответ.

О судьбе этого сокурсника останавлиюсь более подробно. Учился он посредственно в результате чего в списке на выбор места работы был ближе к концу.его,. но тем не менее ему досталась эта киевская электростанция

Продвигался по служебной лестнице он семимильными шагами и уже через пять лет был директором крупнейшей электростанции страны. Директор работа нервная, ответственная и в скором времени Дима оказался на работе в ЦК КПСС. Такое наименование получила ВКП(б)..Он там был инструктором, Его папа опять постарался.

Молодые читатели могут и не знать, что означает аббревиатура ЦК КПСС Разъясню: Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза — руководящий орган, которому беспрекословно подчинялись все органы государственной власти и управления страны. Генеральный секретарь этого ЦК был властителем страны с неограниченными правами.

Все, что происходило в стране, средства массовой информации объясняли «заботой родной коммунистической партии» На эту тему в народе ходили издевательские короткие стишки. Например.

Прошла зима, настало лето
Спасибо партии за это!

Когда праздники и выходные следовали одно за другим, то появлялся указ об объявлении выходного дня — рабочим. Обычно этот указ начинался словами: — «Идя навстречу пожеланиям трудящихся...» Так однажды, когда рядом с праздничными днями 1 и 2 мая оказалось воскресенье. Его объявили рабочим днем. Остряки тут же сочинили.

Спасибо партии родной
За доброту и ласку
У нас отняли выходной,
Но сохранили пасху...

Власть генсека была существенно выше власти Российских императоров. Приведу примеры. Ни один император не передавал части территории страны другим государствам. А генсеки делали это многократно и не только необоснованно, но и с нарушением законов, существовавших в то время. Так автономная республика Крым, входивший в состав РСФСР, был передан Украине «В связи с трехсотлетием воссоединения России и Украины». Кстати, такая передача могла состояться только по решению Президиума Верховного Совета России, но его никто не собирал. Предполагаю, что читателям незнакома аббревиатура: РСФСР. Это расшифровывается так: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Часть территории Тувы была передана Монголии, так как там родился тогдашний руководитель этого государства. Не буду перечислять многие головотяпские действия тогдашних генсеков. Это не является целью повествования..

Итак, меня по распределению направили в московский научно — исследовательский институт на должность младшего научного сотрудника. Как показывает само название должности оклад тоже был более, чем скромным.

На новом месте мне удалось довольно быстро вписаться в жизнь коллектива и обзавестись друзьями. Некоторые из них имели ученую степень кандидат наук.

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что быть специалистом хорошо, но быть кандидатом наук лучше. Во всех отношениях. Как у Гоголя в «Ревизоре» была «приятная дама» и «дама приятная во всех отношениях»

Ученая степень «кандидат наук» давала возможность занять должность старшего научного сотрудника. Оклад в этом случае повышался в три раза. Да и статус становился существенно более высоким.

Естественно, карьеристские замашки мне были не чужды. Сразу же удалось узнать, как получить эту ученую степень. Для этого нужно было проделать две операции. Первое: надо сдать четыре экзамена кандидатского минимума: философию, иностранный язык, базовую дисциплину по специальности и дисциплину по узкой специализации, в которой работает соискатель ученой степени. Эти экзамены надо сдать в течение трех лет. Если соискатель не уложится в этот срок, то ему экзамены придется сдавать заново.

Вторая операция была более сложной: надо написать и защитить кандидатскую диссертацию.

Не стал откладывать эти две операции в долгий ящик и с сентября 1955 года включился в изучение философии в группе

аспирантов. Весной следующего года успешно сдал экзамен кандидатского минимум по философии.

С изучением английского языка возникли трудности. Аспирантские группы по изучению языка состояли из трех человек. В такую группу принимали только лиц, поступивших в аспирантуру очную или заочную. По этой причине меня отказались включить в такую группу. Но выход нашелся. Увидев, что в одной группе только два человека, пришел на занятия и на вопрос, являюсь ли я аспирантом ответил утвердительно. Через какое — то время обман открылся, но в группе остался.

Руководителем нашей учебной группы была весьма пожилая женщина. Мои сослуживцы, узнав, кто руководит группой, сообщили мне, что если к концу обучения смогу стоять на ногах, то сдам экзамен на отлично. Только не всем это удается.

Эта преподавательница задавала на дом невероятно объемистые задания. Требовалось сделать перевод 100 — 150 страниц. Занятия проводились 2 раза в неделю. Это означает, что за неделю нужно перевести 200-300 страниц текста. Выполнения домашних заданий строго контролировалось. Чтобы выполнить эту работу приходилось трудиться над текстами днем и ночью. Один из обучавшихся в группе, как говорится, сошел с дистанции и, признался, что не в силах справиться с такой нагрузкой.

Весной мы, двое оставшиеся в живых, сдали экзамен на отлично. На экзамене нужно было в течение 60 минут письменно перевести текст из 1000 знаков. Словарем пользоваться можно, но, если открывать его более двух раз, то наверняка не уложишься в отведенное для перевода время. Мне удалось выполнить работу за 50 минут и сделать перевод без единой ошибки. Естественно моя оценка была отлично.

Одновременно велись научные работы. В конце каждого года требовалось сдавать отчет по работе. О результатах работы делался доклад на семинаре лаборатории.

Научно — исследовательские работы, которые мне приходилось выполнять по плану, потом были включены в мою диссертацию.

Во время работы в НИИ меня избрали заместителем секретаря партийной организации лаборатории. В это время произошло событие, которое отразилось на жизни многих людей.

Расскажу подробнее.

В институт прибыла комиссия ЦК КПСС во главе с заведующим одного из секторов отдела промышленности. В партийном бюро собрали секретарей парторганизаций лабораторий, среди которых был и автор этих строк, так как наш секретарь был в отпуске.

Зав сектором ЦК КПСС попросил секретарей партийных организаций высказаться по вопросу о состоянии дел в институте. Все выступавшие говорили общие фразы и, обсуждение шло, как говорится, ни валко, ни шатко.

Когда очередь дошла до меня, как будто с цепи сорвался. Рассказал, что на заседания Ученого Совета мы ходим, как на посещение зверинца. Лаются между собой академики спасу нет.

Но это бы еще ничего. Рассказал о настроениях рабочих. Вот мой рассказ. Помню его дословно, но привожу с некоторыми сокращениями..

— Прихожу в мастерскую, а рабочие митингуют. Увидев меня, замолчали. Говорю, что, если мешаю, то могу уйти. Один из рабочих сказал: — «Продолжай, Жора, этот свой не выдаст!» Сажусь на какой то чурбачок. Слушаю, о чем митингуют рабочие. Обсуждался жилищный вопрос. Не задолго до этого секретарь партийной организации института, доктор наук, только что получил квартиру. Митингующий рабочий сказал, что секретарь — начальник и поэтому получил квартиру. Он же рабочий родился в подвале, всю жизнь живет в подвале, и, видимо, умрет в этом подвале. «Потому, что я рабочий!» После этих слов рабочего у меня с ним состоялся такой разговор:

— В котором часу Вы ложитесь спать? — спрашиваю рабочего.

— А это какая передача по телевизору! Если интересная, то сидим до конца, а, если какаянибудь мура, то часов в 10 на боковую, — ответил мне рабочий.

— А вот секретарь парторганизации в 10 вечера только выходит с работы!

— Так он за это получает!

— Ничего не получает, а даже лишается некоторых заработков, которые получил бы, не будь секретарем. Он доктор наук, а ученых такого высокого ранга все время просят оппонировать, рецензировать, редактировать и прочее, разумеется, за плату. Будучи занятым партийной работой, он отказывается от этих заработков..

Вижу, что председатель комиссии лихорадочно записывает мои слова. Мне было ясно, что эта информация будет доведена до самых верхов и последует незамедлительная реакция. Мое выступление перед комиссией, было более красочным и эмоциональным..

В том, что последует реакция со стороны руководства страны, не ошибся, так как сразу же развернулось интенсивное жилищное строительство.

Еще один вопрос я поставил перед руководством. Дело в том,

что крупные ученые (академики и члены — корреспонденты Академии наук СССР) занимали должности сразу в нескольких НИИ или ВУЗах. Это приводило к тому, что они фактически не работали нигде.

Заведующий нашей лабораторией состоял в штате сразу шести организаций. Это мое высказывание тоже было записано председателем комиссии и в скором времени было принято правительственное постановление о том, что ученый может, кроме основной работы, работать на полставки в другой организации и обязательно только в одной.

Позднее появилось сообщение, что тогдашний Ученый Секретарь Академии Наук состоял в штате 114 организаций, причем в тридцати он получал зарплату.

Когда зашла речь о директоре нашего института и, председатель попросил меня высказаться по этому вопросу, назвал фамилию одного члена — корреспондента, работавшего в нашем институте. В скором времени он был назначен нашим директором.

Читатель, наверное, подумает, что автор этих строк переоценивает свою роль в событиях, происходивших в то время. Не буду спорить, но последовательность событий изложена совершенно точно. Вполне возможно, что руководители страны при принятии перечисленных решений, ориентировались и на другие сигналы с мест.

Не могу обойти молчанием еще одно событие, происшедшее в то время, по двум причинам. Автор этих строк был участником этого события, а изложение вопроса покажет читателю обстановку, царившую в стране в то время.

В 1955 году началось освобождение политических заключенных 1937 года. В те годы действовала такая установка: —"Или десять лет, или на тот свет!" Десять лет — это был максимальный срок заключения. Если преступление было более тяжким, то следовал расстрел.

В соответствии с этим порядком лица, арестованные в 1937 году, должны были получить свободу в 1947. Но их продержали в заключении 18 лет. Вероятно, правители боялись освободить их по истечении 10 летнего срока. Такое попрание существовавших законов было самым обычным явлением, так как называлось «революционной необходимостью.»

Люди, после восемнадцатилетней отсидки, преодолевшие невероятные лишения и издевательства тюремщиков, искали и, в ряде случаев, находили виновных в своих злоключениях Это не обошло место моей работы. Читатель догадывается, что называть фамилии фигурантов этих событий нельзя.

В нашу партийную организацию поступило заявление от освободившихся жителей одной закавказской республики, Оказалось, что сотрудник нашего института, назовем его ММ, имел непосредственное отношение к их осуждению.

Для расследования этого дела секретарь нашей партийной организации выехал в служебную командировку в эту закавказскую республику. После его возвращения было проведено закрытое партийное собрание по этому вопросу. Для тех, кто не знает, что такое «закрытое» партийное собрание поясню. На закрытом собрании могли присутствовать только коммунисты, в отличие от открытых собраний, на которые допускались и беспартийные Правда случаев, чтобы беспартийные ходили на собрания не припоминаю..

На собрании секретарь парторганизации рассказал, что был допущен к самым секретным материалам по сути вопроса. Из его доклада следовало, что ММ виноват в вынесении сурового приговора руководителям строительства.

В 1937 проклятом году, ММ работал на этом строительстве.. Все руководство строительством арестовали. Была создана экспертная комиссия, которой поручили дать заключение о деятельности руководства. Возглавил комиссию ММ. Эта комиссия сделала заключение, что все руководители были врагами народа.

Самое невероятное, на мой взгляд было то , что и на собрании спустя 18 лет, он продолжал утверждать, что осужденные враги народа..

Для этого ММ привел два эпизода.

Был неправильно выбран створ гидроэлектростанции. Платина ее опирается на скалы, одна из которых имела трещину. Пришлось на барже подойти к этой скале и цементным раствором заделать трещину.

Подстанция была расположена на скале над плотиной, что привело к перерасходу цветного металла на токоведущие шины.

Эти обвинения были легко опровергнуты приехавшими на собрания пострадавшими. Руководители не выбирали створ плотины. Это сделали три известных в то время ученых. Расположить подстанцию внизу вблизи плотины было экономически невыгодно Так как там было болотистая местность и пришлось бы сооружать большой и дорогостоящий фундамент.

Но самое главное комиссия НЕ ИМЕЛА ПРАВА квалифицировать действия руководства. Она должна дать заключение только по технической стороне вопроса. Комиссия превысила свои права.

. Его спрашивали, что может быть, на комиссию давили,

заставили сделать такой вывод? Если бы он согласился с такой постановкой вопроса, то собрание не осудило бы его. Но нет! Он и на собрании утверждал, что все руководство строительством — враги народа.

Заключение той комиссии привело к тяжелым результатам: одного руководителя расстреляли, а остальных приговорили к длительным срокам заключения. Все они отсидели в сталинских лагерях по 18 лет. Ну, а как же комиссия? Они заняли освободившиеся должности, а один даже занял его квартиру вместе с женой.

В результате этих головотяпских действий строительство было завалено, так как занявшие руководящие должности люди не имели опыта работы.

Обстановка на собрании при обсуждении вопроса была очень тяжелой. Некоторые женщины плакали. Из закавказской республики приехали люди, по вине ММ, отсидевшие 18 лет. Они, с южным темпераментом, говорили, что у ММ: «сердце черный, черный».

Кроме исключения из партии, было внесено предложение передать вопрос в прокуратуру. Но оно не собрало необходимое число голосов.

Через несколько дней, ММ был уволен с работы.

Продолжим наше повествование..

Прошло пять лет, а мой оклад оставался таким же крохотным, как и в начале работы. И вдруг появилась возможность, увеличить его на 50%. РК КПСС предложил перейти на работу в Министерство внешней торговли, чтобы заниматься импортом в Советский Союз машин, нужных народному хозяйству страны. (РК — районный комитет).

Конечно, работать в НИИ Академии Наук престижно, интересно, но не денежно. А потребности семьи все время возрастали. Это заставило меня принять предложение о переходе на постоянную работу в систему Министерства внешней торговли.

Мой научный руководитель — доктор технических наук, в ультимативной форме объявил, что, в случае моего ухода с работы, мне никогда не быть кандидатом наук. К этому ультиматуму отнесся серьезно, так как знал, что в научной среде благородство отступает на второй план перед мстительностью. Для сведения счетов применяются самые бесчестные приемы. Однако, материальный стимул был настолько велик, что пренебрег этой угрозой. Это потом имело для меня тяжелые последствия.

К этому времени в своем НИИ руководил группой сотрудников численностью 5 человек. Наша лаборатория в

составе 30 человек должна была к концу года выпустить 6 научных отчетов, из которых на долю моей группы приходилось 5. Чтобы не сорвать выполнение плана научных работ, я время от времени приходил на работу в свою группу и руководил своими бывшими подчиненными без всякой оплаты.. Все работы были выполнены в срок!

То, что мною будет изложено ниже, читателю (особенно молодому) покажется странным и непонятным. Однако, все было так, как написано далее.

В Министерстве внешней торговли сотрудники работали ради заграникомандировок. В то время в Советском Союзе в дефиците было ВСЁ! Служебная командировка за рубеж позволяла привезти дефицитные вещи, продажа которых давала хороший доход. Отправляясь в заграникомандировку, люди брали с собой продукты питания и электрокипятильник с тем, чтобы не расходовать валюту.

Известны случаи, когда артисты знаменитого Большого театра, поселившиеся в одной гостинице, для приготовления пищи одновременно включали эти электрокипятильники и освещение в этой гостинице отключалось из — за перегрузки.

Достаточно отвлекаться от воспоминаний!

Работа в системе Министерства внешней торговли мне не понравилась. Чиновничья работа! Ни уму, ни сердцу, как говорят в народе! В скором времени оттуда ушел и вернулся в свой институт.

Естественно, мой оклад был сохранен. Но моему бывшему руководителю это не понравилось и меня, в нарушение всех законов того времени, перевели на прежний мизерный оклад.

Передо мной было два пути: — судиться или уйти с работы. Судиться мне никак не хотелось и, мною был выбран второй путь — увольнение по собственному желанию.

Однако работа над диссертацией продолжалась, а когда она была закончена, то возникли трудности с ее защитой. Мой бывший научный руководитель делал все возможное, чтобы не допустить меня до защиты.

Мои многочисленные обращения в самые различные институты с просьбой о защите диссертации были отвергнуты. Для защиты диссертации полагалось найти двух оппонентов, один из которых должен быть доктором наук. На мою просьбу об оппонировании всегда следовал один и тот же ответ: — «Мне позвонили и просили, чтобы я отказался от оппонирования!»

В этот период моя сестра и мама начали хлопотать о пересмотре дела отца. Как стало известно, пересмотр дела не был формальным. На бывшее место нашего жительства приходил

следователь, который опрашивал соседей, знавших отца. Отец был осужден «за индивидуальную антисоветскую пропаганду». Соседям задавали вопросы не вел ли такой — то каких — либо разговоров на антисоветскую тематику. Все отвечали, что он никогда ни с кем не беседовал. Эти показания и явились основой для отмены приговора в 1937 году.

Через некоторое время мы получили справку. Вот ее содержание.

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданина Беяева Ивана Ильича, 1881 года рождения, работавшего счетоводом кассиром в конторе No 10 участка «Волгостройпути» пересмотрено Президиумом Верховного Суда БАССР 2 июня 1958 года.

Постановление от 4 декабря 1937 года в отношении Беяева Ивана Ильича отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА

..... ПОДПИСЬ

Гербовая печать

Вот такие события произошли в моей жизни через десять лет после окончания войны.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Здесь бой гремел. Траншей зигзаг
Едва приметен. И в раздумье
Здесь каждый раз, замедля шаг,
Клоню я голову седую.
Остановлюсь, увидя вновь,
В траве, заросшей повиликой,
Алеет ярко, будто кровь,
Солдат, здесь павших, земляника.

А. Тимонин. «Здесь бой гремел»

Минуло сорок лет, но о нас, участниках той страшной войны, все еще помнили.

В связи с сорокалетием победы, нас пригласили в небольшой город, в котором в 1941 году формировалась наша дивизия. В то время штаб дивизии помещался в здании школы.

Символично, что через сорок лет в этой же школе нас чествовали. В наш адрес было произнесено много добрых и теплых слов. Это произвело на нас неизгладимое впечатление.

Состоялось также праздничное шествие. Мы шли колонной, по главной улице города и, жители бросали нам под ноги цветы. Вся мостовая была усыпана цветами. Идти по цветам под восторженные возгласы жителей города — такое в моей жизни было впервые! Состоялся также концерт и праздничное угощение в местном ресторане

Трогательное и душевное отношение к нам жителей и руководства этого города забыть невозможно!

Пригласили нас и в тот город, освобождение которого описано выше. На пригласительном билете содержится такое небольшое, всего 8 строк, стихотворение.

В битвах пропитаны ваши шинели
Запахом пота и дымом костра.
В зной ваши души не зря ledenели,
В стужу сердца обжигала жара.
Шли вы в атаку по острым камням,
Зарева вас вырывали из тьмы,
В пору поднять десяти поколениям

Тяжесть, которую подняли вы.

Мне очень понравилось это стихотворение. Далее следует, текст приглашения, который приводится для того, чтобы читатель проникся духом того времени.

Уважаемый товарищ.....

Горячо поздравляем Вас с 40-летием Великой Победы!

В годину суровых военных испытаний по призыву Коммунистической партии, по велению сердца Вы встали на защиту Родины Октября, на священную борьбу с фашизмом.

Подвиг воинов, партизан, тружеников тыла навечно запечатлен в памяти народной. Он вдохновляет новые поколения на беззаветное служение партии, Родине.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, личного счастья, успехов в труде и общественной жизни.

*Райком КПСС Исполком районного Совета
народных депутатов Горисполком РК ВЛКСМ*

Вполне естественно, получив такое приглашение, я выехал в этот город.

Здесь нас принимал первый секретарь райкома партии очень приятная женщина средних лет. Каждый раз при встрече с жителями города мы чувствовали неподдельную теплоту и сердечность. Было организовано много мероприятий, которые также оставили массу приятных воспоминаний

Этот город, объятый пламенем, разрушенный до основания, теперь предстал передо мной красивый и зеленый. В городе было очень чисто. Секретарь райкома партии вела нас по улицам города и рассказывала о его достопримечательностях. Указывая на ухоженное опрятное здание, она сказала о том, что это хлебозавод, оборудованный по последнему слову техники, там все сверкает хромом и чистотой. Смотрю на все это и думаю, какой огромный труд надо было вложить, чтобы из груды развалин, горящих бревен, взорванных кирпичных зданий возродить этот город.

Как-то вечером, в свободное время, я решил посетить места, где происходили описанные выше трагические события. Наших окопчиков уже не было, а поле, по которому двигалась наша рота

под огнем снайпера, превратилось в сплошное непроходимое болото Лес, который языком вдавался в поле, был на прежнем месте.

Я стою на том месте, где был мой окопчик, залитый водой. Как я не напрягал зрение, но увидеть хоть какой — то след своего окопа мне не удалось. А вон там был разрушенный дом, от которого я взял две доски и два листа кровельного железа. Теперь там тоже ровная площадка.

Как мне захотелось пройти по этому болоту до лесочка, который был совсем недалеко от меня. Но местные жители предупредили, что болото непроходимое.

Больно сжалось мое сердце при воспоминании о тех трагических событиях. Особый отдел помещался за лесом, который виднелся слева. Пошел туда в надежде увидеть то место, на котором стоял автобус Особого отдела и то дерево, к которому должны были привязать меня для расстрела. Но не тут то было! Местность изменилась до неузнаваемости, а тут еще болото преградило мой путь. Так я и вернулся в то общежитие, которое нам выделили местные власти для проживания во время торжеств.

За сорок лет в моей жизни произошли и негативные изменения.

Осколок, оставшийся в ноге, начал проявлять все большую и большую активность. На рентгеновском снимке он хорошо виден. Врачи определяют его размеры 2х4 или 3х5 мм Раненная нога стала неметь, кровеносные сосуды на ней вздулись.

Что такое шрам на ноге, оставленный скальпелем хирурга? Это означает, что кровеносные сосуды перерезаны и кровь пошла обходным путем по другим сосудам. По этим сосудам шел свой поток крови и дополнительный поток заставил их вздуться. Для молодого человека, когда кровеносные сосуды эластичные, это ничем не грозит. С возрастом сосуды теряют свою эластичность, что приводит к варикозному расширению вен.

Детальное обследование кровеносных сосудов показало, что на раненной ноге сосуды находятся в худшем состоянии по сравнению со здоровой ногой.

Врачи предписали обязательно обертывать раненную ногу по утрам эластичным бинтом и не снимать его весь день. Я, человек дисциплинированный и это предписание врачей выполняю. Кто бы мог подумать, что такая крошка может причинять столько неприятностей.

Но вот в газете была опубликована реклама, в которой сообщалось о возможности исследовать кровеносные сосуды. Отправился туда. Там сразу предупредили, что обследование

стоит 400 рублей. Соглашаюсь.

Приятный врач средних лет в белоснежном халате и две не менее приятные медицинские сестры, подключали меня к каким — то аппаратам и занимались со мной довольно длительное время. Когда обследование было закончено и мне выдали результаты в письменном виде. достаю бумажник и подаю 400 рублей, как меня предварительно уведомили. Однако, медицинские работники отказались взять деньги. На прощание врач сказал, что не советует пытаться удалить осколок, который во мне находится.. Тело искромсают, а осколок останется. Мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить и уйти...

Непосредственное участие в боях, смертельная опасность, которой подвергаются во время боя его участники, необходимость преодолевать нечеловеческие трудности, оказывают большое влияние, как на психику человека, так и на его физическое состояние.

Влияние на психику человека характеризуется содержанием снов. В первые годы после войны преобладала военная тематика. Меня убивали или я убивал..

Мы все время вели наступательные бои, в которых наступающих гибнет на много больше, чем обороняющихся. Этим и объясняется то, что меня убивают чаще, чем это делаю я. Это очень тяжелые сны. Просыпаешься и обнаруживаешь, что весь покрыт холодным потом. Даже приходится менять пижаму..

Но теперь тяжелые сны, связанные с войной, стали приходить все реже и реже Появились сны , хотя и на военную тематику, но с приятной радостной окраской..

В атаку по ночам во сне все еще хожу. К сожалению, был такой случай, когда моя супруга сорвала мне такую атаку. Вот содержание сна.

Итак, теплый солнечный день. Мы, стреляя на ходу, идем цепью на немецкие позиции. Противник ведет огонь, но погибших бойцов очень мало. Почти нет. Здесь я отвлекусь от описания сна. По боевому уставу пехоты движение цепью на противника называется «наступательный бой» Зачастую ветераны войны неверно называют это атакой. По Боевому уставу атака это завершающий этап наступательного боя, когда до противника остается 40 —50 метров. Наступающие забрасывают противника гранатами и с криком «Ура!» устремляется на него. Это положение устава цитировалось в одной из предыдущих глав..

Но вернемся к описанию сна.

Вот наша цепь уже атакует противника. Я бегу с криком «Ура!» и вижу, как немцы выскочили из траншеи и бросились наутек. Мы перепрыгиваем через их траншею, преследуем

фрицев. Теперь совершенно ясно, что мы с ходу захватим и вторую их траншею. На моей душе стало так хорошо!

Вдруг ко мне сзади подбегает наш боец и, схватив меня за плечо, начинает отчаянно трясти с криком — Валера! Валера! Меня охватывает злорадство. Сжав в руке шейку автомата, поворачиваюсь к нему, чтобы ударить прикладом. Но тут голову пронзает мысль, что если я ударю этого бойца прикладом, то он будет убит, а я пойду под трибунал. Но нет злости к бойцу, который не дал нам добить фрицев, сильнее голоса разума. Моя левая рука явственно ощущает шейку приклада. Я поворачиваюсь и просыпаюсь.

Левая рука сжимает угол подушки, а за плечо меня трясет моя супруга. Но злость за сорванную атаку, все еще клокочет и, я кричу жене:

— Ты, что же такую атаку сорвала?

— Но ты кричал и, я подумала, что тебе плохо!

— А что я кричал?

— Ура! Ура!

— Ну, скажи, если человек кричит — ура — разве это означает, что ему плохо?

Я так рассердился, что не разговаривал с ней целый день!

Это тоже последствия войны

В те годы для участников войны было традицией на День Победы собираться в Парке Горького, У каждой дивизии, армии был свой столик с указателем номера воинского соединения. Эти столики располагались вдоль набережной. Вокруг такого столика и собирались однополчане. Многие из них приезжали издалека. Буквально со всех концов страны. На таких встречах удалось узнать адреса многих однополчан. По стране, нас ветеранов дивизии набралось 310 человек.. Только в Москве оказалось 62 ветерана..

Нами был создан Совет ветеранов дивизии, во главе с Президиумом под моим председательством..

Вскоре, в Москве, в одном учебном заведении, появился музей нашей дивизии. В нем отражен ее боевой путь.. Он стал центром ветеранской работы. Мы, частенько, выступали перед учащейся молодежью со своими воспоминаниями, которые. вызывали у них большой интерес.

В настоящее время ничего этого не делается. Когда я, совсем недавно, предложил провести такую встречу мне ответили, что нельзя занимать учебные часы таким мероприятием. Такое отношение к патриотическому воспитанию молодежи не способствует формированию полноценного гражданина своей страны.

В городах, которые освобождала наша дивизия, школьники создавали клубы истории дивизии. Всего по стране таких клубов было двадцать пять. Эти клубы собирали материалы, относящиеся к истории дивизии. Ежегодно, в День Победы мы получали поздравления от этих клубов.

Передо мной толстенная пачка поздравлений. Смотрю на них и думаю, если о них не написать, то никто никогда не узнает о школьниках, учителях, работниках музеев, которые писали, сочиняли стихи,. рисовали для нас, убеленных сединами, ветеранов войны. Вот одно из этих поздравлений Воронежского областного краеведческого музея. Начинается оно стихотворением Михаила Касаткина.

...Обломки жизни, черных рек излучи
И танки, а не копны по полям...
И сколько муки, сколько адской муки
В страду крутую выпало всем нам.
Но этот сплав решимости и скорби
Удваивал нам мужество в бою.
Мы шли вперед, свои спасая корни
И Родину великую свою.

Далее следует текст поздравления.

Ветерану Великой Отечественной войны.

Дорогой..... Вот уже 40 лет мы живем под мирным небом. Уже третье поколение не знает ужасов войны. И только многочисленные памятники напоминают о великом ратном и трудовом подвиге нашего народа, разгромившего фашизм.

Наша страна внесла решающий вклад в победу над гитлеровской Германией в дело спасения мира от фашистской чумы. Вы были в первых рядах защитников Родины, одним из тех, кто отстоял свободу и независимость первой страны социализма.

От всей души поздравляем Вас, дорогой фронтовик, с 40-летием Великой Победы и желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, успехов в решении задач по укреплению экономической и оборонной мощи СССР в военно-патриотическом воспитании молодежи.

9 мая 1985 г.

Директор Воронежского областного краеведческого музея

И. Мельниченко.

Председатель Совета военно-исторической секции
А. Гринько.

Вот поздравление из г. Слоним Гродненской области. Оно начинается стихами.

Ваше мужество тверже стали,
Ваша слава — в огне знамен.
Вам за мир, что в боях отстояли,
Дзякуй наш и земной поклон.

Дорогой.....

Сердечно поздравляем Вас, Ваших родных и близких
с Первомаем и днем Великой Победы.

Нам помнить и свято чтить ветеранов войны и труда,
всех тех, кто несет свою службу в рядах Вооруженных
Сил Союза ССР, кто своим личным трудом укрепляет
могущество нашей Родины.

Горячо желаем всем чистого мирного неба, доброго
здоровья, большого личного счастья, успехов во всех
начинаниях.

Комитет комсомола СШ 4 г. Слонима
Совет пионерской дружины
Совет народного музея.

Вот поздравление из г. Тулы, 4 СШ, клуб «Поиск»

Дорогой.....

Сердечно поздравляем Вас с праздником — 9 мая —
Днем Победы.

Желаем Вам, прежде всего, крепкого здоровья на
долгие годы, весеннего настроения, мирного неба!

Спасибо Вам за ваш святой подвиг! Всего Вам
доброго! Пишите нам!

С уважением клуб «Поиск» 4 СШ

Вот и приглашение.

Уважаемый.....

Приглашаем Вас на торжественную встречу
ветеранов Великой Отечественной войны с
комсомольцами и молодежью нашего института,
посвященную 40-летию Победы Советского народа над

фашистской Германией.

Встреча состоится 29 апреля 1985 года в 15.00 в актовом зале Комитет ВЛКСМ

Вот поздравление из г.п. Свислочь, ул. Ленина, 8. Музей.

Уважаемый.....

Поздравляем с Днем Советской Армии и Военно-морского флота. Крепкого здоровья, долгих лет жизни и светлого мирного будущего.

Работники музея

Поддерживалась связь и добрые отношения и с другими музеями, школами:

Школа 2 г. Борисоглебск, Воронежской области. Школа 13 г п. Щекино Тульской обл. Педучилище Клинцы Брянской обл. Школа 40 Калининград (областной).Средняя школа в Перемышле Калужской области Средняя школа им Горького г Новохоперск. Воронежской обл. и много других. Не буду утомлять читателя их перечислением.

Ветераны дивизии — москвичи тоже не сидели, сложа руки. В течение нескольких лет мы организовывали в Москве встречи ветеранов — однополчан. Ох, и сложно было проводить эти встречи! Автор этих строк был организатором их..

Для иллюстрации приведу в сокращенном виде программу одной встречи.

ПРОГРАММА встречи ветеранов-однополчан дивизии с преподавателями и учащимися ПТУ, посвященной 39-й годовщине Победы над фашистской Германией

12 мая 1984 года

11.00. Прибытие ветеранов — однополчан на торжественную встречу.

11.10 Поздравления с 39-й годовщиной Победы. Исполнение гимна Советского Союза.

!!1.30. Торжественное внесение знамен в Актовый зал.

Далее идут информация о работе Президиума Совета ветеранов, поздравления, награждение активистов.

12.30 Проезд на автобусах на Красную площадь, к могиле неизвестного солдата, Музею Вооруженных сил и в 17.00 товарищеский ужин в Мраморном зале ресторана «Москва.»

Обычно, на таких встречах, кроме ветеранов — мужчин, участвовало и несколько женщин. Я поинтересовался у них — в качестве кого, они служили на войне в нашей дивизии.

Оказалось, что они были медсестрами в санбате. В процессе беседы мне с большим трудом удалось определить медсестру, которая и была той красавицей. Это она сделала мне укол и потом проявила заботу обо мне.

Неумолимое время сделало свое дело! Обнаружить какие либо черты сходства с той красавицей было очень трудно, но все же возможно. В конце концов, мы разговорились, но она меня не узнала. Уж очень много раненных прошло через ее руки! Такова жизнь!

Ну, а что же происходило в это время в стране? Положение в стране сказывается на жизни каждого человека и я не исключение.

А эта жизнь с каждым годом, с каждым месяцем становилась все хуже и хуже

С болью в сердце я видел в каком положении находится наша страна.

.. Продукты питания постепенно исчезали из магазинов. На эту тему ходило множество анекдотов. Например, такой. Некий гражданин ходит по улицам Москвы и кричит: — «Масла нет! Мяса нет!» Два спортивного вида гражданина отзывают его в сторонку и предлагают перестать мутить народ. Как только они скрываются из вида, гражданин снова кричит: — «Мяса нет! Масла нет! Патронов тоже не хватает!»

Невооруженным взглядом видно, что страна скатывается к экономическому кризису

В чем причина? Ведь Советский Союз — огромная страна богатая полезными ископаемыми с талантливым народом...

Иначе и быть не могло! С самого начала экономику, поставили, с наг на голову. Развитие экономики любого государства начинается с легкой промышленности. Это позволяет накопить необходимые ресурсы и перейти к развитию средней и тяжелой промышленности, которые являются капиталоемкими. В Советском Союзе поступили наоборот. Начали, первым делом, развивать тяжелую промышленность для обеспечения обороноспособности страны. Поэтому мы и пришли к полной деградации экономики.

Запрет частной собственности было второй ошибкой компартии. Все стало государственным. Для управления экономикой пришлось создавать многочисленный чиновничий аппарат, который, к тому же, не заинтересован в улучшении производства. Ведь это никак не скажется на зарплате чиновника. Я сам работал главным специалистом в одном министерстве и убедился в этом.

В.И. Ленину сразу же стало ясно в какое катастрофическое

положение попала наша экономика. Поэтому он в 1919 году обратился к меньшевикам с предложением восстановить частную собственность. Меньшевики отказались сотрудничать с большевиками.

Чтобы как — то улучшить положение был введен НЭП (новая экономическая политика) Разрешили частную инициативу в легкой и средней промышленности. Сразу же улучшилось экономическое положение страны. И.В.Сталин в 1928 году отменил НЭП. Последствия этой отмены привели к той ситуации, в которой мы находились через сорок лет после окончания войны..

Имеет значение и то, что раз все государственное — значит ничье. Значит можно воровать, ломать все, что попадется под руку, а частник заинтересован в сохранении всего своего имущества, в улучшении управления производством..

Невероятные, по головотяпству, ошибки были совершены в сельском хозяйстве. Здесь и раскулачивание, о котором говорилось выше и, рассказывание (зажиточные казаки были частично уничтожены физически, а оставшиеся. сосланы в Сибирь). Государство отобрало землю у крестьян. Крестьяне загнанные в колхозы и совхозы.не заинтересованы в своем труде.

Все держится на труде горожан. Царская Россия была основным производителем хлеба. В Европе половину потребления мяса и масла покрывалось поставками из нашей страны. А Советский Союз закупает зерно за рубежом. Закупки эти год от года увеличивались. В начале 60х годов закупалось 4-6 миллионов тонн. В конце восьмидесятых годов они возросли до 40-60. Это означает полную деградацию сельского хозяйства.

Наши встречи с Пошиваловым продолжались, но теперь уже не на скамеечке, а в кафе.

На одной такой встрече.возник вопрос об инвалидах войны

— Куда девались инвалиды, которые побирались в электричках? Они совсем исчезли! Как ты думаешь, куда они делись? — обращаюсь к Пошивалову.

— Ясное дело куда! Перемерли!

— Но ведь среди них многие были нашего или близкого к нам возраста? Мы то с тобой еще и до пенсии не дотянули, а их уже нет.

— От нужды отправились на тот свет!

— Это одна из причин, но есть и другая причина. Думаю более страшная!

— Что ты имеешь в виду?

— Просить милостыню — это значит, все время переживать стресс. Ведь это так унижительно! Нищий испытывает стресс 24

часа в сутки, 365 дней в году! Выдержать такое унижение мужику, который помнит себя в полном здравии, невозможно. Расскажу об одном эпизоде, свидетелем которого я был.

По вагону электрички движется молодой здоровый парень на костылях. Пассажиры бросают ему в кепку монеты. Вот и моя станция. Выхожу из вагона и вижу, что инвалид тоже вышел. Он оперся в ограждение платформы, повернулся к поезду спиной и горько заплакал. Вернее зарыдал! К нему подходит женщина в шелковом платье и что — то говорит. Он поворачивается и швыряет ей в лицо кепку со всеми собранными монетами. Его лицо выражало такой гнев и злобу, которую невозможно описать. Вот так то, брат!

— Пожалуй ты прав. Это и явилось другой причиной ранней смерти инвалидов! — сказал Пошивалов

— Я, думаю, есть еще одна причина. Природа создала человека, очень совершенным. В нем нет ничего лишнего. Потоки крови, лимфы, передача нервных сигналов от мозга ко всем частям тела и обратно нормально функционируют, когда организм ЦЕЛЫЙ. Если же на пути этих потоков встречается препятствие, созданное скальпелем хирурга, то в работе организма происходит сбой. Нарушается отлаженный сотнями тысяч лет механизм функционирования организма. Организм реагирует на эти сбои преждевременной смертью.

— Уж очень мудрено ты рассуждаешь! Все это не укладывается в моем сознании. — Пошивалов в недоумении покачал головой.

— Какие бы причины не были, все же удивляться уходу из жизни инвалидов не следует. Для «нашей бучей, боевой кипучей», как писал Маяковский, это лучший способ избавиться, от последствий войны. Вот так — то, брат!

Следующая встреча с Пошиваловым состоялась, после моего выхода на пенсию, где —то в середине 1986 года. Рассказываю ему о своей партийной работе. Меня избрали секретарем парторганизации ЖЭКа по месту жительства. Наша партийная организация была довольно крупной — более сотни членов партии

На очередном партийном собрании я поставил вопрос о необходимости коренных преобразований, как в партии, так и во всей стране.

После длительных обсуждений партийное собрание постановило:

— необходимо перейти к многопартийной системе организации политической жизни в стране. Совершенно ясно, что это осложнит работу КПСС с населением, но заставит проявлять

большую гибкость в нашей работе.

— следует перейти на всеобщие выборы мэров городов и глав областей и районов.

— выборы органов законодательной власти производить на альтернативной основе. Считать недопустимым положение, при котором в бюллетене имеется только одна кандидатура.

— переименовать КПСС и изменить систему управления партией.

— поручить секретарю партийного бюро выступить на очередном партактиве и поставить эти вопросы на всеобщее обсуждение.

Еще были какие-то предложения не менее радикальные, но я их не запомнил.

Очередной партактив состоялся в каком-то клубе. Зрительный зал был переполнен. Несмотря на то, что мне дали слово в самом конце заседания, мое выступление произвело огромное впечатление на присутствующих. Об этом можно было судить по тому, что некоторое время в зале стояла гробовая тишина.

На следующем партактиве выступило много секретарей партийных организаций и все от имени своих организаций вносили свои не менее радикальные предложения.

Я сидел и думал, что наступило время перемен и хорошо, что мое выступление вызвало такой шквал политической активности. Но одновременно в моей душе была твердая уверенность, что все эти выступления напрасны и все останется так, как было до сих пор. Социализм в нашей стране движется к пропасти, остановить его невозможно.

ЭПИЛОГ

Вот и закончилось повествование о моей фронтовой жизни и отчасти после фронтовой. Очень многие отрывки песен автор писал по памяти. Это означает, что могут быть неточности.

Автор состарился, но то, что пришлось пережить, наложило отпечаток на всю последующую жизнь. Это вовсе не означает появления синдрома, который в настоящее время наблюдается в США: «Вьетнамский синдром» или «Иракский синдром». Однако, пережитое оказывает воздействие на психику и сопровождает автора непрерывно все эти годы. Поэтому я и начал писать свои воспоминания..

Считаю, что все здесь написанное будет полезно знать последующим поколениям.. Со всеми участниками описываемых событий связь утрачена навсегда. Причина этого уход их из жизни. Последним моим сослуживцем был Пошивалов, но и его уже нет в живых.

События, которые здесь описаны, зачастую носят трагическую окраску, но, что поделаешь, война! Автор, как только не называет войну: Это и одна большая трагедия и, «сплошные приключения». Есть и другие эпитеты. От войны устаешь, Ее начинаешь ненавидеть. А ей хоть бы что. Идет и не может остановиться.

Когда объявили об окончании войны, можно было видеть, что солдаты плясали от радости не в силах сдержать свои эмоции.

Сейчас, перечитывая текст, удивляюсь, как можно такое пережить. В то время ничего необычного в тех событиях не было. Это была повседневная жизнь!

Многие другие участники Отечественной войны, как правило, пережили такие же трудности и лишения. Разумеется, если они не служили в штабах или управлениях армий.

Жизнь продолжается и унывать не следует. Жизнь, как сказал поэт прекрасна и удивительна!